

1

2023

ISSN 0132-1625

СОДМ

Дополняем творческую
биографию П. Сорокина

Что думают работодатели
об иностранных работниках?

Концептуализация цифрового

Социальные настроения в Казахстане

Феномен русской
субъективной школы:
самобытность рефлексии

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

3 К ЧИТАТЕЛЮ

ПАМЯТИ Н.И. ЛАПИНА

- 5 БЕЛЯЕВА Л.А. Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 16 ШМЕРЛИНА И.А. Русская субъективная школа как альтернативный способ социальной рефлексии

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 26 ДЕНИСЕНКО М.Б., МУКОМЕЛЬ В.И. Иностранные работники в России: мнения работодателей

- 38 ГРИГОРИЧЕВ К.В. Специфика воспроизводства населения в субурбанизированной зоне (на примере Иркутской агломерации)

- 52 ПОГОСЯН Г.А., ОСАДЧАЯ Г.И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 62 БАРХАТОВА Л.А. От изучения виртуального к цифровому: методологические возможности и ограничения подходов

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 71 ДОРОШЕНКО С.В., САНАЕВА О.В. Влияние закредитованности населения на уровень суицидов в российских регионах

- 82 БЕЛОВА Ю.Ю. Трезвый образ жизни: мотивы, роли, практики

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 95 ИЛЕУОВА Г.Т., СИМАКОВ О.А. Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года

- 107 АБДИРАЙЫМОВА Г.С., ВЕРЕВКИН А.В., ЛИФАНОВА Т.Ю. К оценке социального настроения казахстанского студенчества
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- 114 ГОЛОВИН Н.А. Сотрудничество П.А. Сорокина и Р. Турнвальда в журнале "SOCIOLOGUS" (К публикации деловой корреспонденции и рецензий)
- 124 Избранная корреспонденция П.А. Сорокина и Р. Турнвальда (1928–1954)
- 130 СОРОКИН П.А. Некоторые новые книги по «философской» и «эмпирико-индуктивной» социологии: сводная рецензия
- 137 СОРОКИН П.А. Отмар Шпанн. Кризис в политэкономии (дополненный доклад): рецензия
- 140 СОРОКИН П.А. Теодор Гайгер. Образы товарищества. Знание и влияние: рецензия
- 143 СОРОКИН П.А. Вопросы общей и социальной психоневрологии / Под ред. А.И. Геймановича; Труд и нервная система / Под ред. А.И. Геймановича; Условные рефлексы / Под ред. Г.В. Фольборта: сводная рецензия
- 145 СОРОКИН П.А. Словарь-руководство по социологии / Под ред. А. Фирканда и других: рецензия

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 147 РОМАНОВСКИЙ Н.В., ДЕМИДЕНКО С.Ю. Новая социальная реальность (О XXIV Харчевских чтениях)
- 151 АФАНАСЬЕВ А.В. К 100-летию академика В.Г. Афанасьева
- 154 КОЛЕННИКОВА Н.Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности
- 157 СМЕРНОВА А.С. О проблемах цифрового неравенства
- 158 РЯЗАНЦЕВ С.В., СИВОПЛЯСОВА С.Ю. XI Валентеевские чтения по демографии

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 161 ТОЩЕНКО Ж.Т., ТАРТЫГАШЕВА Г.В. А что на самом деле происходит в сфере культуры?

КОРОТКО О КНИГАХ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

CONTENTS

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2023

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2023

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2023

Дорогие авторы и читатели нашего журнала!

Прошедший год избыточно наполнен социологической эмпирикой, которую еще предстоит осмыслить, проанализировать, сделать теоретические обобщения и выводы. Эмоции приходится отложить, если мы претендуем на научный анализ происходящего. А рано или поздно это придется делать. Вопрос в том, насколько методы современной социологии релевантны действительности.

На страницах нашего журнала и, что еще важнее, в редакционной почте, которая по объему примерно в три раза превышает публикуемые материалы, достаточно хорошо просматривается интерес авторов к междисциплинарным исследованиям в сфере гуманитарных (социальных) наук. И социология, как самая *феноменологичная* из них, располагает исключительно богатым опытом и инструментарием подобных исследований. Происходящее сегодня в нашей стране и в мире в целом воспринимается исследователями в системе ценностных, культурных, корпоративных координат, которые определяются современной эпистемологической парадигмой. Благодаря ей получаемое знание всегда структурировано имплицитным набором исторически заданных и контекстуально определяемых факторов.

Означает ли это неизбежность *релятивистской* составляющей, которая позволяет трактовать (интерпретировать) получаемые результаты как относительные, вероятностные, вариативные? В какой-то мере – да. Но такая угроза научности социологических знаний легко преодолевается движением по пути теоретизирования – построением вначале теорий *ad hoc*, а затем промежуточных и теорий среднего уровня.

При этом приходится считаться с тем, что техника и цифровизация беспрецедентно изменили границы изучаемого «социального». Возникла новая искусственная (постчеловеческая) социальность, где исчезают онтологические и эпистемологические различия между органическим и неорганическим, рожденным и произведенным, телом и металлом, электрическими цепями и органическими нейронными системами.

Для научного понимания такой социальности нужны новые подходы и инструменты. Один из них – отказ от традиционного (на протяжении нескольких столетий со времен Просвещения) европейского антропоцентризма и присущего ему гуманизма. Человек перестает быть «мерой всех вещей». Но это не значит переориентацию познавательных ценностей и принципов в сторону Востока. Напротив, речь идет о признании новой социальной субъектности (агентности) общественной жизни – институтов и процессов, которые должна изучать современная социология. Трансформация субъектности становится важным фактором цивилизационного бытия.

Научная легитимность социологического знания в ситуации деконструкции европоцентризма будет определяться геополитическими и высокотехнологическими факторами, развитием индустрии экспертизы и постепенным переходом к когнитивному (информационному) капитализму.

Все эти особенности пока только начинают осознаться исследователями. Но их революционизирующее значение трудно переоценить.

В организационном плане в 2023 году нас ждет обновление руководящих органов журнала – Редсовета и Редколлегии. Согласно сложившемуся порядку каждые пять лет происходит ротация членов редколлегии. Мы благодарим наших членов команды за неоценимую помощь на протяжении многих лет в обсуждении статей и стратегии развития журнала. Разумеется, сотрудничество с уходящими из редколлегии не заканчивается – мы будем рады видеть их в качестве не только авторов, но и внешних рецензентов журнала. Позвольте приветствовать и вновь утвержденных членов Редколлегии и Редсовета журнала. Надеемся на плодотворное сотрудничество.

В наступившем году нас ждет юбилей – 25-летие Харчевских чтений. По традиции они ориентируются на осмысление теоретических и методологических вопросов социологии. Публикуются статьи в соответствующей рубрике, нацеленные на прирост теоретического социологического знания. Сама конференция проводится в октябре, где обсуждаются новые идеи, концепции, подходы. По всей видимости, это юбилейное событие мы посвятим тем вопросам, которые названы выше, – особенностям трансформации человека и общества под воздействием современных (NBIC – *нано, био, цифровые, познавательные*) технологий. Ждем интересные статьи и доклады. Следите за новостями на нашем сайте: <https://www.socis.isras.ru>

Планируем также продолжить встречи с авторами и читателями из различных регионов страны, подобно мероприятию в ноябре в Санкт-Петербурге на базе социологического факультета СПбГУ. Будет сохраняться и практика вебинаров для авторов нашего журнала.

Одним словом, планы есть, продолжаем работать!

От души желаю, чтобы наступающий Новый 2023 год стал благоприятным и плодотворным для авторов и читателей нашего журнала!

Г.А. Ключарев,
главный редактор

© 2023 г.

Л.А. БЕЛЯЕВА

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛАПИН: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна – доктор социологических наук, и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва, Россия (bela46@mail.ru).

Аннотация. В статье дан краткий очерк научных идей члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина – одного из активных участников возрождения социологии в России в 60-е годы XX века. За 60 лет научной деятельности Лапин оставил большое научное наследие в таких отраслях социологии и смежных науках, как социология организаций, социология управления, социология инноватики, социальные проблемы глобального моделирования, история социологии, социология кризисного социума и социокультурной трансформации, региональная социальная компаративистика, цивилизационное развитие России. В статье представлены три проекта, осуществленные под научным руководством Н.И. Лапина: социальная организация промышленного предприятия и труд рабочих в автоматизированном и неавтоматизированном производстве (1968–1973), социокультурная эволюция России и ее регионов (1990–2020). Третий проект, которому Н.И. Лапин посвятил последние годы, – цивилизационное развитие России, обобщает размышления ученого об истории и судьбе страны, о ее месте на цивилизационной карте мира.

Ключевые слова: социальная организация предприятия • социокультурная эволюция России • локальная цивилизация • модернизация • Н.И. Лапин

DOI: 10.31857/S013216250022847-4

Написать о вкладе Николая Ивановича Лапина в развитие социологии в России, казалось бы, просто. Его труды широко известны, они поистине неисчерпаемый источник научных идей и практик их реализации самим этим ученым и его учениками в нескольких поколениях социологов. С другой стороны, мы встречаемся с таким разнообразием научных интересов исследователя, который работал не просто на границе взаимодействия нескольких наук, но и за более чем 60 лет научной деятельности создал труды, которые до сих пор вызывают интерес социологов, философов, историков философии и социологии, системотехников, исследователей трудовых коллективов, правоведов, психологов, представителей других направлений социального знания. И в каждом из них мы находим разносторонний авторский подход, который становился надежной опорой создания ряда научных направлений отечественной науки: социология организаций, социология управления, социология инноватики, социальных проблем глобального моделирования, социология кризисного социума и социокультурной трансформации, региональная социальная компаративистика. Темперамент Н.И. Лапина как ученого не ограничивался научными исследованиями. Он был в центре организационных новаций, будь то создание новых лабораторий и отделов социологического профиля в институтах, организация новой редакции в издательстве, участие в подготовке условий для создания первого в стране социологического института (Института конкретных социальных исследований), организация

Российского общества социологов, утверждение социологии и политологии в списке номенклатуры специальностей, по которым присуждаются ученые степени по социологии, что открыло путь созданию в вузах социологических факультетов и кафедр, других институций, направленных на укрепление места социологии в системе общественных наук в России и повышение ее роли в изучении социальных проблем страны. Нельзя не упомянуть вклад Н.И. Лапина в создание и координацию крупных исследовательских проектов «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (1968–1973), «Труд и профессиональные характеристики рабочих в автоматизированном и неавтоматизированном производствах» (1972–1973), «Нововведения в организациях: стимулы и препятствия» (1977–1984), «Социально-экономические аспекты развития и применения микропроцессорной техники в странах – членах СЭВ» (1983–1985). Два крупных проекта, задуманных Николаем Ивановичем Лапиным, осуществляются и сейчас коллективом, которым он руководил последние 30 лет, Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН: всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» (с 1990 г.), «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (с 2005 г.). Диапазон ученого был столь широк, что трудно назвать социологическое направление, по которому он бы не оставил значимых научных работ. Читая их сегодня, видишь, что в каждое Лапин внес весомую лепту. В этом сказывалась научная любознательность ученого, его фундаментальная философская подготовка на философском факультете МГУ в горячую пору идеологического противостояния сторонников партийности философии и профессиональных преподавателей, которые привлекали студентов к самостоятельному изучению источников, учили научному подходу к предмету.

Такой фундаментальный подход определил интерес Лапина к самостоятельной реконструкции начальных этапов формирования взглядов К. Маркса, что вылилось в 1968 г. в защиту докторской диссертации и публикацию монографии «Молодой Маркс», выдержавшей 3 издания в России и 11 изданий в других странах мира [Лапин, 1968]. Обращает на себя внимание заостренный Лапиным факт, что на становление материалистических взглядов Маркса большое влияние оказало проведенное самим Марксом социальное исследование среди крестьян Мозельского края и чиновников. Здесь видится первое обостренное внимание Лапина к эмпирическим фактам, что позднее выльется в неизменный интерес к изучению реальных социальных общественных проблем на основе достоверных эмпирических данных, в желание их анализировать и соотносить с теоретическими положениями и выводами, которые обосновывал ученый.

Теоретические новые подходы и собственные разработки Н.И. Лапина были в основе практически всех проектов, которые он инициировал и воплотил в жизнь. В рамках статьи невозможно сказать даже о половине из них, остановимся на трех основных направлениях. Первое – самое раннее (1968–1973), посвящено социальной организации промышленного предприятия и труду рабочих в автоматизированном и неавтоматизированном производствах. Второе направление посвящено изучению социокультурной эволюции России и ее регионов, которое включало теоретическую разработку АСК-концепции и эмпирическую часть – всероссийский мониторинг и реализацию программы «Социокультурный портрет регионов». Третье направление, которому Н.И. Лапин посвятил свои последние годы, – участие в мегапроекте Института философии РАН «Российский проект цивилизационного развития», воплотившем размышления об истории и судьбе России, ее месте на цивилизационной карте мира. В нем рассматривалось, какие институты и механизмы общественного бытия и сознания двигают страну в ее своеобразном цивилизационном состоянии. Не сомневаюсь, что эти размышления подпитывались тем социологическим материалом, который за несколько десятилетий составил научный капитал ученого – философа и социолога.

Итак, первое направление сейчас, на первый взгляд, самое тривиальное – **изучение предприятия как социальной организации**. Но в контексте времени, когда в стране была сделана попытка провести косыгинские реформы с некоторым ослаблением

административного диктата и расширением самостоятельности предприятий, встретившая после чехословацких событий 1968 г. нарастающее противодействие, теоретическая постановка проблемы соотношения планируемых и спонтанных процессов на предприятиях обладала несомненной научной новизной. В это время преобладал административно-командный подход в управлении страной и предприятиями, в котором не было места несогласованной инициативе снизу, учету личных интересов работников предприятий, не совпадающих с целями организации. В этом исследовании был использован структурно-функциональный анализ предприятия как социальной организации в противовес рассмотрению предприятия только как производственного коллектива. Такой подход позволил минимизировать влияние идеологических установок и осуществить критический анализ социальных процессов на предприятиях. В теоретическом плане была предложена концепция социальной организации предприятия как системы социальных групп, возникшей на стыке двух систем – предприятия и общества. Обоснованы функции и изменяемые параметры социальной группы: анализировались группообразующие факторы, морфологические и динамические характеристики. Была проведена типология социальных групп на советском предприятии (целевые, неформальные и др.), рассмотрены особенности каждой из них. Социальные процессы на предприятиях были классифицированы по определенным функциям – генетические, базовые, интегративные, поддерживающие, регулирующие, обоснован перечень спонтанных факторов социальных процессов. Базовая концепция и методология Н.И. Лапина легли в основу специальных программ исследования структуры и динамики социальной организации промышленного предприятия, в которых участвовали многие научные коллективы под руководством в будущем известных советских социологов: О.И. Шкаратана, Л.С. Бляхмана, Н.Ф. Наумовой, А.И. Пригожина, В.В. Колбановского, В.Н. Шаленко и др. Были выполнены 29 эмпирических исследований на почти 100 объектах, опрошено около 25 тыс. человек. Проанализированный материал позволил сделать неутешительные выводы об обострении социальных проблем труда на предприятиях, о широком распространении тяжелого ручного и непривлекательного видов труда, охватывающих большие группы рабочих, об устойчивой тенденции падения престижа труда рабочих в обществе. Предложения к изменению такого положения, в том числе привлечение рабочих к управлению делами предприятия, высказанные в записке «Социальные потребности в механизации и автоматизации тяжелых и вредных видов труда» в адрес правительства страны, не были услышаны. Проект закрыли в 1973 г., многие его результаты, методология и инструментарий не были опубликованы в те годы. Только спустя 32 года Н.И. Лапину удалось издать программу и инструментарий, а также современный комментарий и два тома материалов, подготовленных в те годы для публикации [Социальная организация..., 2005]. Делая сегодня выводы о теоретическом и практическом значении описываемого исследования, можно отметить, что это была первая систематическая работа в отечественной социологии организаций, которая дала импульс к разработке широкого круга проблем изучения предприятий и организаций, развитию заводской социологии, послужила зарождению социологии инноваций. Это направление возникло на стыке двух ориентаций, реализуемых исследовательским коллективом под руководством Н.И. Лапина. Во-первых, на основе исследований технологических инноваций был сделан вывод о необходимости изучения социально-психологических аспектов инновационных процессов, и, во-вторых, проведенный анализ низкой эффективности планов социального развития, широко внедряемых в то время на предприятиях, привел к заключению о влиянии спонтанных процессов на производстве на планируемые [там же: 38]. Проект «Социальная организация» подготовил соответствующий уровню социологической науки своего времени инструмент, позволяющий эмпирически изучать и теоретически анализировать и обобщать факторы социальных процессов на предприятии. Междисциплинарный характер проекта стимулировал формирование в стране отраслевых социологических направлений: промышленной социологии, социологии труда, повлиял на совершенствование планирования социального развития предприятий, на изучение

конфликтов в производственных коллективах и др. Позже в рамках этого направления оформилась практическая ветвь социологии – консультации по управлению и организационному развитию предприятий [Пригожин, 2005: 60].

Второе направление, которому хотелось бы отдать дань в статье, – **социокультурная эволюция России и ее регионов**. При реализации этого направления была сформулирована авторская теоретическая концепция – антропосоциокультурный подход (АСК-подход), который дополняет в современной интерпретации междисциплинарные методологии изучения человека, его сообществ и общества в целом. Данный подход позволяет понять общество и личность как противоречиво-динамическую систему, включающую действующих индивидов, природные условия, культуру и социум как совокупность отношений между людьми в процессах их деятельности. Выстраивание этой концепции проходило параллельно с изучением наиболее острых проблем развития российского общества в переломный период современной истории, когда прекратила существование страна – Советский Союз и с большими противоречиями и рисками дальнейшего распада страны происходило становление новой постсоветской России. Н.И. Лапин не мог остаться в стороне от анализа причин распада СССР. Он видел эти причины в тотальном отчуждении человека, которое породило отчуждение социума от развития, его кризисное состояние. В статье 1990 г. «Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма» Лапин выдвинул гипотезу о двух сопряженных кризисных циклах, или «восьмерке блужданий» российского общества между либерализацией и рецидивирующей традиционализацией» [Лапин, 1990: 15–23]. Можно констатировать, что эта гипотеза проверяется практикой и сегодня.

В наиболее полном виде концепция АСК-подхода воплощена в многолетнем исследовании, которое проводил Центр изучения социокультурного развития Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина. Начиная с 1990 г. с периодичностью в 4–5 лет проходил всероссийский мониторинг, который давал богатый эмпирический материал о ценностных ориентациях населения, его социальном самочувствии, отношении к разным аспектам повседневной жизни и оценках общественных событий в масштабе страны и регионов проживания респондентов. АСК-подход предполагает анализ функций и структур, включая анализ социокультурной динамики. За годы мониторинга на основе получаемых данных были созданы несколько методик: для изучения стратификации общества, выделения среднего класса и материальных страт, уровня и качества жизни, социального самочувствия и благополучия, направлений профессиональной мобильности, мобильности в условиях смешанной экономики, структуры ценностей населения, состояния политической системы в контексте прав и свобод человека, измерения человеческого и социального капитала, инновативного поведения населения и некоторые другие. Одними из важнейших направлений исследований стали изменения структуризации общества за последние 30 лет: характеристика направлений социальной и профессиональной мобильности населения, разгосударствление собственности и занятость в секторах смешанной экономики, динамика социальной стратификации, соотношение материальных слоев, формирование акторов развития (среднего класса, слоев с интеллектуальными и организационными ресурсами, молодежных когорт). Н.И. Лапин уделял большое внимание характеристикам состояния общества, которому соответствовал конкретный период проведения мониторинга. Поскольку он проводился с периодичностью в 4–5 лет (всего проведено 7 волн), можно было фиксировать тот или иной темп динамики происходящих изменений и качественно новое состояние общественных проблем. Но в своих исследованиях Николай Иванович не ограничивался современным актуальным материалом, а уделял большое внимание исторически обусловленным чертам общества, заглядывая в глубь веков, находя в них многие истоки современных проблем, в частности во взаимоотношениях элит и общества, пассивности и патернализма населения. Обобщающий комплексный анализ российского общества, который итожит многолетние исследования Николая Ивановича Лапина, содержится в его последней монографии [Лапин, 2021].

Целью мониторинга было не фиксировать сиюминутные проблемы, настроение общества и политическую конъюнктуру, а выявить устойчивые тенденции трансформации российского общества, их восприятие людьми, по возможности, пути решения основных проблем в интересах населения. За годы мониторинга было проведено интервью почти с 10 тысячами респондентов по выборкам, репрезентирующим население России по основным социально-демографическим характеристикам.

Ключевая проблема и задача исследования, сформулированная Н.И. Лапиным в начале мониторинга, состояла в том, чтобы определить структуру ценностей населения и их типологию в соответствии с градацией: традиционные, современные (модернистские, либеральные) и универсальные, общечеловеческие. Эта типология актуальна и в современном контексте, поскольку дает информацию о том, насколько предлагаемые обществу преобразования соответствуют доминирующим в нем ценностным ориентациям, и приближает к ответу на вопрос – будут ли они поддержаны населением и какими его группами. При анализе данных уже первой волны мониторинга (1990) Лапин выделил центральное противоречие структуры базовых ценностей россиян – значительно возросло влияние властолюбивого эгоизма и вседозволенности, которые противостояли повседневному гуманизму и традиционным ценностям большинства населения. Мониторинг отразил динамичное совмещение всех трех типов культурно различных ценностей. В начале наблюдений (1990–1996) отмечалась либеральная модернизация структуры ценностей, близкое к ним положение занимали универсальные ценности, а традиционные располагались в нижней половине перечня ценностных позиций [Кризисный..., 1994]. В 1996–1999 гг. в сознании населения произошли частичный возврат к ценностям советского прошлого, определенная ретрадиционализация ценностей. В последующие годы (с 2000 г. по 2015 г. – последняя волна мониторинга) отмечалась тенденция стабилизации различных типов ценностей, взаимоприемлемый симбиоз, который стал адаптивным ответом разных слоев населения на аксиологические вызовы возникшего контрастного в социальном отношении общества. Изучение ценностей населения стало неотъемлемой частью анализа путей развития постсоветского общества начиная с кризисного этапа 1990-х гг. Ценности, по Н.И. Лапину, являются глубинными регуляторами человеческих действий самих индивидов и социальных групп как субъектов общественных процессов [Динамика ценностей..., 1996: 14].

Н.И. Лапину принадлежат периодизация и раскрытие содержания каждого из периодов в общественном развитии России постсоветского времени. Подчеркну, что эта периодизация имела под собой серьезную эмпирическую базу, включающую, помимо анализа социокультурных и экономических процессов, состояние общественного сознания населения, дифференцированного по социальным, демографическим, поселенческим, функциональным группам.

Были выделены три качественных этапа развития России, обоснованные теоретическим анализом материалов мониторинга. На первом этапе (1990-е гг.) происходившие социально-экономические и политические реформы отличались остроконфликтным характером, при них дестабилизировалась структура населения, более 50% людей по материальному положению оказались на и за гранью выживания. Средний класс (выделенный по материальному уровню жизни, образованию и самоидентификации) начал формироваться, составляя к началу 2000-х гг. менее 15% населения с доминированием нижнего, нестабильного по положению слоя в его составе. Верхний средний слой был занят преимущественно в частном секторе экономики (54%) и на акционерных предприятиях (46%). На этом этапе с формированием многоукладной экономики изменились профессиональные предпочтения, особенно молодежи, которая стремилась работать в частном секторе. Но более старшие возрастные группы слабо адаптировались к рынку труда, оставались невостребованными на предприятиях новых форм собственности. Возраст стал существенным фактором занятости и материальной дифференциации населения. В эти годы сохранялось базовое ядро ценностей, среди которых доминировали порядок, семья, общение, при постепенной

либерализации структуры ценностей, складывались ценностная поддержка, культурная легитимация процессов российской трансформации. К концу этого периода структура ценностей населения стала более либеральной, но с сохранением традиционалистских компонентов. На первом этапе было зафиксировано острое противостояние ценности свободы человека и его безопасности, усугубляемое вседозволенностью снизу и сверху. До четверти населения поддерживали ценности вседозволенности, порожденные состоянием хаоса первого десятилетия реформ. Рост преступности, незащищенность от угроз волновали более 95% граждан, как и отсутствие равенства перед законом и судом. Эти оценки подкреплялись низким доверием граждан к правоохранительным институтам. Вместе с тем к этому времени произошло повышение удовлетворенности части россиян своей жизнью и уверенности в будущем. Многие освобождались от патерналистских ожиданий, становясь более самостоятельными в решении жизненных проблем.

На втором этапе – нулевые годы XXI в., три волны мониторинга показали стабилизацию новых структур и процессов. В России устоялась социальная стратификация занятого населения, большинство которого трудилось в индустриальном секторе с элементами доиндустриальной и постиндустриальной экономики. Самый большой социальный слой – до 40%, составляли адаптированные к экономическим условиям работники, обладающие востребованной квалификацией, но в своем большинстве небольшими ресурсами повышения своего социального статуса. В то же время около 50% населения имели культурный капитал, профессионализм и были более-менее адаптированы к переменам. Они могли рассматриваться как социальная база экономической модернизации, создали массовую базу распространения демократических установок и либеральных ценностей. Эти слои позитивно оценивали свое ближайшее и отдаленное будущее, у них закрепляются рыночные стереотипы и положительное отношение к реформам в России. В обществе в целом шло увеличение численности сторонников свободы, достигнув в 2010 г. одной трети населения, в среднем классе этот показатель был еще выше. Запрос к государству на обеспечение личной безопасности выдвигали около 50% населения. Появилась надежда, что можно совместить свободу и безопасность, если будут эффективно исполняться государственные функции.

События третьего этапа показали, и это зафиксировала 7-я волна мониторинга – 2015 г., что эта проблема не может быть удовлетворительно решена в современных российских условиях. Резервы роста были исчерпаны, страна стояла перед дилеммой: стагнация возникшего социального порядка или его модернизация? В России воспроизводились социокультурные контрасты и риски для населения. С другой стороны, осуществлялась постепенная модернизация общества. Численность среднего класса немного уменьшилась в результате отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест. Средний класс сохранял большой оптимизм, легче преодолевал кризисы, чаще выбирал активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения, чем другие слои общества. Он меньше рассчитывает на помощь государства и чаще высказывается за самостоятельность, против вмешательства государства в деятельность частного сектора. В менталитете среднего класса устойчиво сохраняются и даже постепенно увеличиваются ценности самостоятельности, автономности, свободы. Опрос показал, что незащищенность от бедности остается в обществе на критическом уровне (60%), хотя несколько снижается незащищенность населения от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов. Впервые в опросе 2015 г. был поставлен вопрос дифференциации подоходного налога на физических лиц. Большинство поддержали идею, но с умеренной дифференциацией налога. Впервые было зафиксировано падение популярности современных базовых либеральных ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка непрерывно повышалась с 1990 г., но в 2015 г. впервые заметно снизилась. Начался рост сторонников авторитарной вседозволенности. Теперь это устойчивый тренд, который может существенно влиять на укрепление традиционных для России авторитарных форм

правления, совокупность которых образует российско-азиатский этатизм. Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом, снизилась самооценка их самостоятельности при решении проблем своей жизнедеятельности по сравнению с зависимостью от общероссийской власти. Таким образом, седьмая волна мониторинга продемонстрировала попятное движение России по либеральной траектории, укрепление в сознании людей ценности авторитаризма, который поддерживается, прежде всего, низкоресурсными группами населения.

Еще в первые годы такого всеобъемлющего проекта, как мониторинг 1990–2015 гг., Н.И. Лапин сделал важное заключение: «Расщепление интересов и их многоплановость как важнейшие аспекты процесса социальной дифференциации приводят к тому, что объединительные, генерализирующие задачи переключаются в область ценностей, понимаемых не в качестве проекций социально-экономического положения, а в качестве системообразующих компонентов культуры» [Динамика ценностей..., 1996: 170]. Такой подход к системе ценностей населения развит автором в работах по российскому цивилизационному проекту, о чем речь ниже.

Параллельно с всероссийским мониторингом в Центре вызревала идея изучения российских регионов как составных элементов большого российского общества, отличающихся существенными экономическими и социокультурными характеристиками. Стало очевидным, что знать Россию – это, прежде всего, знать регионы страны. Центр с большим энтузиазмом приступил к разработке методологии исследования регионов с опорой на всероссийскую и региональную статистику и эмпирические исследования. К 2005 г. – моменту реального начала работы над программой «Социокультурные портреты регионов», был накоплен теоретический и методологический задел, аналитический опыт для продолжения изучения России и ее регионов. К этому времени было опубликовано много статей и несколько коллективных и индивидуальных монографий о кризисном, переходном состоянии российского общества, которые послужили стартовой теоретической площадкой разработки комплексной Программы изучения регионов.

Проект изучения российских регионов возник не на пустом теоретическом и методологическом поле¹. К 2005 г. была подготовлена первая Типовая методика [Социокультурный..., 2006] и начал складываться межрегиональный научный коллектив. Число регионов, участвующих в проекте, сейчас превышает 25. Научный авторитет Н.И. Лапина, привлекательность и новизна его идей позволили создать сеть исследовательских коллективов, добровольно работающих по единой методике с проведением репрезентативных опросов населения, качественных методик и анализом доступной статистической информации. Накоплен уникальный научный и методический опыт. В регионах стало возможно соотносить местные данные с материалами всероссийского мониторинга. Все коллективы регионов получили безвозмездно базы данных по мониторингу, который проводил ЦИСИ. Единый инструментарий и единые принципы формирования баз данных позволяют сравнивать регионы между собой, проводить довольно сложный перекрестный анализ каждому коллективу самостоятельно. Весомым результатом пяти лет работы стала коллективная монография [Регионы..., 2009]. В этой объемной работе отражена специфика социокультурного развития нескольких регионов европейской части России, Урала и Западной Сибири на фоне общероссийского социокультурного пространства. Было убедительно показано, что во всех регионах за постсоветский период произошла деиндустриализация экономики. Россия в целом значительно отстала от развитых стран в информационных технологиях, сократился объем научных исследований, усилились тенденции авторитаризма и бюрократизации общественной жизни и связей, глубоко пустила метастазы коррупция, подверглись удару качественные параметры жизни значительной

¹ Следует отметить, что региональные исследования по Программе осуществлены во многом благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, позже Российского фонда фундаментальных исследований. Эту поддержку получали научные коллективы из регионов.

части населения, стал реальностью длительный тренд нарастающей депопуляции и высокой смертности населения трудоспособных возрастов. Среди острых проблем развития отмечена архаизация социально-профессиональной структуры населения, возврат к моделям самообеспечения взамен разделения труда.

Вместе с тем удалось выявить тенденции, которые говорили о постепенном восстановлении в некоторых регионах производственной сферы и начавшемся в начале 2000-х годов экономическом росте. В результате этих позитивных изменений там повысился уровень жизни части населения, произошло становление новых моделей поведения и трудовых мотиваций, имплицитно присущих наиболее образованным и молодым слоям общества, которые озабочены реализацией и наращиванием своего социокультурного капитала, имеют высокий уровень достижительных трудовых ориентаций. Исследования в регионах и в России в целом показали, что формирующийся средний класс с относительно высоким качеством жизни и ориентациями на позитивные практики является потенциальной базой разработки и реализации инновационного курса развития России. Но оказалось, что удельный вес среднего класса в населении регионов существенно различается, чем и можно объяснять разные потенциальные возможности их развития. В большинстве регионов очень значительна доля бедного населения, не располагающего современными ресурсами для изменения своего положения в общественной иерархии и не позволяющая включиться в инновационные процессы.

Результаты анализа наглядно показали, что регионы сильно различаются между собой по ряду социокультурных характеристик: уровень и качество жизни, наличие бедного населения, миграционные настроения, социальное самочувствие и др. Для объяснения разнородности российских регионов требовалось надежное непротиворечивое объяснение. И такое объяснение было получено на следующем этапе проекта, когда основное внимание было уделено классификации регионов по уровням модернизации с акцентом на социокультурные составляющие. В качестве методологической базы сравнения регионов Н.И. Лапин адаптировал методику китайского ученого Хе Чуаньци [Обзорный..., 2011] в соотнесении с процессами модернизации 130 стран мира. Участники Программы ее использовали и получили сопоставимые данные о состояниях модернизированности всех регионов страны. В решении этой задачи незаменимую работу выполнил ИСЭРТ РАН (Вологда), сотрудники которого создали автоматизированную информационно-аналитическую систему «Модернизация», активно использованную участниками проекта в мониторинговом режиме.

В итоговой монографии, подготовленной к 85-летию Николая Ивановича, «Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» изложена стройная система классификации всех регионов и федеральных округов России по уровню модернизации. В ней обосновывается необходимость и возможность новой государственной стратегии, интегрирующей регионы и российское общество, все население России в целостную цивилизацию [Атлас..., 2016]. Этот вывод обоснован Лапиным на основе анализа динамики изменения уровней модернизации регионов России, в результате которого он констатировал: спонтанное продолжение модернизации происходит настолько заторможено, что проблемы вхождения «России в число модернизационно развитых стран остаются сложными» [там же: 303]. Действительно, модернизация шла по догоняющему сценарию, характерному для развивающихся стран мира, предполагала сырьевую ориентированность экономики. Сейчас новые социально-политические реалии стимулируют использование человеческого и культурного потенциала населения в специфических, негражданских отраслях и направлениях. При этом активизируется и перераспределяется энергия воплощения новых идей и разработок в жизнь.

Цивилизационное развитие России. Новый этап в научной деятельности Н.И. Лапина был связан с включением его в качестве руководителя и автора в крупное исследование Института философии РАН «Российский проект цивилизационного развития». Для Лапина чрезвычайно интересной и актуальной темой всегда были цивилизационные

особенности России на разных исторических этапах. Он часто обращался к историческому материалу. Особенно продуктивным в познавательном смысле было изучение регионов России как социальных общностей, несущих на себе печать своей истории, своей культуры, особенностей жизненного мира и системы ценностей населения [Лапин, 2021: 108–186]. В подготовленном для проекта Института философии тексте, который обсуждался на семинарах ИФ РАН, Н.И. Лапин сформулировал основную проблему, объект и основание исходных гипотез данного исследования: соотношение многоцивилизационности и многополярности существующего мироустройства. Обращаясь к локальной цивилизации, в том числе российской, он выделил три основные сферы ее бытия. Прежде всего, это высшая, смыслополагающая сфера логики культуры, а также терминальных ценностей и обобщенных норм, как ядро цивилизационного сознания людей, причастных к данной локальной цивилизации. Иную, первичную, или базовую, сферу бытия локальной цивилизации составляет предметно-практическая сфера жизнеобеспечения. Между высшей, смыслополагающей, и первичной, базовой, сферами находится срединная сфера взаимодействий граждан, на которых влияет ядро культуры данной локальной цивилизации, – взаимодействий между собою как индивидами и взаимодействий с обществами-государствами и с локальной цивилизацией как целостными образованиями. Она возникает на основе совокупности социальных отношений между людьми в первичной сфере и характеризуется культурой их взаимодействия с обществом и цивилизацией (не только своей).

Н.И. Лапин отмечал, что идентификация индивидов с ядром культуры цивилизации представляет собой сложный, можно сказать, постоянный процесс оценивания людьми содержания ядра культуры данной и иных цивилизаций и результирующего выбора приемлемых/неприемлемых смыслов их жизнедеятельности. Причастность каждого человека к той или иной цивилизации, идентичность его мировоззрения со смыслами ядра ее культуры формируются в процессе социализации человека в обществе, культура которого находится в сфере преимущественного влияния ядра культуры данной цивилизации.

Своеобразие российского цивилизационного процесса (еще не завершившегося) предстает в оценках Н.И. Лапина как северо-евразийский, всесубъектно собирающий, открытый мультидиалогу, но в то же время – пограничный из-за внутренней сложности, на протяжении тысячелетней истории неоднократно разрывавшийся, а в настоящее время нуждающийся, прежде всего, в преодолении двойной цивилизационной идентичности, порождающей разрыв между западным цивилизационным сознанием «верхов» населения и исходными смыслами ядра культуры его исполнительских «низов». В этих условиях требуется консолидация локального цивилизационного сознания всего населения России.

Свою лепту в своеобразие локальной российской цивилизации, в цивилизационное сознание населения вносит региональная гетерогенность общества, ярко высветившаяся при составлении социокультурных портретов регионов. Лапин одним из первых в нашей стране поставил вопрос о цивилизационных смыслах разных уровней модернизации регионов России [Лапин, 2015]. В своей статье он задает вопрос: не таятся ли за модернизационными различиями регионов более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер? Действительно, так исторически сложилось, что южные регионы фронта представляют в своем большинстве самые многоконфессиональные, многоэтнические, многокультурные образования. Для этих регионов характерны своеобразная социальная структура населения, образ жизни, ценностные ориентации, демографические и миграционные процессы и т.д. При этом они находятся по показателям модернизации на нижней позиции по сравнению с другими регионами страны. В других регионах с многообразием этнических, религиозных, культурных отличий относительно высок уровень модернизации, и расположены они в центральной части России. В России как бы взаимодействуют два типа гетерогенностей – цивилизационная и модернизационная. Николай Иванович подчеркивает: исследования Центра изучения социокультурных изменений Института, проведенные в последние 30 лет, показали, с одной стороны,

высокое единство структуры базовых ценностей населения большинства регионов и европейской, и азиатской частей Российской Федерации, а с другой – их значимую этнокультурно-конфессиональную дифференциацию. Он выделил на цивилизационной карте Российской Федерации субкультурные макрорегионы: преимущественно русский Европейский (Центральный, Северо-Западный федеральные округа) и многоэтничные Уральский, Южный, Сибирский, Дальневосточный, Крайне-Северный, и пришел к заключению: для становления качественно новой России необходим решительный поворот к внутреннему развитию России, выравниванию уровня модернизационного развития регионов. Внешние ограничения, с которыми ныне сталкивается Россия, следует использовать как стимулы к такому повороту. Н.И. Лапин видел большие перспективы для социологического изучения цивилизационного сознания населения России и ее регионов в целях нахождения путей консолидации общества и формирования единого цивилизационного облика страны. В последних статьях и выступлениях Николай Иванович вдохновлял нас, своих сотрудников и учеников, на изучение этих проблем. Сейчас тематика цивилизационного развития страны стала основной в планах Центра изучения социокультурных изменений, которым в течение 30 лет руководил Н.И. Лапин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
- Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 1994.
- Лапин Н.И. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968.
- Лапин Н.И. Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 15–23.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Новый Мир, 2021.
- Лапин Н.И. Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 61–71.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Отв. ред. русского изд. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2011.
- Пригожин А.И. Проблема спонтанного управления // Социальная организация промышленного предприятия: соотношения планируемых и спонтанных процессов / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Academia, 2005.
- Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост., общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
- Социальная организация промышленного предприятия: соотношения планируемых и спонтанных процессов / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Academia, 2005.
- Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.

Статья поступила: 01.11.22. Принята к публикации: 20.12.22.

NIKOLAI LAPIN: RESEARCHER AND SCIENCE PROMOTER

BELYAEVA L.A.

*Institute of Philosophy RAS, Russia**Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Acting Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (bela46@mail.ru).*

Abstract. The article briefly outlines the scientific ideas of N.I. Lapin, one of the prominent contributors to the revival of sociology in Russia in the 1960s. Over 60 years of his research activities, Lapin left a great scientific legacy in many branches of sociology, philosophy, and related sciences. This includes the sociology of organizations, the sociology of management, the sociology of innovation, the social problems of global simulation, the sociology of a crisis society and sociocultural transformation, regional social comparative studies, and the civilizational development of Russia. Many of them present a compelling author's approach, which became the basis for the creation of several scientific areas in domestic science: the sociology of organizations, the sociology of management, the sociology of innovation, the social problems of global simulation, the sociology of a crisis society and sociocultural transformation, and regional social comparative studies. Lapin's contribution to the institutionalization of sociology as a science within the system of social sciences in Russia is invaluable. His new theoretical approaches and solutions were at the heart of almost all the projects that he initiated and brought to life. The paper presents three projects carried out under Lapin's scientific supervision. The first project – the earliest effort at the dawn of the revival of modern sociology in Russia – is about the social organization of an industrial enterprise and the labor of workers in automated and non-automated industries (1968–1973). The second project is about the study of the socio-cultural evolution of Russia and its regions (1990–2020). The third project, which Lapin worked on in his last years, is about the civilizational development of Russia. It summarizes his thoughts about the country's history, development patterns, and its place on the civilizational map of the world.

Keywords: sociology of organizations, sociology of a crisis society, civilizational development of Russia.

REFERENCES

- Atlas of Modernization of Russia and its regions: Socio-economic and socio-cultural trends and problems.* (2016) Comp. and ed. N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Crisis society. Our society is in three dimensions.* (1994) Ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: IPh RAS. (In Russ.)
- Dynamics of values of the population of reformed Russia.* (1996) Ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Lapin N.I. (1968) *Young Marx*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Lapin N.I. (1990) Total alienation and the general crisis of early socialism. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]*. No. 5: 15–23. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015) Distances between the states of modernization of macro-regions of Russia and their civilizational meanings. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. No. 5: 61–71. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of the new Russia. anthroposociocultural approach*. Moscow: Novy Mir. (In Russ.)
- Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010).* (2011) Resp. Ed. Russian ed. N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Prigogine A.I. (2005) The problem of spontaneous management. In: *Social organization of an industrial enterprise: ratios of planned and spontaneous processes* / Comp. and general ed. N.I. Lapin. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Regions in Russia: Sociocultural Portraits of Regions in the All-Russian Context.* (2009) Comp., ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Social organization of an industrial enterprise: ratios of planned and spontaneous processes.* (2005) Comp. and general ed. by N.I. Lapin. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Sociocultural portrait of the region. Model program and methodology, methodological problems.* (2006) Ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: IPhRAS. (In Russ.)

Received: 01.11.22. Accepted: 20.12.22.

© 2023 г.

И.А. ШМЕРЛИНА

РУССКАЯ СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. В статье проблематизируется отнесение русской субъективной школы в версиях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского к социологической традиции в строгом смысле слова. Специфические особенности этой школы определены не познавательными, а практическими преобразовательными целями, связанными с борьбой за социальную справедливость и за радикальное изменение существующего строя. Проводится сопоставление русской субъективной школы с современным направлением публичной социологии, показаны близость и расхождение этих двух традиций. По мнению автора, русская субъективная школа отвечает не только характерным чертам публичной социологии, но и особенностям «критической социологии» в её понимании М. Буравым, предстающей в качестве рефлексии над методологическими и ценностными основаниями и как альтернативной господствующей «профессиональной социологии». Феномен русской субъективной школы может быть понят как социально-этическое учение, он отражает магистральное развитие социального знания – от социально-философских построений, акцентирующих моменты должного и желательного, к собственно научным социологическим концепциям.

Ключевые слова: русская субъективная школа • П.Л. Лавров • Н.К. Михайловский • этос науки • публичная социология • критическая социология • социально-этическое учение

DOI: 10.31857/S013216250022087-8

В социологическом сообществе сформировалось устойчивое и небезосновательное представление о недостатке оригинальности русской социологии в целом, как в основном заимствующей и перерабатывающей западные идеи и концепции. Едва ли не единственное исключение из этого обобщающего суждения делается для субъективной школы, в которой многие видят подлинно самобытное направление отечественной социологической мысли¹. Однако, и в этом состоит центральный тезис настоящей статьи, в феномене русской субъективной школы (особенно в версиях П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского как основателей и наиболее аутентичных ее представителей) правильнее было бы видеть не столько социологический, сколько некий иной способ социальной рефлексии.

Русская субъективная школа (этико-социологическая по терминологии, предложенной С.Н. Южаковым и принятой Н.И. Кареевым [Кареев, 1996: 39]), она же

¹ Это мнение идет, по всей видимости, от Ю. Геккера, который назвал «субъективистскую школу» (“the subjectivist school”) наиболее значительной из всех социологических школ, возникших на волне пробуждения общества от «мертвящего деспотизма» Николая I и стремления к «перестройке общества» «на позитивных научных принципах» [Hecker, 1915: 35–36].

этико-субъективная, этико-психологическая, иногда просто русская социологическая школа, в авторском варианте А.Н. Медушевского – «народническая социология»/«социология народничества» [Медушевский, 2015: 161], изучена хорошо и основательно, что избавляет нас от ее детального описания и позволяет сразу перейти к обобщению и проблематизации.

Будучи в познавательном плане интеллектуальным откликом на движение западной социальной мысли, в ценностно-мировоззренческом отношении субъективная школа направлялась не столько эпистемологическими, сколько социально-реформаторскими интенциями² (что было подмечено уже Геккером, который подчеркивал, что русская социология может быть понята только с учетом ее социально-политического контекста [Hecker, 1915: 19])³. Этим контекстом хорошо объясняются такие характерные черты субъективной школы, как этическая доминанта (по сути, разрушающая позитивистскую ориентацию⁴, в силу чего, по замечанию В.В. Зеньковского, представители этой школы были скорее «полупозитивистами» [Зеньковский, 2001]), публицистичность, субъектоцентричность, психологизм и волюнтаризм. В самом деле, исходя из задач социального переустройства общества, невозможно удержаться в горизонте вне- или надличностной методологической перспективы; практические задачи требуют *актора* – и он появляется в субъективной социологии в лице «критически мыслящей личности» или «героя». Но в таком случае уместно поставить вопрос: можно ли вообще рассматривать эту школу как научно-социологическую?

Очевидно, что базовые познавательные установки этой школы явно противоречат нормам научного этоса, предполагающим «свободу от оценки» (М. Вебер) или, в более поздней формулировке этого принципа, «эмоциональную нейтральность», которой Б. Барбер дополнил мертоновскую схему [Мирская, 2005: 13]. Впрочем, субъективную школу вообще не очень корректно рассматривать в рамках мертоновской модели, поскольку императивы Р. Мертоня обращены к *социальному институту* науки, а субъективная школа позиционируется ее основателями не как автономный социальный институт, но как духовно-нравственная деятельность, нацеленная на общественные преобразования. В этом плане она напоминает скорее публичную социологию.

Рассмотрение субъективной школы в контексте предложенных М. Буравым идеальных типов социологического знания кажется релевантным и едва ли не лежащим на поверхности аналитическим ракурсом. И публичная социология, и субъективная школа представляют собой эксплицированное выражение самого «социологического духа», неразрывно связанного с «диалектикой прогресса» и выступающего «моральным стимулом» работы в профессии, будь то «страсть к общественной справедливости, экономическому равенству, правам человека, устойчивой окружающей среде, политической свободе или просто к лучшему миропорядку» [Буравой, 2008: 10]. Именно этот дух стимулировал как

² Показательны в этом отношении сочинения П.Л. Лаврова, посвященные биологическим основам социальности (в частности, «Цивилизация и дикие племена» [Лавров, 1904] и «До человека» [Лавров, 1870]). Внимательное чтение этих работ убеждает, что в исследовательском плане данный сюжет интересует П.Л. Лаврова мало (его положительное изложение сводится к огромным, многостраничным цитатам из В. Вундта), но нужен ему для фундирования идеи критически мыслящей личности и призыва к соотечественникам подняться над «зоологическим» уровнем существования (см.: [Шмерлина, 2018]). В свою очередь, как заметил С.Л. Франк, «наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции» [Франк, 1910: 223].

³ Близкую мысль проводил Б.А. Кистяковский, писавший, что «содержание ...идеалов <русской субъективной школы> и понимание ею смысла социального процесса были даны ей целиком самим общественным движением 70-х годов и русской жизнью», при этом научное значение субъективной школы Кистяковский оценивал низко: «Даже как-то не верится, что такое грандиозное движение практического свойства, имевшее такие героические проявления в жизни, получило столь жалкое выражение в социологических теориях» [Кистяковский, 1902: 340].

⁴ «Этицизм мысли разбивает рамки позитивизма» [Зеньковский, 2001: 360].

раннюю американскую социологию, задавая соответствующие «этические перспективы» [Гуревич, 1998: 169], так и развитие социологии в России. Как подчеркивает Буравой, «социология (по крайней мере в пределах некоторых национальных историко-культурных традиций. – И.Ш.) была публичной по своему происхождению» [Буравой, 2008: 36–37]. Российская историко-научная ситуация весьма точно воспроизводит эту траекторию.

Доминирование этической интенции над исследовательской, ориентация на идеалы социальной справедливости, имплицитно заложенный нормативный подход, отдающий приоритет должному перед сущим, – весь этот ценностно-мотивационный комплекс, безусловно, сближает публичную социологию и субъективную школу и является первой общей чертой названных традиций.

В качестве второй общей черты, которая скорее представляет собой обобщенную и менее пафосную версию предыдущей, следует назвать критически заряженную ориентацию на актуальные общественные проблемы. Некоторые социологи, подчеркивая эту особенность, квалифицируют публичную социологию как *актуальную*⁵, и такая характеристика, безусловно, приложима и к субъективной школе.

Впрочем, уже здесь можно увидеть существенное различие между рассматриваемыми направлениями. Публичная социология озабочена решением конкретных проблем общества, вовлечена «в дела и проблемы различных социальных групп, актуальные общественные вопросы» [Буравой, 2008: 39], но не посягает на политическую стабильность. Социально-реформаторский горизонт субъективной школы, обобщенный и размытый, мыслится как радикальный слом социального мира, пропитанного угнетением и несправедливостью, как «борьба против отживающих общественных форм», «за прогресс» и «нравственную идею», за то, чтобы «уменьшить зло в настоящем и будущем» [Лавров, 1965в: 148; 86].

Как бы то ни было, выраженный критический пафос сближает рассматриваемые традиции. И та и другая могут быть названы *критическими социологиями* (в традиционном значении данного понятия), возникшими на почве неприятия существующего положения вещей и ориентации на общественные изменения, на те или иные *действия* по улучшению общества.

Акционистский потенциал публичной и субъективной социологий является их третьей общей чертой. «Публичная социология требует действия» (см. бюллетень: Общественный вердикт. 2015. № 1. С. 4), это кредо данного направления. Стоит вспомнить общественный резонанс, который вызвали «Исторические письма» Лаврова, чтобы признать уместность проводимых нами сопоставлений⁶. Здесь вновь стоит обратить внимание на отличия в характере и масштабах той деятельности, к которой призывают рассматриваемые направления. Публичная социология призвана выстроить общественный диалог в цивилизованных формах (предполагая при этом общение не напрямую с властью, а с гражданским обществом⁷). Субъективная школа закладывала ценностно-нравственные основы глубоких общественных потрясений, будь то народная революция, убийство тирана или героическая смерть во имя общественных идеалов. Определяющим здесь является именно тот социально-политический контекст, о котором писал Геккер, – демократический

⁵ С. 58. Алексеев А.Н. Что такое публичная социология? URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_public.html (дата обращения: 13.08.2022).

⁶ Как пишет Зеньковский, «“Исторические письма” ...имели (неожиданное для самого Лаврова) громадное влияние на радикальную русскую молодежь»; «для ряда поколений они были своего рода Евангелием» [Зеньковский, 2001: 340–341]. С.А. Левицкий приводит показательные в этом отношении свидетельства Н. Русанова: «Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное “Историческими письмами”». Многие из нас, юноши в то время, другие – просто мальчики, не расставались с небольшой истрепанной, зачитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них» (цит. по: [Левицкий, 1996]).

⁷ «Публичная социология ...реализует диалогические отношения между социологом и обществом, в которых повестка каждой из сторон вынесена на стол переговоров» [Буравой, 2008: 18].

(только в нем, подчеркивал Буравой, и возможна публичная социология) или автократический, провоцирующий насильственный режим коммуникации с властью.

Любопытно, впрочем, что ни публичная социология, ни субъективная школа не предполагают непосредственного участия социолога в общественно-политических процессах⁸, и это можно выделить в качестве еще одной их общей черты. При том, что публичная социология, особенно в ее «органической» версии (см.: [Буравой, 2008: 15]), несомненно, тяготеет к политическому акционизму (за что часто критикуется), ее задачи, как они сформулированы Буравым, состоят в организации диалога не с обществом как таковым, а «с группами общественности, т.е. людьми, которые сами вовлечены в диалог. Таким образом, предполагается двойной диалог» [Буравой, 2008: 14].

Субъективная школа не формулирует на этот счет никаких принципов. Стоит заметить, что Лавров, по свидетельствам Кареева и Зеньковского, был кабинетным ученым и в революционное движение оказался втянут едва ли не помимо своей воли [Кареев, 1996: 45–46; Зеньковский, 2001: 340–341]. Столь же неоднозначно отношение Михайловского к практике революционного движения, при этом очевидно, что непосредственного участия он в ней не принимал.

Несмотря на очевидность обозначенных параллелей, по самой своей сути сопоставление субъективной школы и публичной социологии не кажется нам вполне корректным, и дело здесь не в показанных выше нюансах. Публичная социология может считаться исторически предшествующей профессиональной социологии в виде комплекса базовых морально-ценностных интенций, однако называть ее собственно социологией допустимо только при наличии последней в строгом значении этого слова, то есть как социальной науки (в связи с этим обратим внимание на реплику Буравого, прозвучавшую во время дискуссии 2007 г.: «Россия сейчас не готова для публичной социологии в силу того, что профессиональная социология еще слаба» [Буравой, 2007: 23]). Публичная социология должна опираться на развитое научное знание об обществе, только в этом случае она может эффективно формировать общественную повестку дня, ставить перед обществом актуальные задачи, отвечающие не только общественным идеалам, но и исследовательски выверенному пониманию особенностей протекания социальных процессов. В противном случае социология (еще не ставшая таковой) может предложить обществу лишь утопический проект, что и провозгласила субъективная школа, сознательно сделавшая ставку на утопию как основу своих теоретических построений («Социология должна начать с некоторой утопии» [Михайловский, 1881: 155]).

Более точным, хотя и менее очевидным, было бы, на наш взгляд, сопоставление субъективной школы с критической социологией в версии Буравого. Напомним, что в предложенной Буравым модели четырех типов социологического знания (профессионального, критического, прикладного/заказного и публичного) критическая социология выполняет рефлексивную функцию по отношению к профессиональному знанию, выясняя методологические и ценностные основания используемых исследовательских моделей. Она есть размышление о природе изучаемого феномена и соответствующих гносеологических возможностях, об адекватности и силе используемых теоретических моделей и исследовательских методик и о конечных смыслах, легитимирующих сам познавательный процесс («то, ради чего теория создается» [Гуревич, 1998: 169]; именно поэтому «Критическая социология – это совесть профессиональной социологии» [Буравой, 2008: 20]).

Такого рода рефлексия не просто присутствует, но составляет сердцевину субъективной школы, гносеологическая проблематика которой определена сопоставлением «области

⁸ «...роль публичного социолога не подменяет ролей политического или общественного деятеля и даже публициста-интеллектуала. Миссия социолога, вторгающегося в публичную сферу, заключается не в практических действиях как таковых, но скорее в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, шансов, перспектив и последствий» (Подвойский Д.Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат (2010). URL: https://polit.ru/article/2010/04/08/rodvoysky_pub_soc/, 2010 (дата обращения: 13.08.2022)).

теоретического *познания* с областью нравственного *сознания*» [Лавров, 1965в: 148]. Эта дилемма формулируется открыто и остро, «ребром» – как, например, в следующем рассуждении Михайловского: «Надеюсь, что читатель признает за мной одну заслугу: я не только не стараюсь замазать предстоящие мне трудности, а напротив ставлю их ...ребром. Спрашивается – как же может быть построена социология? Как и всякая другая наука, как и наука вообще, она должна удовлетворять только потребности познания; потребность познания удовлетворяется только истиной; а между тем социология имеет дело не только с категориями истинного и ложного, а и с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного. Как тут быть?» [Михайловский, 1881: 145].

Ответ на этот вопрос, предполагающий подчинение исследовательской логики этическому императиву⁹, ставит субъективную школу на недостижимую для науки нравственную высоту.

Фактически в рамках того, что в истории социогуманитарной мысли маркируется как «субъективная социология», утверждался некий иной способ социальной рефлексии, принципиально отличающийся от научно-социологического, сконструированный не столько на научно-познавательной, сколько на ценностно-практической доминанте социального переустройства жизни. Именно в этой практической, реформаторско-революционной направленности находится центр тяжести «субъективного метода», который, как точно замечает Г.Е. Зборовский, никогда не был представителями субъективной школы сформулирован со всей отчетливостью (см.: [Зборовский, 2014: 173] – в силу, по-видимому, того, что логическому обоснованию этот метод поддается с трудом, а нравственная значимость его несомненна.

В поисках более адекватного термина для обозначения того альтернативного способа социальной рефлексии, что нашел воплощение в русской субъективной школе, мы, корректируя формулу Южакова–Кареева, назвали бы ее *социально-этическим учением*, представляющим собой переходное явление от социальной мысли к социологической теории.

Вопрос о соотношении разных форматов бытования социального знания многократно и достаточно плодотворно обсуждался в том числе в отечественной литературе [Давыдов, 2002; Гофман, 2003; Зборовский, 2012; Каменский, 2011; Логиновский, 2014]. Мы ориентируемся на схему А. Боскова [Босков, 1961], который дифференцировал общественную (социальную) мысль, социальную теорию и социологическую теорию по критерию должностования. Первую он соотносил с социальной философией, направленной на «этические цели» и представляющей собой, «по существу, ...проповедничество», а во второй видел «*переходную фазу*» к собственно социологической теории, когда «социальные явления рассматриваются с какой-то степенью объективности... В этом смысле социальная теория преследует научные цели, в то время как социальная философия оценивает и указывает пути социального поведения в будущем». Впрочем, тонко замечает Босков, «на практике... эти задачи часто смешивают, поскольку каждая служит удовлетворению настоятельной нужды человека размышлять об его отношении с другими» [там же: 16–17].

Эта модель как нельзя лучше ложится на специфический профиль субъективной школы. Примечательна в этом отношении оценка русской субъективной школы А.С. Лаппо-Данилевским¹⁰, который подчеркнул ее *переходный* характер, а именно – содержащийся

⁹ «Потребность, нравственного суда» становится не «рядом с потребностью познания» [Михайловский, 1881: 143], а над ней (как пишет сам Михайловский чуть ранее, «желаю я все-таки не истинного, а полезного и справедливого» [Михайловский, 1881: 141]); четко расставлены приоритеты в следующем фрагменте из работы Лаврова: «Во имя нравственного чувства, признанного вообще высшим началом в человеке, оказывается обязательным разобрать законы усвоения истины, т.е. построить научную логику...» [Лавров, 1965б: 627].

¹⁰ Любопытно заметить, что в научно-методических разработках А.С. Лаппо-Данилевского по истории социологии рассмотрение русской социологической школы ограничивается учениями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского (см.: [Малинов, 2017: 124]). Другие направления отечественной социальной мысли, помимо данной школы, Лаппо-Данилевский не признавал.

в ней *«переход от феноменологического построения социологии к построению гносеологическому, ...поскольку она с теоретико-познавательной точки зрения ...пыталась выяснить некоторые свойства познающего субъекта...»* (цит. по: [Малинов, 2016: 18]). При этом Лаппо-Данилевский критиковал русскую субъективную школу за смешивание *«теоретико-познавательной точки зрения»* с (1) психологической (особенно выделяя здесь Михайловского) и (2) этической [Малинов, 2016: 18; 23].

Развивая оценки Лаппо-Данилевского, стоит отметить, что субъективная школа действительно уделяла большое внимание гносеологическому вопросу, что отражает стремление ее авторов к научно-социологическим построениям и составляет, как нам видится, наиболее любопытную и парадоксальную ее черту. Именно отсюда появляется *«субъективный метод»*, который самой своей постановкой провозглашается как гносеологический принцип, но, по сути, он представляет собой химерический конструкт, в котором место гносеологии замещается этикой и отчасти психологией.

Названное замещение составляет существо антропологизма Лаврова и персонализма Михайловского. Этот процесс можно пошагово проследить на трех *«антропологических принципах»* философской системы Лаврова. *«Первый антропологический принцип»* представляет собой феноменологическую установку, согласно которой мир во всех своих проявлениях дан человеку исключительно в продуктах его сознания (в связи с чем принципиально неустранима гносеологическая ловушка солипсизма [Лавров, 1965а: 480]). Сама по себе феноменологическая установка, однако, отнюдь не равнозначна солипсизму¹¹, она допускает признание объективности внешнего мира и познаваемости его, что и фиксирует Лавров во *«втором антропологическом принципе»* своей философии [Лавров, 1965а: 480]. *«Третий антропологический принцип»*, формулируемый как *«принцип скептицизма»* (а именно – *«процесс сознания не дает возможности решить, есть ли он сам как действительный процесс результат реального бытия, или реальное бытие есть его продукт»* [Лавров, 1965а: 482; 695]), может быть соотнесен с гуссерлевским эпохэ, однако ведет не к дальнейшему погружению в глубины метафизики, как у Гуссерля, а, напротив, к отказу от метафизики и обращению к *«практической философии»*.

Впрочем, прежде чем перейти к последней, Лавров формулирует вытекающее из *«принципа скептицизма»* фундаментальное разделение *«теоретической философии»* на *«философию природы»* и *«философию духа»* [Лавров, 1965а: 482]¹². В то время как первая постулирует *«реальность внешнего мира»*, вторая исходит из кантианской гносеологии *«построения мира по законам мышления»*, благодаря чему *«человек может себя мыслить как источник внешнего мира»* [там же: 483–484]. Однако Лаврова интересуют не способы, посредством которых человек реализует свои конструктивистские в отношении внешнего мира потенции, а свобода, которая ему этим принципом возвращается. Это – проблематика *«практической философии»*, исходящей из приоритета не размышляющей (как в *«теоретической философии»*), а действующей личности (Ее *«практической философии»*. – И.Ш.) процесс есть действие; личность воплощает свое желание, свое чувство, свое понятие вне себя, в мир реального бытия» [там же: 484]).

Практическая философия исключает *«скептическое начало»* и освобождает личность *«от всех вопросов о сущности ее»* [там же: 485] (в чем, как замечает сам Лавров, совершается возврат к первому антропологическому принципу); она позволяет действовать, не рефлекслируя по поводу объективного положения вещей. Так *«критически мыслящая*

¹¹ Задачи обоснования этого тезиса фактически определили эволюцию феноменологии Э. Гуссерля.

¹² Кареев на этот счет заметил, что, *«в сущности, Лавров ...говорил то же самое, что спустя четверть века повторили Виндельбанд и Риккерт, указав на то, что науки о культуре отличаются от наук о природе отнесением изучаемых предметов к некоторым ценностям»* [Кареев, 1996: 57–58]. Однако стоит заметить, что русская субъективная школа основывала свои построения не на принципе отнесения к ценности, а на нравственной оценке, в чем Лаппо-Данилевский видел ошибку данного направления (см.: [Малинов, 2016: 23]).

личность» превращается в героическую личность, ведущую во имя нравственных идеалов борьбу со злом, невзирая на возможность неминуемого поражения. «Знать сущность вещей невозможно... <Но> Допуская, что весь интеллектуальный мир наших стремлений к правде теоретической и практической есть не что иное, как мир иллюзий, ...мы ...все-таки в реальной жизни будем ставить себе цели и будем искать средства достигнуть их. ...для нас вопрос о "лучшем" и о прогрессе будет иметь всегда жизненное значение, какова ни была бы сущность вещей» [Лавров, 1965в: 252–253].

Отдавая приоритет практической философии, «Лавров ...перестает быть исследователем, а становится "проповедником" во имя этического идеала» [Зеньковский, 2001: 347].

Не случайно и у Лаврова (высоко ценившего «Систему позитивной политики» О. Конта, отвергнутую западной социологической мыслью), и у Михайловского отчетливо звучит аргументация в духе гражданской религии. Так, Лавров пишет о допустимости и желательности «элемента верования», который служит «постановке всех жизненных задач ...<и> ...согласию теоретического мирозерцания с практическим воплощением убеждения в жизнь» [Лавров, 1898: 108], а Михайловский – о «религиозной преданности идее», которая одна только и может послужить мотивом действия [Михайловский, 1881: 135–137]. Эти черты субъективной школы были подмечены ее критиками очень рано: исследователь творчества Михайловского С.П. Ранский писал о том, что у Михайловского происходит «превращение науки в религию», и этим «можно объяснить ...неопределенность в учении Н.К. Михайловского о субъективном методе» [Ранский, 1901: 117; 118], а Зеньковский характеризовал Лаврова и Михайловского как глубоко религиозных по своему психологическому складу личностей, с подлинно религиозной страстностью преданных этическому идеалу (см.: [Зеньковский, 2001: 341–342; 351]).

* * *

Русская субъективная школа иллюстрирует общую закономерность развития социальной мысли в ее движении от социально-философских учений к научно-социологическим построениям. В ней было больше этики и политики, нежели социологии, в силу чего некоторые критики вообще отказывали ей в научной значимости (см., например: [Кистяковский, 1902; Струве, 1997]). Эти оценки отчасти справедливы – если оценивать русскую социологическую школу в критериях научного дискурса. Вопрос в том, следует ли в данном случае прибегать к научным критериям. Русская субъективная школа представляет собой попытку осмысления социальных закономерностей не на уровне строгих логических моделей, но в широком, насыщенном импульсами реальной жизни контексте. Можно спорить о том, является ли это сильной или слабой стороной отечественной социальной мысли, но несомненно то, что это составляет ее оригинальную сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Босков А. От общественной мысли к социологической теории // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Иностр. лит-ра, 1961. С. 15–47.
- Буровой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
- Гофман А.Б. История социологии и история социальной мысли: общее и особенное // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003.
- Гуревич Е.Б. Влияние протестантизма на раннюю американскую социологию // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 168–195.
- Давыдов Ю.Н. Исторический горизонт теоретической социологии // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002. С. 7–27.
- Зборовский Г.Е. Социологическое и социальное знание: сравнительный анализ // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. XV Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 27–34.
- Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учеб. для вузов. Сургут и [др.]: РИО СурГПУ, 2014.

- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академ. Проект, Раритет, 2001.
- Каменский А.Б. К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Мат. Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–139.
- Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Иван Лимбах, 1996.
- Кистяковский Б.А. Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. М.: МПО, 1902. С. 297–393.
- Лавров П.Л. (анонимно) До человека // Отечественные записки. 1870. № 1. С. 119–167; № 2. С. 543–562; № 3. С. 61–100.
- Лавров П.Л. (Арнольди С.С.) Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. М., 1898.
- Лавров П.Л. (Арнольди С.С.) Цивилизация и дикие племена. СПб.: Коммерческая скоропечатня, Лиговская, 57, 1904.
- Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1965б. С. 576–634.
- Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965в. С. 6–295.
- Лавров П.Л. Что такое антропология // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1965а. С. 463–491.
- Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996.
- Логиновский С.С. Социальная мысль и социология: противоречивость или субординация? // Вестник Челябинского госуниверситета. 2014. № 11. С. 135–140.
- Малинов А.В. Русская социологическая школа в оценке А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3. С. 16–24.
- Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017.
- Медушевский А.Н. История русской социологии. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки и техники. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11–28.
- Михайловский Н.К. Записки профана // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 3. СПб.: 1881.
- Михайловский Н.К. Что такое прогресс // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 4. СПб.: 1883. С. IX–XIV, 1–187.
- Публичная социология: круглый стол // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. С. 5–26.
- Ранский С.П. Социология Н.К. Михайловского. СПб., 1901.
- Струве П.Б. К характеристике нашего философского развития. По поводу книги С.П. Ранского «Социология Н.К. Михайловского» // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 177–189.
- Франк С.Л. Этика нигилизма // Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1910. С. 218–259.
- Шмерлина И.А. Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.Л. Лавров и Н.И. Кареев // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997.
- Hecker J.F. Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York: The Columbia University Press, 1915.

Статья поступила: 05.09.22. Финальная версия: 12.11.22. Принята к публикации: 20.12.22.

THE RUSSIAN SUBJECTIVE SCHOOL AS AN ALTERNATIVE MODE OF SOCIAL REFLECTION

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article problematizes the attribution of the Russian subjective school in the versions of P.L. Lavrov and N.K. Mikhailovsky to the sociological tradition, in the strict sense of the word. The specific features of this school are determined not by cognitive, but by practical and transformative goals, related to the struggle for social justice and radical change of the existing system. We compare the Russian subjective school with the contemporary trend of public sociology, and show the similarities and distinctions between these traditions. According to the author, the Russian subjective school meets not only the characteristic features of public sociology, but also of critical (in the sense of M. Burawoy). The phenomenon of the Russian subjective school can be understood as a socio-ethical doctrine, which corresponds to the mainstream of social knowledge – from socio-philosophical constructions, emphasizing the moments of the proper and desirable, to actually scientific sociological concepts.

Keywords: Russian subjective school, P.L. Lavrov, N.K. Mikhailovsky, ethos of science, public sociology, critical sociology, socio-ethical doctrine.

REFERENCES

- Boskoff A. (1961) From social thought to sociological theory. In: Becker H., Boskoff A. (eds) *Modern sociological theory in continuity and change*. Moscow: Inostr. lit-ra: 15–47. (In Russ.)
- Burawoy M. (2008) For Public Sociology. In: *The Public Role of Sociology*. Moscow: OOO "Variant", TsSPGI: 8–51.
- Davydov Yu.N. (2002) The historical horizon of theoretical sociology. In: *History of theoretical sociology*. In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Canon+, OI "Rehabilitation": 7–27. (In Russ.)
- Frank S.L. (2010) Ethics of nihilism. In: Frank S.L. *Philosophy and life. Etudes and sketches on the philosophy of culture*. St. Petersburg: D.E. Zhukovsky, 1910: 218–259.
- Gofman A.B. (2003) The history of sociology and the history of social thought: general and special. In: Gofman A.B. *Classic and modern. Studies on the history and theory of sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Golosenko I.A., Kozlovskiy V.V. (1995) *The History of Russian sociology of the XIX–XX centuries*. Moscow: Onega. (In Russ.)
- Gurevich E.B. (1998) The influence of Protestantism on early American sociology. *Sociological Journal [Sotsiologicheskii Zhurnal]*. No. 1/2: 168–195. (In Russ.)
- Hecker J.F. (1915) *Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory*. New York: Columbia University Press.
- Kamensky A.B. (2011) On the Problems and Paradoxes of Studying the History of Russian Social Thought. In: *Public Thought in Russia: Origins, Evolution, Main Directions. Mat. of the intern. scientific conf. Moscow, October 28–29, 2010*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Kareev N.I. (1996) *The foundations of Russian sociology*. St. Petersburg: Ivan Limbakh. (In Russ.)
- Kistyakovskiy B.A. (1902) The Russian Sociological School and the category of possibility in solving socio-ethical problems. In: *Problems of Idealism*. Moscow: 297–393. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (1965a) What the anthropology is. In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl: 463–491. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (1965b) Tasks of positivism and their solution In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow: Mysl: 576–634. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (anonymously) (1870) Before the Man. *Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*. No. 1: 119–167; No. 2: 543–562; No. 3: 61–100. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (Arnol'di S.S.) (1904) *Civilization and the savage tribes*. St. Petersburg: Kommercheskaya skoropechatnya publ. (In Russ.)
- Lavrov P.L. (Arnol'di S.S.) (1898) *Tasks of understanding history. Draft introduction to the study of the evolution of human thought*. Moscow. (In Russ.)

- Lavrov P.L. Historical Letters (1965v). In: Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl: 6–295. (In Russ.)
- Levitskiy S.A. (1996) *Essays on the history of Russian philosophy*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Loginovskiy S.S. (2014) Social thought and sociology: contradictory or subordination? *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 11: 135–140. (In Russ.)
- Malinov A.V. (2016) Russian sociological school in the assessment of A.S. Lappo-Danilevsky. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. Vol. XIX. No. 3: 16–24. (In Russ.)
- Malinov A.V. (2017) *The sociological heritage of A.S. Lappo-Danilevsky: research and materials*. St. Petersburg: RHGA. (In Russ.)
- Medushevskiy A.N. (2015) *The History of Russian sociology*. Moscow-Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
- Mikhaylovskiy N.K. (1881) Notes of a layman. In: *Works of N.K. Mikhailovsky*. Vol. 3. St. Petersburg. (In Russ.)
- Mikhaylovskiy N.K. (1883) What the progress is. In: *Works of N.K. Mikhailovsky*. Vol. 4. St. Petersburg: ix–xiv, 1–187. (In Russ.)
- Mirskaya Ye.Z. (2005) R.K. Merton and the ethos of classical science. In: *Philosophy of science and technology*. Iss. 11: The ethos of science at the turn of the century. Moscow. (In Russ.)
- Public sociology: round work table (2007). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology]. Vol. X. No. 4: 5–26. (In Russ.)
- Ranskiy S.P. (1901) *The Sociology N.K. Mikhailovsky*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2018) The Social Life of Animals as Perceived by Russian Sociologists: P.L. Lavrov and N.I. Kareev. *Sotsiologicheskiy Zhurnal* [Sociological Journal]. 2018. Vol. 24. No. 3: 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997. (In Russ.)
- Struve P.B. (1997) On the characteristic of our philosophical development. About the book by S.P. Ransky "The Sociology of N.K. Mikhailovsky". In: Struve P.B. *Patriotica: Politics, culture, religion, socialism*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. (2014) *The History of Sociology: a classic stage: a textbook for universities*. Surgut: RIO SurGPU. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. (2012) Sociological and Social Knowledge: A Comparative Analysis. In: *Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience*. XV Intern. Conf. in Memory of Professor L.N. Kogan. Yekaterinburg: UrFU: 27–34. (In Russ.)
- Zen'kovskiy V.V. (2001) *The History of Russian Philosophy*. Moscow: Akadem. Proekt, Raritet. (In Russ.)

Received: 05.09.22. Final version: 12.11.22. Accepted: 20.12.22.

© 2023 г.

М.Б. ДЕНИСЕНКО, В.И. МУКОМЕЛЬ

ИНОСТРАННЫЕ РАБОТНИКИ В РОССИИ: МНЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

ДЕНИСЕНКО Михаил Борисович – кандидат экономических наук, доцент, директор Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (mdenissenko@hse.ru); МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (mukomel@isras.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В российских дискурсах о миграционной политике недостаточно представлены позиция и интересы ее ключевого актора – работодателя. Стремясь ликвидировать это упущение, авторы фокусируются на следующих вопросах: почему работодатели нанимают иностранных работников, какова их мотивация? На какие профессионально-должностные позиции нанимаются иностранцы? Каковы преимущества и недостатки иностранных работников по сравнению с российскими? Как работодатели относятся к планируемым новациям в миграционном законодательстве? Показано, что основной причиной найма иностранных работников является дефицит кадров. Работники, занятые физическим трудом, и специалисты – наиболее востребованные категории иностранцев. Чаще всего трудовые мигранты сами находят работодателя, но многие предприниматели, оптимизируя расходы, прибегают к их аутсорсингу. Основным требованием работодателя к работнику практически для всех занятий являются его навыки и квалификация, лишь для неквалифицированных рабочих – знание русского языка и разрешение на работу. Национальность, возраст, пол работника интересуют немногих работодателей. Преимущество иностранных работников перед российскими предприниматели видят в их готовности работать сверхурочно и за меньшие деньги, в трудовой дисциплине, тогда как в квалификации, умении переучиваться, работе в коллективе трудовые мигранты чаще уступают россиянам. При этом подавляющее большинство опрошенных указали на равную оплату труда россиян и иностранцев. Исследование продемонстрировало негативное отношение работодателей к разрешительной процедуре найма иностранцев и доступу властей к персональным данным трудовых мигрантов, включая геолокацию. Эмпирическую базу исследования составили опросы работодателей в 2017 и 2022 гг.

Ключевые слова: работодатели • иностранные работники • трудовые мигранты • рынок труда • виды экономической деятельности • виды занятий • дефицит рабочей силы

DOI: 10.31857/S013216250021528-3

Введение. Миграционная политика России претерпевает постоянные колебания, варьируя между рестриктивным и либеральным курсами. При этом зигзаги обусловлены не столько экономической ситуацией, сколько социально-политической обстановкой, при которой во главу угла ставится учет общественных настроений. Тренд на очередной разворот миграционной политики и ее ужесточение с акцентом на контрольно-розыскную деятельность

Работа над статьей осуществлялась М.Б. Денисенко при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-325).

обозначился накануне пандемии¹ и продолжился во время ее распространения², хотя трудовые мигранты давно стали неотъемлемой частью российского рынка труда. Несколько миллионов иностранцев на протяжении двух десятилетий ежегодно приезжали трудиться в Россию, преимущественно занимая рабочие места, малопривлекательные для российских граждан. В предковидный 2019 год, по данным ГУВМ МВД России, на миграционный учет по месту пребывания с целью въезда «работа» первично было поставлено 5,5 млн иностранных граждан, из которых почти 70% – выходцы из Средней Азии. Кроме того, по разным оценкам от нескольких сотен тысяч до 2 млн человек трудились в России незаконно³. Пандемия и вызванные ею ограничения на осуществление экономической деятельности и международные поездки способствовали существенному сокращению притока трудовых мигрантов в Россию. Смягчение антиковидных мер во второй половине 2021 г. открывало перспективы для восстановления работы многих предприятий. Соответственно, вновь стал возрастать спрос на труд мигрантов: по данным Пограничной службы ФСБ, въезд иностранцев в Россию с целью «работа» в 2021 г. увеличился по сравнению с 2020 г. в 2,5 раза: с 1,1 млн до 2,6 млн человек. При этом доля граждан среднеазиатских республик возросла до 85%.

Введенные Западом экономические санкции против России из-за начавшейся 24 февраля 2022 г. спецоперации оказывают негативное влияние на экономику в целом и рынок труда в частности. По мнению ряда экспертов, за санкциями последует рост безработицы до 7% и в основном «пострадают промышленность, транспорт, сфера торговли и общественного питания»⁴. «Схлопывание рынка труда при даже невысоком показателе безработицы будет выражено в том, что открывающихся вакансий в большинстве сфер станет меньше. Большие трудности с трудоустройством испытает молодежь, впервые выходящая на рынок труда»⁵.

Вместе с тем, помимо названных «шоковых» факторов, в России действуют и другие фундаментальные факторы, определяющие неизбежность масштабной трудовой миграции в страну. Во-первых, уровень зарплат в России заметно выше, чем в странах происхождения мигрантов: в пять раз выше, чем в Таджикистане, и в три раза – чем в Киргизии. Можно предположить, что этот разрыв в обозримом будущем останется значительным. Во-вторых, мигранты заняли определенные ниши в российской экономике: рабочие места, которые не привлекают россиян даже во время кризисов из-за их непрестижности и тяжелых условий работы. В-третьих, в России сокращается численность работников в молодых трудоспособных возрастах и к 2025 г. численность участников рынка труда до 40 лет уменьшится примерно на 3,3 млн человек [Денисенко, Мкртчян, 2022]. Можно ожидать, что спрос на труд иностранных работников, большую часть которых составляет молодежь, сохранится.

В общественных дискуссиях о трудовых мигрантах не слышен голос одного из ключевых акторов миграционной политики – работодателя. В отношении него преобладают штампы и стереотипы: «работоторговцы», «жадные эксплуататоры», наживающиеся на беспорядке

¹ Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. от 6 марта 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (дата обращения: 11.04.2020).

² Законопроект «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113698> (дата обращения: 18.07.2022); предложение ввести геномную регистрацию всех трудовых мигрантов (Бастрыкин потребовал ввести геномную регистрацию всех трудовых мигрантов) // Интерфакс. 1 ноября 2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/800681> (дата обращения: 21.07.2022).

³ В МВД назвали число нелегальных мигрантов на территории России // РИА Новости. 21 декабря 2018 г. URL: <https://ria.ru/20181221/1548398795.html> (дата обращения: 14.06.2021); МВД в 2019 г. выявило порядка 800 тыс. нарушителей миграционного законодательства // ТАСС. 28 января 2020 г. URL: <https://n.tass.ru/obschestvo/7619871> (дата обращения: 10.05.2022).

⁴ Безработица в пути // Коммерсантъ. 2022. 9 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249931> (дата обращения: 25.03.2022).

⁵ Экономисты РАН назвали риски для рынка труда из-за санкций // РБК. 2022. 3 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/05/2022/626b9ef89a7947d7f6c09da8> (дата обращения: 29.05.2022).

мигрантов, заинтересованные в их нелегальном труде⁶. В идеале – работодателя необходимо поставить под полный контроль, взвалить на него хлопоты по легализации мигрантов, расходы по обеспечению их жильем, социальным пакетом, по профессиональной подготовке и т.п.

Почему работодатели нанимают иностранных работников, какова их мотивация? На какие профессионально-должностные позиции нанимаются иностранцы? Каковы преимущества и недостатки иностранных работников по сравнению с российскими работниками? Как работодатели относятся к планируемым новациям в миграционном законодательстве? Это те ключевые вопросы, на которые должен был дать ответы анализ данных опросов, проведенных в 2017 и 2021/2022 гг.

Методология исследования. Учитывать бизнес-интересы предпринимателей, их мнения о роли иностранных работников в функционировании предприятий и организаций важно всегда, «поскольку это способ получить всестороннее понимание динамики процесса трудоустройства иммигрантов и функционирования рынка труда» [Rodríguez, 2004]. К сожалению, в России такого рода специальные исследования крайне немногочисленны⁷ и чаще всего базируются на качественных обследованиях [Лисицын, 2017; Флоринская, 2018]. Количественные исследования или использование смешанных методик количественных и качественных исследований редки [Флоринская, 2010; Рязанцев, Кашепов, 2021]. В то же время за рубежом количественные обследования работодателей в связи с миграцией часто проводятся в странах, где их результаты учитываются при определении и коррекции параметров миграционной политики и политики на рынке труда, в том числе при обосновании списков востребованных профессий и квалификаций (см., напр.: [BuildUK, 2019; Fang et al., 2022; Harrison, Lloyd, 2013; Locke, Lynch, 2005; MBIE, 2019; OECD, 2013; Wright, Constantin, 2020]). Перспективное направление исследований, которое получит широкое использование по мере совершенствования информационных баз, – анализ статистики предприятий в увязке со статистикой работающих на них иммигрантов [Gu et al., 2020; Lu, Hou, 2019].

Настоящее исследование базируется на двух социологических обследованиях. (1) В марте–апреле 2017 г. проводился опрос 1570 работодателей, из которых 485 нанимали иностранцев за последние три года, в т.ч. 378 работодателей имели иностранных работников на момент опроса. Использовались несвязные квоты по регионам, видам экономической деятельности, размерам предприятий, организационно-правовой и юридической формам собственности⁸. Опрос проводился на предприятиях и в организациях в 20 регионах основной концентрации трудовых мигрантов, 43,1% компаний находились в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях. Методика опроса – face-to-face (PAPI) и по телефону с использованием планшетников (CATI). Опрос проводился Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для нужд НИУ-ВШЭ. (2) В декабре 2021 г.– январе 2022 г. проведен опрос 411 работодателей⁹. Опрашивались только предприятия и организации, нанимавшие за последние три года иностранцев, независимо от формы собственности (320 из них имели иностранных работников во время опроса). Предприятия и организации опрашивались в 48 регионах России, причем в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях

⁶ Работодателей обвиняют в сохранении «фактически рабского труда мигрантов и их правовой незащищенности» (Бастрыкин рассказал о причинах агрессии мигрантов) // Газета.ru. 2022. 12 февраля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/12/17278753.shtml> (дата обращения: 24.05.2022).

⁷ Речь идет о целенаправленно ориентированных на изучение мнения работодателей исследованиях с внятно описанной методикой.

⁸ Ввиду отсутствия сведений о генеральной совокупности работодателей, использующих труд иностранных работников, использовались косвенные данные, призванные репрезентировать всю совокупность юридических лиц, зарегистрированных в субъектах Российской Федерации, где концентрируются трудовые мигранты. В качестве основы выборки использовалась база данных «Руслана», содержащая информацию о сотнях тысяч российских компаний.

⁹ Опрос проведен при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-325).

находились 43,4% работодателей. Использовались гибкие квоты по размеру предприятий. Методика проведения опроса смешанная: как PAPI, так и CATI.

Чаще всего работодателя в обоих опросах представляли специалисты по кадрам, учредители, владельцы и топ-менеджеры предприятий и организаций. Выборки опросов работодателей, нанимавших иностранных работников, сопоставимы по масштабам и основным видам экономической активности.

Какие предприятия используют труд мигрантов и кого нанимают. Обследование 2017 г. показало, что чаще нанимали иностранных работников работодатели, основным видом экономической деятельности которых было сельское хозяйство, где 67,7% работодателей нанимали мигрантов, а также строительство и обрабатывающие производства (соответственно 46,5 и 39,2% предприятий, нанимавших иностранцев). Как в 2017 г., так и в 2022 г. значительная часть предприятий, нанимавших иностранцев, – микро- и малые предприятия с численностью занятых до 15 и 100 работников, соответственно в 2017 г. – 56 и в 2022 г. – 56,2%.

Работодатели не озадачиваются гражданством работника: на всех предприятиях работают граждане нескольких стран. Но среди них и в 2017, и в 2022 гг. большинство составляли те, которые нанимали на работу мигрантов из среднеазиатских государств. Причем доля таких предприятий за изучаемый период увеличилась в случае найма граждан Узбекистана – с 32,8 до 49,6%, Таджикистана – с 27,3 до 37,2%, Киргизии – с 15,5 до 20,8%. Доля предприятий, на которых работали в том числе граждане Украины, к 2022 г. уменьшилась по отношению к 2017 почти в два раза: с 42,1 до 22,1%. При этом третье место в 2022 г. заняли предприятия, нанимавшие граждан Беларуси. Их доля среди всех респондентов увеличилась с 9,1 до 25,8%. Относительно многочисленными были предприятия, привлекающие на работу граждан Казахстана (14–16%)¹⁰.

Почему и на какие рабочие места нанимают иностранцев. Основная причина, по которой работодатели прибегают к найму иностранцев, – дефицит кадров. Причем этот дефицит в 2022 г. был заметно больше, чем в 2017 г.¹¹ Особенно высоким он был в отношении квалифицированных и неквалифицированных рабочих: в 2022 г. в первом случае на него указало почти 44% респондентов, во втором – треть. Почти пятая часть предприятий в 2022 г. указала на недостаток специалистов средней и высшей квалификации (табл. 1).

Таблица 1

Дефицит и избыток работников в оценках работодателей по профессионально-должностным группам, 2017 и 2022 гг., в % от опрошенных

Профессионально-должностные группы по ISCO-08	2017			2022		
	избыток	дефицит	баланс и затруднились с ответом	избыток	дефицит	баланс и затруднились с ответом
Руководители высшего и среднего звена (группа 1)	1,0	1,7	97,3	1,0	5,5	93,5
Специалисты высшей и средней квалификации (группы 2, 3)	1,8	14,9	83,3	1,0	20,2	78,8
Служащие, исполнители (клерки) (группа 4)	1,2	7,2	91,6	0,6	11,6	87,8
Квалифицированные рабочие, включая работников торговли (группы 5–8)	0,7	21,8	77,5	0,0	43,8	56,2
Неквалифицированные рабочие (группа 9)	2,6	11,5	85,9	0,0	34,8	65,2

¹⁰ Здесь и далее, если не оговорено, приводятся данные обследования 2022 г.

¹¹ Здесь и далее приводятся данные обследования 2017 г. только по предприятиям, привлекавшим труд иностранных граждан (N = 485).

Таблица 2

Планы предприятий использовать труд иностранцев, в % от опрошенных

Планы работодателей привлекать иностранных работников в следующем году	Опрос 2017	Опрос 2022
Точно будут использовать	22,3	47,2
Скорее будут использовать	34,2	34,1
Скорее не будут использовать	17,8	9,2
Точно не будут использовать	12,2	2,4
Затруднились ответить	13,5	7,1

Рабочие и специалисты – эти категории иностранцев интересуют работодателей в первую очередь. Рабочие требуются везде и особенно в обрабатывающей промышленности, строительстве, складском хозяйстве, ЖКХ, сельском хозяйстве, на транспорте. Если среди руководителей высшего и среднего звена иностранные работники на момент опроса составляли 8% работников, среди специалистов высшей и средней категории – 18,2%, служащих и исполнителей – 13,1%, работников сферы обслуживания и торговли – 7,3%, то среди квалифицированных рабочих – 28%, а среди неквалифицированных рабочих – 45%. Иностранные специалисты особенно востребованы в профессиональной и научно-технической деятельности, обрабатывающих производствах и строительстве, где на дефицит работников в 2022 г. указали 46,6, 25,5 и 24,3% соответствующих групп респондентов.

Дефицит работников стимулирует найм иностранных работников предпринимателями. Если в 2017 г. собирались нанимать иностранцев 56,5% работодателей, то в 2022 г. – 81,3%¹² (табл. 2).

Поиск, оформление и помощь мигрантам. Работодателю нет особой нужды утруждать себя поиском иностранных работников. Чаще всего они сами обращаются к работодателю в поисках работы – на что указали 59,4% работодателей. Другие популярные каналы – поиск с помощью сотрудников, коллег, знакомых (35,3%)¹³, приглашение уже известных работодателю, ранее работавших работников (33,6%), размещение информации в Интернете, социальных сетях (32,8%). Существенно меньше работодателей обращаются в государственную службу занятости (13,4%) и частные агентства занятости (9,7%), неформальные «биржи труда» (2,9%). Вопреки бытующим мифам, в поисках иностранцев работодатели крайне редко прибегают к услугам посредников (7,8% работодателей).

Часть работодателей, не обременяя себя наймом мигрантов, используют их труд путем аутсорсинга (18,5% работодателей). Большинство из них (63,2%) – предприятия и организации обрабатывающих производств, строительства и торговли. Выделяются две группы работодателей: с одной стороны, крупные промышленные предприятия, прибегающие к аутсорсингу рабочих, с другой – предприятия малого бизнеса в строительстве (субподрядчики) и торговле, чаще отдающие на аутсорсинг бухгалтерию, юридическое сопровождение. Аутсорсинг позволяет не только оптимизировать вторичный функционал организации, но и снимает с них ответственность за возможные нарушения работниками миграционного законодательства.

Основными причинами нарушения законодательства при приеме на работу иностранных работников названы сложность, продолжительность оформления документов – 43,1%, противоречивость процедур, которым трудно следовать буквально, – 26%. Финансовая нагрузка не столь важна: высокие налоги упомянули 13,6% работодателей,

¹²Вероятно, в новой политико-экономической ситуации эти планы будут скорректированы в сторону уменьшения, но факт остается фактом: трудовые мигранты рассматриваются работодателями как важнейший источник пополнения наиболее востребованных категорий работников.

¹³Любое количество ответов.

дополнительные расходы на легальных иностранных работников – 11,2%¹⁴. Другое дело – нанять на работу мигранта, с которым контакт ограничен парой часов или дней, – загрузить/разгрузить транспорт, убрать мусор и т.д. В практике привлечения иностранных работников на разовые неквалифицированные работы (разнорабочих, уборщиц и др.) без оформления договорных отношений признались 13,4% работодателей. Ранее отмечалось, что довольно многочисленную группу предпринимателей составляют работодатели, совмещающие легальный и нелегальный наем иностранцев, и эта практика не меняется на протяжении последних лет [Флоринская, 2010: 150].

Работодатели в большинстве своем (65,5%) оказывают посильную помощь трудовым мигрантам, помогая или оплачивая оформление документов (30,4% работодателей), полиса ДМС (17,0%), патента (10,9%)¹⁵. Распространена также практика предоставления/оплаты жилья (31,6% работодателей), питания на рабочем месте (27,7%), проезда на работу (19,4%), профессионального обучения (18,5%) и даже обучения русскому языку (6,1%).

Чем привлекательны иностранные работники для работодателя? Требования к мигрантам различаются в зависимости от конкретных рабочих мест. Для занятий, требующих высокой квалификации (группы 1–3 по ISCO-08), где необходимы образование, знания, опыт, на первый план ожидаемо выходят уровень квалификации и навыки работника (табл. 3). Однако и для других профессионально-должностных групп, где необходима средняя квалификация (группы 4–8 по ISCO-08), также наиболее востребованы квалификация и навыки, особенно при поиске квалифицированных рабочих. Около половины работодателей отмечали важность владения русским языком и наличия разрешительных документов для работы и пребывания в России для работников высшей и средней квалификации. Иная структура требований – к потенциальным работникам для занятия рабочих

Таблица 3

**Наиболее востребованные характеристики иностранных работников, 2022 г.,
в % от опрошенных**

Характеристики потенциального работника	Руководители высшего и среднего звена	Специалисты высшей и средней квалификации	Служащие, исполнители (клерки)	Работники сферы обслуживания и торговли	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие
Уровень владения русским языком	45,9	51,0	52,3	68,6	57,4	59,1
Знание российских норм поведения и общения в коллективе	17,0	17,4	18,5	22,9	16,3	23,5
Уровень квалификации, навыков	71,4	77,5	70,8	65,7	81,6	27,5
Наличие разрешительных документов на пребывание и работу в России	45,4	48,2	50,5	57,1	60,6	68,1
Пол	0,2	0,5	0,6	0,0	0,7	2,8
Возраст	2,5	2,5	1,8	5,7	4,6	8,4
Национальность	9,1	7,8	7,1	1,4	3,9	0,3
Затрудняюсь ответить	18,3	14,6	18,7	6,1	9,0	6,0

Примечание. Формулировка вопроса: «Какие характеристики наиболее важны для вас при найме иностранца на должность...?» Не более трех ответов.

¹⁴ Не более двух ответов.

¹⁵ Любое количество ответов.

Таблица 4

**Сравнение трудовых характеристик российских и иностранных работников, 2022 г.,
в % от опрошенных**

Характеристики	В большей мере российские	В равной мере	В большей мере иностранные	Затруднились ответить
Обладают необходимой квалификацией	45,0	46,0	3,9	4,6
Умеют переучиваться, осваивать новое в профессии	30,9	56,2	8,5	4,4
Следуют правилам трудовой дисциплины	14,4	66,2	17,8	1,7
Умеют работать в коллективе, имеют навыки общения и взаимодействия	23,6	71,3	2,9	2,2
Готовы работать сверхурочно, в режиме аврала	7,1	59,4	31,9	1,7
Готовы работать за меньшие деньги	7,3	44,3	36,5	11,9

Примечание. Формулировка вопроса: «Я перечислю вам несколько характеристик работников. Сравните, российские или иностранные сотрудники больше соответствуют этим качествам, если они работают на схожих должностных позициях».

мест, не требующих никакой квалификации. Конечно, работодателю интересен уровень навыков и квалификации таких работников, но это вторично: на первом плане – наличие разрешительных документов и владение русским языком (табл. 3).

Для всех профессионально-должностных групп существенно менее значимо знание российских норм поведения и общения в коллективе (несколько большее значение этому придается при рассмотрении потенциального работника в сфере обслуживания и торговли, ввиду необходимости постоянно контактировать с принимающим населением). Национальность, возраст, пол работника интересуют совсем немногих работодателей¹⁶.

Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что занимающие схожие должностные позиции россияне и иностранцы похожи по своим трудовым характеристикам. Преимущество иностранных работников перед российскими, по мнению работодателей, в их готовности работать сверхурочно и за меньшие деньги, а также в трудовой дисциплине. И это мнение не только российских предпринимателей. Так, согласно опросу, проведенному в Канаде, 7% работодателей считали, что иммигрантам и иностранным студентам платят меньше местных работников. При этом мнение о том, что они имеют сильную трудовую этику и работают усерднее местных жителей, отмечали 75% работодателей [Fang et al., 2022].

По другим параметрам – квалификации, умению переучиваться, работе в коллективе – трудовые мигранты чаще всего уступают россиянам (табл. 4). Вероятно, в пользу мигрантов свидетельствует и то, что они реже российских граждан покидают предприятия и организации по собственной инициативе: только 16,5% работодателей упомянули, что иностранцы чаще россиян увольняются, тогда как 43,3% сказали, что такого рода инициативы чаще характерны для россиян; 35,8% опрошенных никакой разницы не видят, 4,4% уклонились от ответа. (Стоит заметить, что увольнения мигрантов достаточно редко иницируются работодателем, в подавляющем большинстве это инициатива мигранта или продукт совместного решения иностранного работника и работодателя – соответственно, 6,1, 76,6 и 10,9%; затруднились с ответом 6,3%.)

¹⁶ Аналогичные результаты получены в обследовании 2017 г.

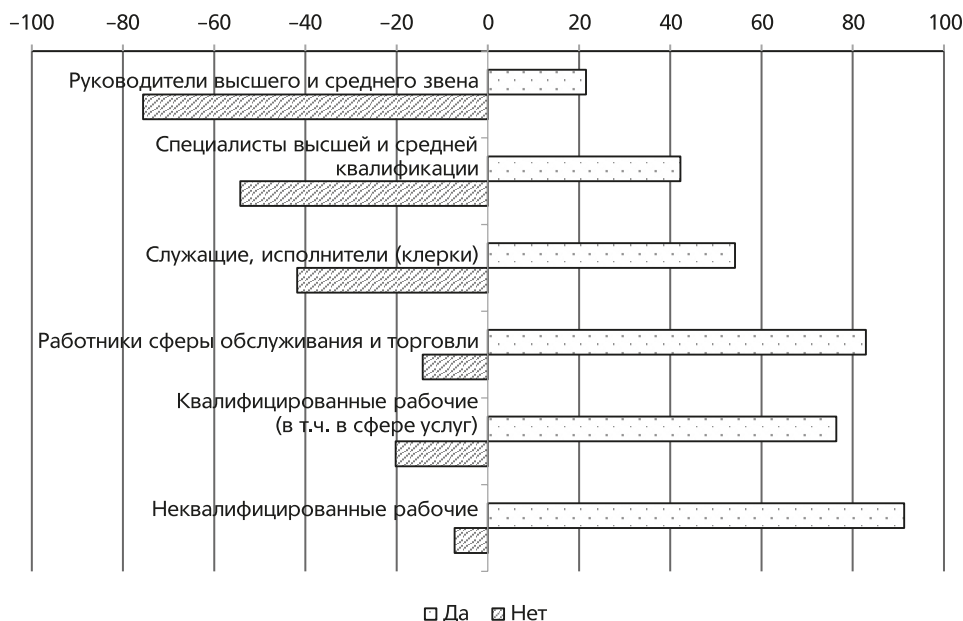

Рис. Отношение работодателей к найму иностранных граждан на конкретные должностные позиции, 2022 г., в % от ответивших

Предпочтение, отдаваемое российским гражданам при занятии должностей, требующих высокой квалификации и определенных навыков в постижении профессиональных новаций, умения взаимодействовать в коллективе, имеет оборотной стороной категорическое неприятие большинством работодателей привлечения иностранцев на позиции руководителей, настороженное отношение к найму трудовых мигрантов в качестве специалистов, служащих. Одновременно трудовые мигранты – желанные претенденты на занятие рядовых должностей в сфере обслуживания, торговли и особенно в качестве квалифицированных и неквалифицированных рабочих (рис.).

Преференции, отдаваемые работодателями российским гражданам при занятии определенных должностей, сложно интерпретировать как дискриминационные: подавляющее большинство из них указали на равную оплату труда россиян и иностранцев во всех профессионально-должностных группах: от 76,3% для руководителей до 97,4% для работников сферы обслуживания и торговли¹⁷. Немногие респонденты отмечали более высокую оплату труда российских граждан¹⁸, еще меньше – более высокую зарплату иностранцев. Единственное исключение – группа руководителей высшего и среднего звена, где,

¹⁷ Возможно также, что на российском рынке труда действует эффект роста производительности труда, пропорциональный доле трудовых мигрантов, который выше для низкоквалифицированных/менее образованных мигрантов по сравнению с высококвалифицированными/с высшим образованием [Gu et al., 2020]. Этот эффект, зафиксированный канадскими исследователями, нуждается в проверке применительно к российскому рынку труда.

¹⁸ Более низкая оплата труда иностранцев оправдывается не только их готовностью соглашаться на такие условия и давлением работодателя. Имеются исследования, указывающие на то, что интерес предпринимателя не обязательно сводится к финансовой выгоде. За этим может скрываться его отношение к иммиграционной политике [Harrison, Lloyd, 2013]. Часть работодателей, «возможно, придают большее значение тому, что они воспринимают [иностранцев] как социальную угрозу, а не как фактор экономической выгоды для их собственного предприятия» [Fang et al., 2022: 28].

по утверждению работодателей, иностранцы чаще оплачиваются лучше россияне: на это указали 13,2% опрошенных против 2,6% придерживающихся противоположной позиции.

Отношение к планируемым новациям в миграционном законодательстве. В начале марта 2020 г. президентом РФ был подписан Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. (далее – Перечень поручений)¹⁹. В документе предлагался кардинальный пересмотр законодательства и процедур легализации пребывания и доступа на рынок труда трудовых мигрантов.

В июле 2021 г. на федеральном портале проектов нормативных правовых актов был размещен законопроект, ключевым элементом которого становится всеобъемлющий, по замыслу разработчиков, цифровой надзор за иностранцами и их работодателями. Законопроект предусматривает создание электронных реестров иностранных работников и их работодателей; разработку специального мобильного приложения для мигрантов; выдачу иностранцам удостоверяющего личность документа с электронным носителем информации, который должен «обеспечивать идентификацию и верификацию иностранного гражданина в режиме реального времени»; возможность включения иностранцев в контрольный список в том числе «на основании сведений, содержащихся в государственной информационной системе, без принятия отдельного решения»²⁰.

Хотя вступление в силу закона планируется в январе 2024 г., некоторые предусмотренные в нем меры уже начали осуществляться. В частности, в ноябре 2021 г. появился приказ МВД России, утвердивший новую форму патента для иностранных работников в виде карты с электронным носителем информации, содержащим персональную информацию иностранца, включая биометрические данные, пригодные для идентификации владельца карты²¹. Сообщалось, что создан прототип приложения для мигрантов и его запуск ожидается в ближайшее время²².

Вступление в силу закона в нынешнем виде существенно трансформирует сложившееся взаимодействие иностранного работника и работодателя. И реакцию работодателей трудно назвать позитивной: большинство из них негативно относятся, во-первых, к необходимости регистрироваться в государственной информационной системе, размещать там заявки о потребности в иностранных работниках и нанимать мигрантов лишь после одобрения службы занятости, не сумевшей найти российских работников на заявленные вакансии (табл. 5). (Даже если это будет не разрешительная, а уведомительная процедура, только чуть более половины работодателей (52,5%) продолжают нанимать иностранцев, тогда как 27,3% сократят их наём, а 12% вообще откажутся от найма иностранцев, остальные не определились с ответом.) Во-вторых, работодатели столь же негативно относятся к доступу властей к персональным данным иностранного работника, включая геолокацию через установленное мобильное приложение. Готовы отказаться от найма иностранцев в этом случае 10,2% работодателей, сократить их найм – 10,2%, еще 9,0% не определились (табл. 5).

Наиболее негативно к планируемым новациям относятся работодатели, представляющие микропредприятия с численностью работников до 15 человек: противников

¹⁹ Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг., 6 марта 2020 г., No. ПР-469.

²⁰ Проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», редакция No. 2 от 03.09.2021. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113698> (дата обращения: 27.08.2022).

²¹ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 02.11.2021 № 805 «Об утверждении форм патентов, выдаваемых иностранным гражданам или лицам без гражданства, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и перечней сведений, содержащихся в указанных патентах», п. 2.6 (зарегистрирован 17.12.2021 № 66419). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112200003?index=7&rangeSize=1> (дата обращения: 20.01.2022).

²² Каледина А. «Для перехода к общей валюте должны созреть условия». Вице-премьер Алексей Оверчук – о финансовой интеграции с Белоруссией и другими странами ЕАЭС, «Госуслугах» для мигрантов и судьбе налоговых соглашений с Нидерландами и Швейцарией // Известия. 22.09.2021. URL: <https://iz.ru/1224933/anna-kaledina/dlia-perekhoda-k-obshchei-valiute-dolzny-sozret-usloviia> (дата обращения: 20.01.2022).

Таблица 5

**Отношение работодателей к планируемым новациям в миграционном законодательстве,
2022 г., % опрошенных**

Одобрение / неодобрение	Полностью одобряют	Скорее одобряют	Безразлично	Скорее не одобряют	Категорически против	Затрудняются ответить
Регистрация в государственной информационной системе и размещение заявки о потребности в иностранных кадрах. Найм иностранцев возможен, если служба занятости не сумеет найти российских работников*	12,2	23,8	12,7	29,0	19,5	2,9
Обязанность работника иметь аккаунт в государственной информационной системе, доступ властей через мобильное приложение к его персональным данным, включая геолокацию**	15,3	22,4	14,4	27,5	15,8	4,6

Примечания. *Формулировка вопроса: «Есть проект закона, по которому для найма иностранцев компаниям надо будет регистрироваться в государственной информационной системе и размещать там заявки о потребности в иностранных кадрах. Нанимать иностранцев можно будет только в том случае, если через определённое время служба занятости не сумеет найти российских работников. Вы одобряете такое нововведение или не одобряете?»

** Формулировка вопроса: «Есть проект закона, по которому иностранный работник будет обязан иметь аккаунт в государственной информационной системе, что позволит органам власти через мобильное приложение получать доступ к его персональным данным, включая геолокацию. Вы одобряете или не одобряете такое нововведение?»

регистрации компаний в государственной информационной системе и размещения там заявок среди них в 1,7 раза больше, чем сторонников; противников доступа властей к персональным данным работника – в 1,6 раза больше придерживающихся противоположного мнения. При реализации первой инициативы сократят или откажутся от найма иностранцев 39,2% микропредприятий, еще 9,5% затруднились с ответом, при принятии второй – 36,5 и 5,5% соответственно.

Закключение. Опрос работодателей проводился в начале года, когда они демонстрировали оптимизм относительно перспектив наращивания в 2022 г. объема выпуска продукции, продаж, оказываемых услуг: 12,2% предприятий ожидали их существенного роста, 30,4% – незначительного, нулевого роста – 34,5%, незначительного снижения – 5,1%, существенного снижения – 1,7%, еще затруднились с ответом 16,1% опрошенных. Такой оптимизм сопровождался уверенностью, что они будут привлекать трудовых мигрантов в этом году: 47,2% точно намеревались использовать их труд, еще 34,1% полагали, что скорее всего будут привлекать иностранцев. Нет сомнений, что события на Украине и введение санкций против России разрушили планы многих из них²³. Однако с учетом существующего дефицита кадров (особенно низкой квалификации), нежелания иностранных работников уходить с этого рынка, а также текущих демографических тенденций спрос на труд мигрантов, как и его предложение, сохранятся, хотя и уменьшатся.

²³ 60% малого бизнеса не увидело для себя возможностей в санкционном кризисе // РБК. 19 мая 2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2022/62860e539a7947cf0d9e48bb> (дата обращения: 21.07.2022); Л. Романова. Эксперты зафиксировали спад экономической активности почти в 70% субъектов // Ведомости. 9 июня 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/06/09/925813-spad-ekonomicheskoi-aktivnosti> (дата обращения: 21.07.2022).

Особенно высок спрос на иностранных работников в таких отраслях, как обрабатывающие производства, строительство, транспорт, сельское хозяйство, где иностранцы давно заняли «свои» ниши в условиях отсутствия конкуренции с коренным населением.

Большинство работодателей не предпринимают каких-либо специальных усилий для поиска иностранных работников. Но в случае заинтересованности они оказывают посильную помощь трудовым мигрантам, помогая или оплачивая оформление документов. Требования, предъявляемые к мигрантам, различаются в зависимости от конкретных рабочих мест. Для занятий, требующих высокой квалификации, на первый план ожидаемо выходят уровень квалификации и навыки работника. Только половина работодателей отметили важность владения русским языком и наличия разрешительных документов для работников высшей и средней квалификации. Иные требования к потенциальным работникам для занятия рабочих мест, не требующих никакой квалификации. Работодателю и в этом случае интересен уровень навыков и квалификации таких работников, но это вторично: на первом плане – наличие разрешительных документов и владение русским языком.

Исследования показывают, что в период кризиса стремления работодателей и мигрантов «уйти в тень» усиливаются прямо пропорционально его масштабам [Флоринская, 2010; Флоринская, 2018]. В этих условиях ужесточение контроля над мигрантами и работодателями только стимулирует такие стремления. Важнее обеспечить повышение мобильности работников, в т.ч. иностранных, коррекцию трудового законодательства в части ослабления требований к работодателю при заключении трудовых договоров и ужесточение – при заключении договоров ГПХ, принятие иных мер, учитывающих интересы и возможности работодателей. В этом интересы предпринимателей и российской экономики совпадают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России // Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП. 2022. № 5 (10). [Denisenko M., Mkrtchyan N. (2022) *Demographic Changes and Labor Supply in Russian Regions. Nauchnyy daydzhest NTSMU TSMICHP* [Research Digest]. No. 5 (10). (In Russ.)]
- Лисицын П.П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 54–70. [Lisitsyn P.P. (2017). Main and additional participants of the second stage of the migration process: channels of communication. *Vestnik SPbSU. Sociologija* [Herald of St. Petersburg State University. Sociology]. Vol. 10. Iss. 1: 54–70. (In Russ.)] DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.104.
- Рязанцев С.В., Кашепов А.В. Трудящиеся-мигранты на российском рынке труда в период пандемии COVID-19 – противоречия между интересами бизнеса и реальной политикой // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 155–164. [Ryazantsev S.V., Kashepov A.V. (2021) *Migrant Workers on the Russian Labor Market During the COVID-19 Pandemic – Contradictions Between Business Interests and Real Politics. Social'naya politika i sociologiya* [Social Policy and Sociology]. Vol. 20. No. 3: 155–164. (In Russ.)] DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-155-164.
- Флоринская Ю.Ф. Наем мигрантов в период кризиса (по результатам социологических опросов и фокус-групп) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6. С. 149–156. [Florinskaya Y.F. (2010) *Hiring migrants during the crisis (according to sociological surveys and focus groups). Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. No. 21: 149–156. (In Russ.)] DOI: 10.1134/S1075700710060110.
- BuildUK (2019) *Shortage occupations in construction: a cross-industry research report*. URL: <https://builduk.org/wp-content/uploads/2019/01/Shortage-Occupations-in-Construction-A-cross-industry-research-report-January-2019.pdf> (accessed 22.07.2022).
- Enchautegui M.E. (2015) *Engaging Employers in Immigrant Integration*. Urban Institute. Washington, DC. URL: <https://www.urban.org/research/publication/engaging-employers-immigrant-integration> (accessed 22.07.2022).
- Fang T., Zhu J., Wells A.D. (2021) *Employer Attitudes towards Hiring Newcomers and International Students in the Atlantic Provinces*. St. John's: The Harris Centre, Memorial University of Newfoundland.
- Fang Tony, Xiao Na, Zhu Jane, Hartley J. (2022) *Employer Attitudes and the Hiring of Immigrants and International Students: Evidence from a Survey of Employers in Canada*. 2021. *IZA Discussion paper* No. 15226. APRIL 2022.

- Florinskaya Y.F. (2018) Employers and Foreign Migrants in the Labor Markets of Major Russian Cities: Interactions in a New Economic Reality. *Studies on Russian Economic Development*. No. 2 (29): 217–224. DOI: 10.1134/S1075700718020053.
- Gu W., Hou F., Picot G. (2020) Immigration and firm productivity: evidence from the Canadian Employer-Employee Dynamics Database. *Journal of Productivity Analysis*. Vol. 54. Iss. 2. No. 3: 121–137. DOI: 10.1007/s11123-020-00588-4.
- Harrison J.L., Lloyd E.S. (2013) New Jobs, New Workers, and New Inequalities: Explaining Employers' Roles in Occupational Segregation by Nativity and Race. *Social Problems*. Vol. 60 (3): 281–301. DOI: 10.1525/sp.2013.60.3.281.
- Locke W., Lynch S. (2005) A Survey of the Attitudes of Employers in Newfoundland and Labrador toward the Recruitment and Employment of New Canadians and International Workers. St. John's: The Harris Centre, Memorial University of Newfoundland. URL: https://research.library.mun.ca/177/1/survey_of_the_attitudes_of_employers.pdf (accessed 20.07.2020).
- Lu Y., Hou F. (2019) Temporary Foreign Workers in the Canadian Labour Force: Open Versus Employer-specific Work Permits. *Economic Insights*. No. 102. November 2019. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-626-x/11-626-x2019016-eng.pdf> (accesses 12.07.2021).
- MBIE. (2019) National Survey of Employers 2018/19: Summary Findings. URL: <https://www.mbie.govt.nz/dmsdocument/7101-national-survey-of-employers-2018-19-summary-of-findings> (accesses 14.11.2020).
- OECD. (2011) Recruiting Immigrant Workers: Germany. OECD Publishing, Paris.
- Rodriguez N. (2004) "Workers Wanted": Employer Recruitment of Immigrant Labor. *Work and Occupations*. Vol. 31 (4). 453–473. DOI: 10.1177/0730888404268870.
- Wright C.F., Constantin A. (2020) Why recruit temporary sponsored skilled migrants? A human capital theory analysis of employer motivations in Australia. *Australian Journal of Management*. Vol. 46. Iss. 1: 151–173. DOI: 10.1177/0312896219895061.

Статья поступила: 08.08.22. Финальная версия: 03.10.22. Принята к публикации: 12.11.22.

FOREIGN WORKERS IN RUSSIA: EMPLOYERS' OPINIONS

DENISENKO M.B.*, MUKOMEL V.I.**

*National Research University "Higher School of Economics", Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Mikhail B. DENISENKO, Cand. Sci. (Econ.), Director, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (mdenissenko@hse.ru); Vladimir I. MUKOMEL, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mukomel@isras.ru).

Acknowledgements. M.B. Denisenko worked on the article as part of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-15-2022-325).

Abstract. Russian discourses on migration ignore the interests of the employer. The authors of this article seek to close this gap. They focus on the following topics: employers' motivations for recruiting foreign workers; the main types of economic activity and occupations of labor migrants; channels for finding a job and a worker; selection criteria for labor migrants; preferences for hiring and paying Russian and foreign workers; employers' attitudes towards planned innovations in migration law. It is shown that the main reason for recruiting of foreigners is a shortage of workers. Manual workers and specialists are the most sought-after categories of foreigners. It was revealed that the main requirement for a skilled worker is his skilled work experience and qualification, while for unskilled workers – knowledge of Russian language and work permit. Few employers are interested in the nationality, age and gender of the worker. The advantage of foreign workers is their willingness to work overtime and for less money, as well as labor discipline. The advantages of Russian workers are in their qualifications, ability to retrain, and ability to work as a team. The majority of employers indicated equal pay for Russians and foreigners. The survey showed employers' negative attitudes toward the restrictive procedure for hiring foreigners and the authorities' access to their personal data, including their geolocation. The anticipated strengthening of control over migrants and employers will only encourage them to go into the shadow sphere. The study is based on two employer surveys conducted in 2017 and 2022.

Keywords: employers, foreign workers, labor migrants, labor market, economic activities, occupations, labor shortage.

Received: 08.08.22. Final version: 03.10.22. Accepted: 12.11.22.

К.В. ГРИГОРИЧЕВ

СПЕЦИФИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В СУБУРБАНИЗИРОВАННОЙ ЗОНЕ (на примере Иркутской агломерации)

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия (grigoritchev@yandex.ru).

Аннотация. В статье ставится проблема специфики демографической ситуации в пригородах Иркутской агломерации. Предлагается гипотеза о том, что интенсивные процессы субурбанизации ведут к формированию расширенного режима воспроизводства населения даже в условиях депопуляции в регионе. На примере Иркутской агломерации показано, что высокая рождаемость в пригородных муниципальных образованиях связана не только с омоложением возрастной структуры, но и с реальным ростом уровня рождаемости в отдельных возрастных группах. Также показано, что возрастная структура смертности в пригородной зоне является более модернизированной, чем в остальных муниципальных образованиях региона. На основе пространственного анализа муниципальных образований первого уровня Иркутской агломерации аргументируется связь субурбанизации с формированием расширенного режима воспроизводства населения.

Ключевые слова: субурбанизация • воспроизводство населения • рождаемость • смертность • Иркутская агломерация

DOI: 10.31857/S013216250021230-6

Введение. Общей тенденцией демографического развития востока России в последние годы стала депопуляция, связанная с действием «западного дрейфа» миграции и возвратом к суженному воспроизводству населения [Захаров, 2022]. Вместе с тем практически во всех регионах Сибири и Дальнего Востока отмечаются сохранение и рост численности населения пристоличных муниципалитетов, примыкающих к региональным центрам. Положительная динамика здесь связана с субурбанизационными процессами и формированием зоны пригородного расселения [Карачурина, Мкртчян, 2021].

Рост пригородов как общемировое явление в своей основе имеет миграционный приток, формирующийся преимущественно за счет выезда горожан за пределы города. Пределы роста субурбии¹ во многом определяются миграционным потенциалом регионального центра. Опыт исследования североамериканских [Aiura, Sato, 2014] и европейских [Eggerickx, 2013; Kulu et al., 2009], в том числе постсоциалистических, стран [Kurek et al., 2015] показывает, что интенсивная субурбанизация ведет к изменению демографических процессов и может заметно влиять на режим воспроизводства населения. При этом можно считать установленной зависимость специфики базовых демографических процессов (прежде всего, рождаемости) от пригородного образа жизни [Kulu et al., 2009]. Это позволяет предполагать, что интенсивные процессы пригородного роста могут прямо влиять на демографическую ситуацию и в российских пригородах.

При поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00084.

¹ Термин «субурбия» (suburb) является англоязычным вариантом русскоязычного термина «пригородное расселение», предполагающее специфический «пригородный образ жизни» [Walks, 2013; Keil, 2018]. В данной статье термины «субурбия», «пригород», «зона пригородного расселения» используются нами с близкими значениями.

В российских исследованиях пригородов преобладает анализ динамики их роста [Бреславский, 2020], роли миграции в этом процессе [Мкртчян, 2017; 2018; Григоричев, 2017], а также воздействия на систему расселения [Антонов, Махрова, 2019; Дохов, Синицын, 2020; Дорофеева, 2016] и социально-экономические процессы [Эльдязева, Кованова, 2015; Григорьева, 2018]. Вопрос о влиянии пригородного роста на характер демографических процессов пока только ставится, не выходя за рамки общих оценок [Бреславский, Буртонова, 2019].

Целью данной статьи является выявление специфики демографической ситуации в пригородной зоне Иркутска, являющегося на протяжении 15–20 лет пространством интенсивной субурбанизации [Григоричев, 2013]. Значимые отличия базовых демографических процессов отражают действие комплекса социальных процессов, происходящих в пригородной зоне. В более широком контексте выявление демографической специфики пригорода позволяет рассмотреть релевантность дихотомии «город/село», которая устойчиво используется как в демографическом анализе, так и в социальных исследованиях.

На основании статистического и пространственного анализа данных о численности населения, общих и специальных коэффициентов рождаемости и смертности на уровне муниципалитетов первого (сельские поселения) и второго уровня (сельские муниципальные районы и городские округа) рассматривается формирование специфической демографической ситуации в зоне пригородного расселения. В центре внимания находятся процессы естественного воспроизводства, тогда как воздействие миграции на пригородный рост специально не рассматривается.

Следует оговорить ограничения достоверности статистических данных о численности постоянных жителей пригорода. Как показала Всероссийская перепись 2010 г., некоторая часть (8–10%) жителей пригородов не попадают в статистический учет по месту жительства [Григоричев, 2013]. В связи с этим в анализе помимо общих и специальных коэффициентов используется индекс Покровского-Пирла, который, несмотря на ряд очевидных недостатков (прежде всего низкую информативность), позволяет выявить районы и муниципальные образования с выраженной спецификой воспроизводства населения.

Специфика динамики населения пригородной зоны Иркутска. Демографическая ситуация в Иркутской области в целом соответствует общероссийским тенденциям (табл. 1). Вследствие благоприятной возрастной структуры и стимулирования рождаемости до 2017 г. число рождений превышало число смертей. Но уже с 2013 г. общий коэффициент рождаемости (Crude Fertility Rate – CFR) начинает снижаться. В 2017 г. положительное значение общего коэффициента естественного прироста (Rate of Natural Increase – RNI) и значение индекса Покровского-Пирла (Pokrovsky-Pearl Index – PPI) чуть выше 1,0 сохранялись лишь за счет небольшого снижения общего уровня смертности (Crude Mortality Rate – CMR). В 2018–2019 гг. переход к суженному режиму воспроизводства стал очевидной тенденцией, резко углубившейся в результате пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.

Причиной смены режима воспроизводства стали структурные изменения, заложенные спадом рождаемости второй половины 1990 – начала 2000-х гг. В фертильный возраст входит малочисленная когорта женщин 1995–2005 гг. рождения (рис. 1). Учитывая, что средний возраст при рождении первого ребенка в регионе превышает 25 лет

Таблица 1

Воспроизводство населения Иркутской области, 2011–2021 гг.

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
CFR, ‰	15,30	15,91	15,66	15,25	15,29	14,76	13,40	12,85	11,80	11,31	11,06
CMR, ‰	13,98	13,88	13,65	13,71	13,63	13,41	12,89	13,07	13,18	14,98	17,70
RNI, ‰	1,32	2,03	2,01	1,54	1,66	1,35	0,51	–0,22	–1,38	–3,67	–6,64
PPI	1,09	1,15	1,15	1,11	1,12	1,10	1,04	0,98	0,90	0,76	0,62

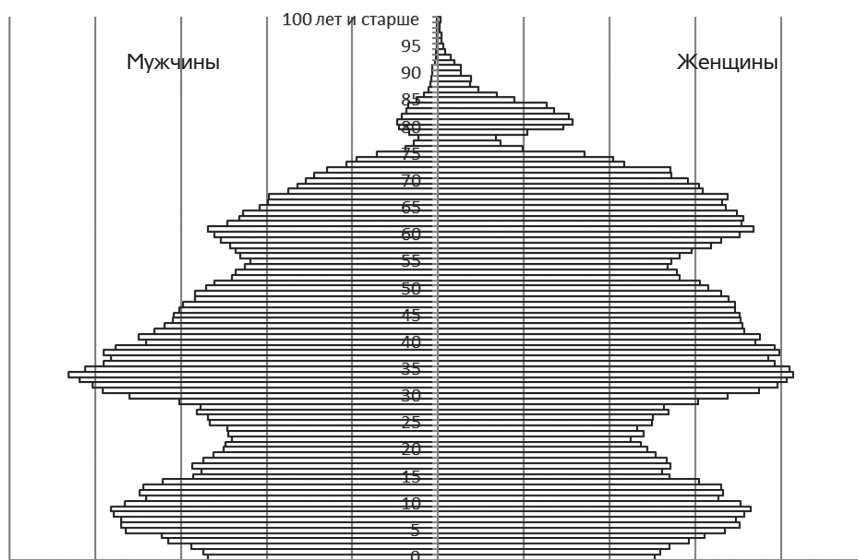

Рис. 1. Половозрастная структура населения Иркутской области, 01.01.2022 г.

[Архангельский, Калачикова, 2020: 210], а действие факторов, детерминирующих его повышение, сохраняется [там же: 214], можно говорить о вступлении региона в достаточно длительный цикл низкой рождаемости и суженного режима воспроизводства.

Негативно влияет на динамику численности населения региона миграция. Характерный для востока России «западный дрейф» миграции [Мкртчян, 2004] формирует в Иркутской области устойчивую миграционную убыль (табл. 2). Несмотря на колебание абсолютных значений, коэффициент миграционного прироста (Net Migration Rate – NMR) сохранялся в коридоре 2,5–3,5‰ и заметно снизился лишь в 2021 г. Поскольку основной причиной последнего стала эпидемия COVID-19, резко сократившая пространственную мобильность в целом [Рязанцев, Храмова, 2022], можно говорить лишь о кратковременном снижении негативного влияния миграции на население области.

Исключением из общего негативного тренда в регионе является Иркутский сельский район, включающий растущую субурбию Иркутской агломерации. Здесь численность населения быстро растет [Serebrennikov, 2018], увеличившись за 2012–2020 гг. более чем на 55%, и составляет на 01.01.2021 г. 139,9 тыс. чел. Фактическая численность постоянных жителей здесь, вероятно, выше, поскольку часть вновь прибывших не регистрируются по месту жительства. Отсутствие разработанных материалов Всероссийской переписи,

Таблица 2

Общая миграция в Иркутской области, 2011–2021 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Прибыло, тыс. чел.	55,4	62,0	67,6	63,2	61,6	63,0	66,7	68,1	59,1	49,2	49,3
Выбыло, тыс. чел.	62,2	69,2	76,2	70,4	67,7	70,1	72,6	74,0	62,3	56,3	51,5
Прирост, тыс. чел.	-6,8	-7,3	-8,6	-7,2	-6,1	-7,2	-5,9	-5,9	-3,2	-7,1	-2,2
NMR, ‰	-2,80	-2,99	-3,53	-2,96	-2,53	-2,96	-2,46	-2,46	-1,37	-2,97	-0,92

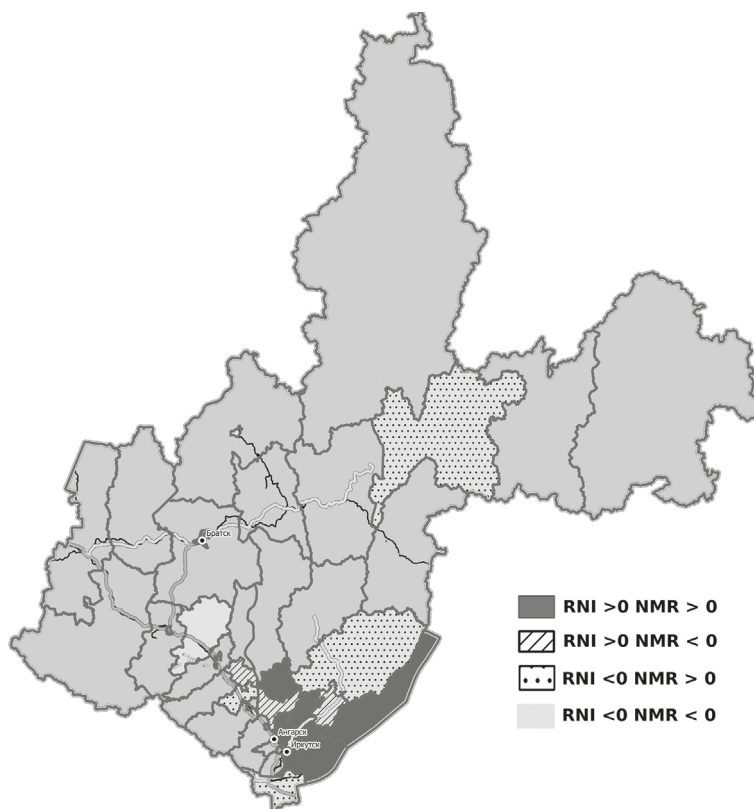

Рис. 2. Типизация муниципальных образований Иркутской области по компонентам динамики населения, 2021 г.

проведенной в октябре 2021 г., не позволяет выполнить анализ недооценки населения, но поскольку действие субурбанизационных процессов продолжается, можно предполагать недооценку, аналогичную переписи 2010 г.

Данный феномен соответствует общему тренду роста пригородов региональных столиц востока России [Карачурина, Мкртчян, 2021]. В основе этих процессов лежит миграционный приток, связанный как с завершением урбанизации, так и выездом горожан на постоянное жительство в пригородные поселения [Григоричев, 2016]. Однако типизация муниципальных районов Иркутской области по компонентам изменения численности населения (рис. 2) позволяет предполагать, что в пригороде важным фактором роста численности населения наряду с миграцией является естественный прирост. Единственным муниципальным образованием региона, в котором положительный миграционный баланс сочетается с естественным приростом, является Иркутский муниципальный район, где преимущественно разворачиваются процессы субурбанизации.

Рождаемость в пригородах Иркутска. Динамика рождаемости 2011–2021 гг. в Иркутской области довольно типична для высокоурбанизированных российских регионов. До 2011–2012 гг. происходил рост числа рождений, обусловленный благоприятной половозрастной структурой населения и комплексом мер по материальному стимулированию рождаемости. Оценка роли последних остается предметом дискуссии [Осипова, 2020; Осипов, Рязанцев, 2014; Тихомирова, Тихомиров, 2020]. Однако динамика общего числа рождений и суммарного коэффициента рождаемости позволяет утверждать, что к долгосрочному росту числа вторых и последующих рождений они не привели.

Таблица 3

Динамика рождаемости в Иркутской области

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
NB	30266	36935	37110	38555	37908	36856	36904	35579	32253	30847	28258	26948
CFR	11,9	15,2	15,3	15,9	15,7	15,3	15,3	14,8	13,4	12,8	11,8	11,3
TFR	1,34	1,66	1,7	1,76	1,98	1,97	2,01	1,99	1,86	1,83	1,72	1,68

Источник: составлено по: Территориальный орган государственной статистики по Иркутской области: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/est_dvig_din_2021.html; Демоскоп-Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php?reg=84; ЕМИСС «Государственная статистика»: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>.

К 2012 г. число рождений (Number of Births – NB) в регионе достигло максимальных значений, увеличившись с 2005 г. более чем на четверть (табл. 3). После непродолжительного плато число рождений начинает стремительно снижаться и к 2020 г. опускается до уровня минимальных показателей конца 1990-х гг. Это связано как с неблагоприятными структурными изменениями, что отражает быстрое снижение CBR, так и с исчерпанием эффекта пронаталистских мер. На последнее указывает заметное понижение суммарного коэффициента рождаемости в условных поколениях (Total Fertility Rate – TFR), опустившегося к 2020 г. до значений десятилетней давности.

Спад рождаемости происходит на всей территории Иркутской области, за исключением трех муниципальных районов Усть-Ордынского Бурятского округа и пригородного Иркутского района (рис. 2). Если в первом случае основной причиной сохранения относительно высокого уровня рождаемости являются этнокультурные особенности, обеспечивающие специфику репродуктивного поведения (большая доля рождений в молодых возрастах, более высокая детность), то ситуация в пригороде является для региона новой.

В отличие от других муниципальных образований число рождений в Иркутском районе устойчиво росло до 2019 г., увеличившись с 2011 г. в 1,6 раза (до 2100 чел.). Снижение CFR с максимальных значений 2013 г. (16,66‰) было незначительным (15,82‰ в 2019 г.) и связано со стремительным ростом численности населения: с 2013 по 2019 г. она выросла на 38,2% – до 132,7 тыс. чел. Значения TFR за этот период в районе не только не снизились, но, напротив, выросли с 2,04 до 2,15. В 2020 г. происходит резкое снижение – числа рождений (на 21,8% – до 1642 чел.). Вероятно, в значительной мере такое снижение – реакция на начавшуюся пандемию COVID-19, поскольку уже в 2021 г. число рождений вновь возрастает (1818 чел.). Однако данное предположение нуждается в дополнительной аргументации, поэтому далее мы будем опираться на данные последнего «доковидного» года.

Очевидно, что интенсивная миграция из регионального центра в пригород в значительной мере определяет рост числа рождений. Однако этим не могут быть объяснены высокие значения TFR, достигающие уровня простого воспроизводства, что для высокоурбанизированного региона является весьма необычным. Миграционный прирост здесь формируется, прежде всего, выходцами из городской местности, где значения суммарного коэффициента рождаемости колебались от 1,87 в 2015 г. до 1,54 в 2019 г. Приток переселенцев из города теоретически должен был привести к распространению городских моделей репродуктивного поведения и снижению значения TFR. Вместе с тем уровень рождаемости и динамика его изменения здесь не соответствуют и сельскому населению, где TFR был значительно выше (2,97 в 2013 г.), но устойчиво снижался и в 2019 г. составил 2,58 рождения на одну женщину.

Распространение в пригороде возрастных моделей рождаемости видны через сопоставление возрастных коэффициентов рождаемости (Age Specific Fertility Rates – ASFR) для городской, сельской и пригородной местностей. На рис. 3 приведено распределение ASFR в 2013 и 2019 гг., демонстрирующее отличия пригорода от сельской и городской

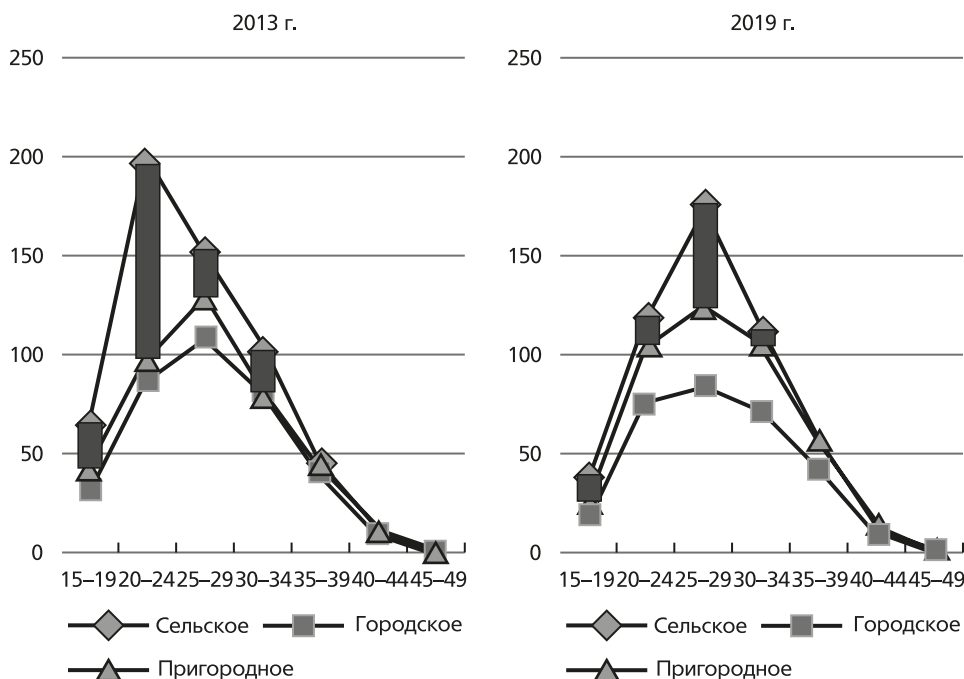

Рис. 3. Возрастная структура рождаемости населения Иркутской области, 2013 г. и 2019 г.

местностей. Уже в 2013 г. отчетливо видно, что пригородное население скорее воспроизводит городскую, нежели сельскую модель: пик рождаемости здесь приходится на группу 25–29 лет (129,3‰), тогда как в сельском – на группу 20–24 года (196,2‰). Вместе с тем очевидны и отличия от городской модели: при совпадении общего профиля значения возрастных коэффициентов рождаемости в трех младших возрастных группах (15–19, 20–24 и 25–29 лет) в пригороде заметно выше, чем в городской местности (43,1‰, 98,3‰, 129,3‰ и 30,9‰, 87,2‰, 108,8‰ соответственно).

К 2019 г. особенности рождаемости в пригороде становятся еще более заметны. В сельском населении резко снижается рождаемость в группе 20–24 года, и максимальное значение ASFR приходится на группу 25–29 лет. Это позволяет предполагать интенсификацию догоняющей модернизации рождаемости в селе, отраженную в повышении возраста рождения первого ребенка. При этом в возрастных группах старше 30 лет происходит резкое снижение рождаемости, что заметно контрастирует с городом, где снижение уровня рождаемости в старших возрастных группах происходит более плавно.

В пригороде распределение возрастных коэффициентов рождаемости близко воспроизводит городскую модель. Это позволяет предполагать, что формирующееся население субурбии не принимает сельскую модель репродуктивного поведения, сохраняя более модернизированные паттерны рождаемости: пик рождений в средних (25–29 лет) возрастах с более равномерным распределением ASFR в соседних возрастных группах.

Вместе с тем очевидны более высокие значения ASFR в наиболее репродуктивно активных возрастах (20–34 года). Вероятно, сохранение городской модели репродуктивного поведения корректируется в пригороде комплексом факторов – жилищные, экологические, качество среды. Важнейшим ключевым мотивом переезда в пригород, вербализуемым жителями пригородов в интервью, является возможность для комфортного проживания и воспитания детей [Григоричев, 2013]. Это позволяет предложить гипотезу о том, что субурбанизация ведет к формированию специфичной модели репродуктивного

поведения, которая может быть определена как «пригородная». Здесь при сохранении в целом современной рождаемости происходит заметное повышение общего уровня рождаемости – фактически до уровня простого воспроизводства ($TFR = 2,15$). Показательно, что это существенно расходится с влиянием субурбанизации на рождаемость в европейских постсоциалистических странах, где рост пригородов не привел к заметному повышению значений TFR [Gałka et al., 2016].

Смертность в пригородной зоне Иркутска. Уровень смертности в Иркутской области с середины 2000-х гг. устойчиво снижался: CMR с максимального значения 2005 г. (17,0‰) к 2017 г. снизился на четверть и стабилизировался на уровне 12,9–13,2‰. Заметно выросло значение средней предстоящей продолжительности жизни: с 65,26 года в 2010 г. до 69,55 в 2019 г. (оба пола, все население). В 2020–2021 гг. в связи с эпидемией COVID-19 уровень смертности резко возрастает: общий коэффициент смертности достигает 15,52‰ в 2020 г. и 17,02‰ в 2021 г. Закономерно снижается и ожидаемая продолжительность жизни – до 68,25 и 66,8 года соответственно.

В регионе сохранялись типичные для России различия в смертности городского и сельского населения. Общий коэффициент смертности в сельской местности был выше на 0,4–0,5‰, но в целом динамика его изменения совпадала с городами. В 2017–2019 гг. значения CMR стабилизируются на уровне 12,8–13,1‰ для горожан и 13,2–13,5‰ для жителей сельских поселений. На фоне пандемии CMR в городской местности Иркутской области вырос значительно больше и впервые заметно превысил этот показатель для села (в 2020–2021 гг. соответственно 15,2–18,0‰ и 14,1–16,5‰). Вероятно, такая динамика связана со спецификой урбанизма, предполагающего значительно большую плотность населения и социальных контактов.

Уровень смертности в пригороде существенно отличается как от городского, так и сельского. На протяжении всего рассматриваемого периода CMR в пригородном Иркутском районе был значительно ниже, чем по региону, и продолжал снижаться: с 10,17‰ в 2011 г. до 8,15‰ в 2018 г. Эпидемия COVID-19 обусловила рост смертности в пригородной зоне. Однако CMR здесь остался ниже, чем в доэпидемиологические годы на остальной территории Иркутской области: 9,5‰ в 2020 г. и 11,0‰ в 2021 г.

Наиболее очевидной причиной отличий в уровне смертности в пригороде можно считать приток молодых и средних возрастов и вызванные им изменения возрастной структуры населения. Однако возрастная структура смертности в субурбии Иркутска показывает, что специфика пригорода не исчерпывается структурным фактором. Уровень смертности во всех возрастах в пригороде заметно ниже, чем в сельской и городской местности региона (табл. 4). Исключение составляет лишь младенческая, детская и подростковая (до 14 лет) смертность, которая в пригородных поселениях несколько выше, чем в городах. Вероятно, причиной этого является худшая обеспеченность медицинской инфраструктурой субурбанизированных территорий. В этом смысле вполне благополучные пригороды Иркутска, формирующиеся в основном за счет средне- и высокообеспеченных жителей, парадоксальным образом оказываются ближе к бедным субурбиям городов США, где именно бедность и ограниченность доступа к медицинским услугам стимулирует высокую младенческую смертность [Francis et al., 2009]. Косвенно это подтверждает стремление жителей пригородов сохранить регистрацию части членов семьи в областном центре для обеспечения доступа к социальной и медицинской инфраструктуре [Григоричев, 2013].

В остальных возрастах уровень смертности в пригороде заметно ниже, чем по региону в целом. При этом наиболее заметен разрыв в молодых возрастах (15–39 лет), где возрастные коэффициенты смертности в пригороде в 1,5–3,4 раза ниже, чем в городе, и в 2,3–6,9 раза ниже, чем в селе.

На наш взгляд, можно говорить о более современной возрастной структуре смертности в пригороде, чем в целом по области: кривая смертности здесь в средних и старших возрастах растет заметно более полого. Лишь в самых старших возрастах (старше 75 лет)

Таблица 4

Возрастные коэффициенты смертности, 2019 г., ‰

Возраст	Иркутский район (пригород)	Иркутская область городское население	Иркутская область сельское население
до 1 года	6,08	5,22	6,72
1–4	0,50	0,32	0,64
5–9	0,00	0,16	0,20
10–14	0,25	0,19	0,44
15–19	0,47	0,71	1,09
20–24	0,77	1,18	2,06
25–29	0,53	1,81	3,66
30–34	2,63	3,78	6,15
35–39	2,36	5,86	7,51
40–44	5,38	7,51	10,39
45–49	5,91	8,19	9,91
50–54	7,71	11,02	12,24
55–59	11,01	15,27	17,62
60–64	16,27	21,29	24,97
65–69	23,13	30,13	33,48
70–74	32,97	44,43	50,33
75–79	39,28	56,05	55,28
80–84	83,85	96,63	84,40
85 и старше	132,88	185,15	165,52

возрастные коэффициенты смертности пригородного населения начинают стремительно подниматься. Можно предполагать, что переселенцы в субурбию ориентированы на специфический пригородный образ жизни [Walks, 2013]. Одним из ключевых мотивов миграции в пригород являются благоприятная экология, меньший уровень криминогенности и социальных девиаций. Такая мотивация предполагает выбор более здорового образа жизни, который может объяснять выделенные различия. Это подтверждается, например, исследованиями в Швейцарии [Lerch et al., 2017], показывающими значимые отличия смертности в субурбиях в связи с образом жизни. Можно констатировать, что в пригородной зоне проблема высокого уровня смертности, характерная как для региона, так и для России в целом [Захаров, 2022], заметно смягчена.

Важным аспектом такой специфики пригорода является меньший уровень мужской сверхсмертности в молодых трудоспособных возрастах (20–45 лет). Если в целом по области уровень смертности мужчин в этих возрастных группах превышает смертность среди женщин в городской местности в 2,1–2,7 раза, а в сельской в 2,5–3,3 раза, то в пригородном районе этот показатель составляет от 1 до 2,4 раза. В молодежных группах (20–24 года и 25–29 лет) сверхсмертность мужчин в пригороде ниже, чем по городским поселениям региона, на 45–55% и на 40–70%, чем по сельским. Это свидетельствует о более широких практиках самосохранительного поведения и рефлексивного отношения к здоровью.

Таким образом, сложившийся в пригороде расширенный режим воспроизводства населения сформирован не только заметно более высоким уровнем рождаемости, но и более низкой смертностью. Важнейшие изменения здесь связаны со снижением смертности в молодых

возрастах и мужской сверхсмертности. Это позволяет предположить, что субурбанизация и распространение пригородного образа жизни стимулируют ускоренную модернизацию смертности, архаичность которой в России фиксируется давно [Демографическая..., 2006].

Специфика воспроизводства населения Иркутской субурбии. Ключевой детерминантой отличий демографической ситуации в пригороде является специфическая половозрастная структура. Как видно (рис. 4), в субурбии за счет миграции растет группа молодых возрастов (25–35 лет). Влияние миграции здесь очевидно, поскольку численность и доля данных групп в структуре населения района в 2020 г. заметно выше, чем соответствующих им возрастных групп (16–26 лет) в 2012 г.

Интенсивный приток населения в пригороды приводит к увеличению доли наиболее репродуктивно активных возрастов. Однако в субурбии повышение рождаемости происходит во всех возрастных группах. Это позволяет предполагать, что в субурбии Иркутска формируется модель репродуктивного поведения, близкая к модели Северной Европы, связанной с относительно высокой рождаемостью именно в пригородах [Kulu et al., 2009].

Структурный фактор, безусловно, определяет и уровень смертности в пригороде. Рост удельного веса молодых и средних возрастов способствует снижению значений CMR. Однако значение этого фактора нельзя преувеличивать. Доля пожилого (старше 65 лет) населения в субурбии Иркутска составляет чуть менее 11,6%, а по области в целом 13,5%. При очевидных различиях доля пожилых в пригороде все же высока, что должно определять и высокий уровень смертности. Кроме того, как показывают исследования пригородов Кракова, влияние субурбанизации на процессы старения населения не однозначно. Интенсивная миграция не означает автоматического замедления старения населения [Kurek et al., 2017] и может способствовать заметной дифференциации пригородов по возрастной структуре в зависимости от привлекательности для разных групп мигрантов [Gałka et al., 2015].

Показательна неоднородность пригородов Иркутска по характеру воспроизводства населения на уровне муниципальных образований первого уровня (рис. 5). Учитывая

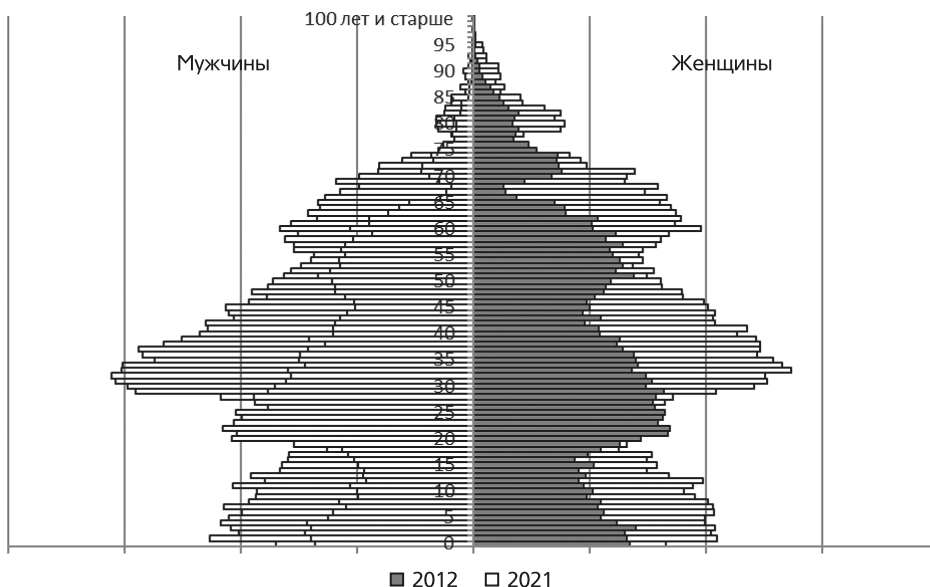

Рис. 4. Изменение половозрастной структуры населения Иркутского муниципального района, 2012 г. и 2021 г.

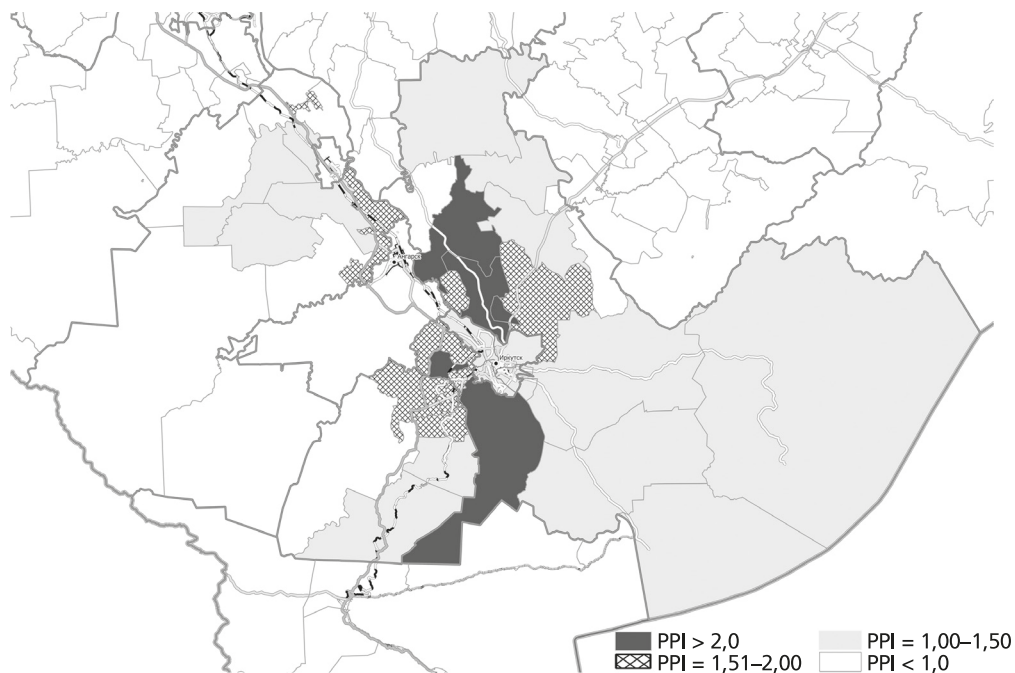

Рис. 5. Распределение МО первого уровня Иркутской агломерации по РПИ в 2019 г.

потенциальную неполноту данных о численности населения, нами использован индекс Покровского-Пирла, не учитывающий численность населения. Самые высокие значения РПИ приходятся на муниципальные образования, наиболее включенные в субурбанизационные процессы. В пяти из них рождаемость превосходит смертность более чем в два раза (РПИ в Марковском сельском поселении – 2,4, Карлукском – 2,34, Максимовском – 2,05, Уриковском – 2,56, Ширяевском – 2,43, Молодежном – 2,33). Все указанные сельские поселения являются зоной активного пригородного расселения [Григорьева, 2018]. Высокий уровень РПИ здесь фиксируется на протяжении почти всего рассматриваемого периода.

Однако прямой корреляции между интенсивностью миграционного притока и РПИ не прослеживается. В ряде сельских поселений, где субурбанизационный рост наблюдается уже более десятилетия, значение РПИ хотя и превышает единицу, но далеко от максимальных значений. Так, в Хомутовском поселении, где субурбанизационный рост наблюдается с середины 2000-х гг. [Serebrennikov, 2018] с высоким миграционным приростом (в 2019 г. 686 чел., или 35,2%), значение РПИ в 2019 г. составило лишь 1,54. С другой стороны, длительность субурбанизации также не связана напрямую с уровнем воспроизводства населения: соседнее Уриковское сельское поселение, где субурбанизационный рост начался одновременно, демонстрирует максимальный показатель РПИ – 2,56 в 2019 г.

Таким образом, пока можно уверенно говорить только об одной закономерности: в зоне субурбанизации фиксируется расширенный режим воспроизводства населения, что резко отличает ее от остальной территории агломерации и региона. Специфика пригородного района и по уровню рождаемости, и по возрастной структуре смертности не может быть объяснена исключительно особенностями возрастной структуры населения субурбии, сформированными миграцией. Это позволяет предполагать, что именно субурбанизация, связанные с ней изменения половозрастной структуры и образа жизни населения определяют формирование расширенного режима воспроизводства.

Закключение. Гипотеза о пригородной модели воспроизводства населения – пока не более чем предположение, требующее дальнейшей разработки. Однако выделенные особенности рождаемости и смертности, на наш взгляд, позволяют говорить о появлении иных факторов в формировании специфики демографической ситуации в пригороде, помимо структурных. Устойчивость этих факторов и, соответственно, складывающейся демографической специфики субурбии пока не очевидны, однако имеющийся опыт европейских стран показывает возможность их закрепления на длительный период.

Относительная непродолжительность современной субурбанизации пока не позволяет провести сравнение рождаемости в реальных поколениях для полноценной разработки гипотезы. Рост пригородов происходит лишь в последние 12–15 лет, что не позволяет пока увидеть, сохраняется ли выделенная модель воспроизводства в реальных поколениях, и оценить ее устойчивость.

Тем не менее сформулированная гипотеза может быть полезна для определения демографических трендов в пригородных зонах. Обнаруженные особенности демографических процессов, вероятно, являются одним из значимых эффектов субурбанизации: новая для России система расселения и организация жизненного пространства может детерминировать расширенное воспроизводство населения через социопространственный «контекст». Фактически это означает существенные изменения социопространственной организации страны, для описания которой устоявшаяся дихотомия «город/село» становится недостаточно релевантной. С другой стороны, выявленные отличия от восточноевропейских постсоциалистических стран и некоторое сходство со скандинавскими странами позволяют говорить о формировании пригородного паттерна второго демографического перехода в России, отличающегося от общероссийской и восточноевропейской динамики этого процесса. В свою очередь последнее свидетельствует о заметных отличиях субурбанизации в России от других постсоциалистических стран, по крайней мере, в ее демографическом проявлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наагломерационного уровня в России // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45. DOI: 10.31857/S2587-55662019431-45.
- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12.
- Бреславский А.С. Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 16–34. DOI: 10.17323/usp54202016-34.
- Бреславский А.С. (ред.) «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Сб. тез. докл. межд. науч. конф. В 2-х ч. / Отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019.
- Бреславский А.С., Буртонова В.Н. Демографические параметры урбанизации в республиках на востоке России // Региональная Россия: история и современность. Мат. Всеросс. (нац.) науч.-практич. конф. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2019. С. 32–37.
- Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
- Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 2 (3). С. 7–23. DOI: 0.17323/usp1220167-23.
- Григоричев К.В. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 1. С. 31–42.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое изд-во, 2006.
- Дорофеева Л.А. Развитие пригородных поселков в Красноярской агломерации // География и природные ресурсы. 2016. № 3. С. 168–174. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3(168-174).

- Дохов Р.А., Синицын Н.А. Спол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 2. С. 191–206. DOI: 10.31857/S2587556620020053.
- Захаров С.В. Население России 2019: Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 1. С. 24–38. DOI: 10.31857/S2587556621010076.
- Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 94–104.
- Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? / Отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.
- Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 6. С. 26–38. DOI: 10.1134/S2587556618060110.
- Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 20. С. 97–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143.
- Рязанцев С.В., Храмова М.Н. Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19 // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 150–152. DOI: 10.31857/S013216250019220-5.
- Тихомирова Т.М., Тихомиров Н.П. Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России // Федерализм. 2020. № 1 (97). С. 5–26. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-1-5-26.
- Эльдьева Н.А., Кованова Е.С. Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 6. С. 106–111. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-6-106-111.
- Aiura H., Sato Y. A model of urban demography // Canadian Journal of Economics. 2014. 47 (3). P. 981–1009. DOI: 10.1111/caje.12096.
- Eggerickx T. Transition Démographique et banlieue en Belgique: le cas de Bruxelles // Annales de Demographie Historique. 2013. 126 (2). P. 51–80. DOI: 10.3917/adh.126.0051.
- Francis L.E., Berger C.S., Giardini M., Steinman C., Karina K. Pregnant and poor in the suburb: the experiences of economically disadvantaged women of color with prenatal services in a wealthy suburban county // Journal of Sociology and Social Welfare. 2009. Vol. 36. Is. 3. P. 133–157.
- Gałka J., Kurek S., Wójtowicz M. Differentiation of reproductive behaviour of the population of the Kraków Metropolitan Area in the light of survey research // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2016. No. 31. P. 45–57. DOI: 10.1515/bog-2016-0004.
- Gałka J., Kurek S., Wójtowicz M. Zmiany zaludnienia oraz struktur demograficznych mieszkańców Krakowa na tle Krakowskiego Obszaru Metropolitalnego w okresie transformacji. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/284365185_Zmiany_zaludnienia_oraz_struktur_demograficznych_mieszkanow_Krakowa_na_tle_Krakowskiego_Obszaru_Metropolitalnego_w_okresie_transformacji (дата обращения: 04.07.2022).
- Kulu H., Boyle P.J. High Fertility in City Suburbs: Compositional or Contextual Effects? // European Journal of Population. 2009. Vol. 25. P. 157–174. DOI: 10.1007/s10680-008-9163-9.
- Kulu H., Boyle P.J., Andersson G. High suburban fertility: Evidence from four Northern European countries // Demographic Research. 2009. No. 21. P. 915–944. DOI: 10.4054/DemRes.2009.21.31.
- Kulu H., Washbrook E. Residential context, migration and fertility in a modern urban society // Advances in Life Course Research. 2014. No. 21. P. 168–182. DOI: 10.1016/j.alcr.2014.01.001.
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization // Geographia Polonica. 2017. Vol. 90. Is. 2. P. 59–70. DOI: 10.7163/GPol.0085.
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // Moravian Geographical Reports. 2015. 23(4). P. 59–71. DOI: 10.1515/mgr-2015-0025.
- Lerch M., Oris M., Wanner Ph. Periurbanization and the Transformation of the Urban Mortality Gradient in Switzerland // Population. 2017. Vol. 72. Is. 1. P. 93–122. DOI: 10.3917/pope.1701.0093.
- Serebrennikov E.N. Expansion features of Irkutsk suburban areas' development. IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2018. Is. 190. Article 012063. DOI: 10.1088/1755-1315/190/1/012063.
- Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50 (8). P. 1471–1488. DOI: 10.1177/0042098012462610.

Статья поступила: 23.08.22. Финальная версия: 30.11.22. Принята к публикации: 12.12.22.

THE FEATURES OF POPULATION REPRODUCTION IN THE SUBURBANIZED ZONE (THE CASE OF THE IRKUTSK AGGLOMERATION)

GRIGORICHEV K.V.

Irkutsk State University, Russia

Konstantin V. GRIGORICHEV, Dr. Sci. (Sociol.), Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (grigorichev@yandex.ru).

Acknowledgements. The research is supported by Russian Science Foundation project 22-28-00084.

Abstract. The article is devoted to the formation of a specific model of the population reproduction in the suburban area by the case of the Irkutsk agglomeration. In the last 15–20 years, the non-urban territory of the agglomeration has been a zone of intensive suburbanization growth based of intensive migration from regional capital. The article shows that the suburbs of Irkutsk have formed an expanded mode of population reproduction, which differs sharply from the trends dominating in the region. It is argued that the high birth rate in suburban municipalities is associated not only with the rejuvenation of the age structure of the population as a result of migration, but also with a real increase in the birth rate in certain age groups. Also It is shown that the age structure of mortality in the suburban area is more modernized than in other municipalities of the region. On the basis of a spatial analysis of the municipalities of the first level of the Irkutsk agglomeration, the the impact of suburbanization to the formation of an expanded population reproduction regime is argued. A hypothesis of an intensive processes of suburbanization, fixed for most regional capitals in the last decade, lead to the formation of an expanded mode of population reproduction even in conditions of depopulation in the region is proposed.

Keywords: suburbanization, population reproduction, fertility, mortality, Irkutsk agglomeration.

REFERENCES

- Aiura H., Sato Y. (2014) A model of urban demography. *Canadian Journal of Economics*. 47 (3): 981–1009. DOI: 10.1111/caje.12096.
- Antonov E.V., Makhrova A.G. (2019) Largest Urban Agglomerations and Super-Agglomerations in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the RAS. Geographical Series]. No. 4: 31–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S2587-55662019431-45.
- Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. (2020) Maternal age at first birth: dynamics, regional differences, determination. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 13 (5): 200–217. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12.
- Breslavsky A.S. (2020) Who Studies the Suburbs of Big Cities in Contemporary Russia and How? *Gorodskkiye issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 5 (4): 16–34. (In Russ.) DOI: 10.17323/usp54202016-34.
- Breslavsky A.S., ed. (2019) *"Suburban revolution" and peripheral urban territories in the post-soviet space*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. (In Russ.)
- Breslavsky A.S., Burtonova V.N. (2019) Demographic parameters of urbanization in the republics in the East of Russia. In: *Regional Russia: history and modernity*. Komsomolsk-on-Amur: AmGPGU: 32–37. (In Russ.)
- Dokhov R.A., Sinitsyn N.A. (2020) Sprawl in Russia: Development and Structure of Belgorod Suburbia. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the RAS. Geographical Series]. Vol. 84 (2): 191–206. DOI: 10.31857/S2587556620020053. (In Russ.)
- Dorofeeva L.A. (2016) Development of suburban settlements in the Krasnoyarsk agglomeration. *Geografiya i prirodnyye resursy* [Geography and Natural Resources]. No. 3: 168–174. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3. (In Russ.)
- Eggerickx T. (2013) Transition Démographique et banlieue en Belgique: le cas de Bruxelles. *Annales de Demographie Historique*. 126 (2): 51–80. DOI: 10.3917/adh.126.0051.
- Eldyaeva N.A., Kovanova E.S. (2015) Assessment of internal labor migration on the socio-economic development of regions. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics]. No. 6: 106–111. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-6-106-111. (In Russ.)
- Francis L.E., Berger C.S., Giardini M., Steinman C., Karina K. (2009) Pregnant and poor in the suburb: the experiences of economically disadvantaged women of color with prenatal services in a wealthy suburban county. *Journal of Sociology and Social Welfare*. Vol. 36 (3): 133–157.

- Gałka J., Kurek S., Wójtowicz M. (2016) Differentiation of reproductive behaviour of the population of the Kraków Metropolitan Area in the light of survey research. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. No. 31: 45–57. DOI: 10.1515/bog-2016-0004.
- Gałka J., Kurek S., Wójtowicz M. (2015) Zmiany zaludnienia oraz struktur demograficznych mieszkańców Krakowa na tle Krakowskiego Obszaru Metropolitalnego w okresie transformacji. URL: https://www.researchgate.net/publication/284365185_Zmiany_zaludnienia_oraz_struktur_demograficznych_mieszkancow_Krakowa_na_tle_Krakowskiego_Obszaru_Metropolitalnego_w_okresie_transformacji (accessed 04.07.2022).
- Grigorichev K. (2017) Subregional migrations and forming suburbs of Syberian city. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Great Altay]. No. 3 (1): 31–42. (In Russ.)
- Grigorichev K.V. (2013) *In the shadow of the big city: the social space of the suburbs*. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)
- Grigorichev K.V. (2016) Diversity of the suburb: suburbanization in Siberian region (the case of Irkutsk). *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 1. No. 2: 7–23. DOI: 10.17323/usp1220167-23. (In Russ.)
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2021) Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the RAS. Geographical Series]. Vol. 85. No. 1: 24–38. DOI: 10.31857/S2587556621010076. (In Russ.)
- Kulu H., Boyle P.J. (2009) High Fertility in City Suburbs: Compositional or Contextual Effects? *European Journal of Population*. Vol. 25: 157–174. DOI: 10.1007/s10680-008-9163-9.
- Kulu H., Boyle P.J., Andersson G. (2009) High suburban fertility: Evidence from four Northern European countries. *Demographic Research*. Vol. 21: 915–944. DOI: 10.4054/DemRes.2009.21.31.
- Kulu H., Washbrook E. (2014) Residential context, migration and fertility in a modern urban society. *Advances in Life Course Research*. Vol. 21: 168–182. DOI: 10.1016/j.alcr.2014.01.001.
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. (2015) The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland). *Moravian Geographical Reports*. 23 (4): 59–71. DOI: 10.1515/mgr-2015-0025.
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. (2017) Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization. *Geographia Polonica*. Vol. 90 (2): 59–70. DOI: 10.7163/GPol.0085.
- Lerch M., Oris M., Wanner Ph. (2017) Periurbanization and the Transformation of the Urban Mortality Gradient in Switzerland. *Population*. Vol. 72 (1): 93–122. DOI: 10.3917/pope.1701.0093.
- Mkrtchyan N. (2017) Suburban areas of Russia: population dynamics and migration balance. *What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?* / ed. by A.S. Breslavsky. Ulan-Ude: BNTs SO RAN: 26–36. (In Russ.)
- Mkrtchyan N.V. (2004) “Western drift” of internal Russian migration. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 4: 94–104. (In Russ.)
- Mkrtchyan N.V. (2018) Regional Capitals and Their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the RAS. Geographical Series]. Vol. 6: 26–38. (In Russ.) DOI: 10.1134/S2587556618060110.
- Osipova I. (2020) Reproductive attitudes of Russians and How they regard government measures to support fertility. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 2: 97–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143. (In Russ.)
- Ryazantsev S., Khranova M. (2022) New Migration Reality in the Era of COVID-19. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 150–152. DOI: 10.31857/S013216250019220-5. (In Russ.)
- Serebrennikov E.N. (2018) Expansion features of Irkutsk suburban areas' development. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. Is. 190. Article 012063. DOI: 10.1088/1755-1315/190/1/012063.
- Tikhomirova T.M., Tikhomirov N.P. (2020) Evaluation of the Impact of Maternity Capital in Russian Regions. *Federalism*. No. 1: 5–26. (In Russ.) DOI: 10.21686/2073-1051-2020-1-5-26.
- Vishnevsky A.G. (ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia: 1900–2000*. Moscow: Novoye izd-vo. (In Russ.)
- Walford N., Kurek S. (2016) Outworking of the Second Demographic Transition: National Trends and Regional Patterns of Fertility Change in Poland, and England and Wales, 2002–2012. *Population, Space and Place*. Vol. 22 (6): 508–525. DOI: 10.1002/psp.1936.
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. *Urban Studies*. Vol. 50 (8): 1471–1488. DOI: 10.1177/0042098012462610.
- Zakharov S.V. (2022) *Population of Russia 2019: 27th annual demographic report*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)

Г.А. ПОГОСЯН, Г.И. ОСАДЧАЯ

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ VS РЕПАТРИАЦИЯ

ПОГОСЯН Геворк Арамович – академик НАН РА, иностранный член РАН, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА, президент Армянской социологической ассоциации, Ереван, Армения (gevork@sci.am); ОСАДЧАЯ Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (osadchaya111@gmail.com).

Аннотация. Современное состояние армянской диаспоры в России свидетельствует о наличии в ней определенных дивергентных тенденций: с одной стороны, это исторически присущее армянской диаспоре стремление интегрироваться в социально-экономическую жизнь России, а с другой – определенные настроения к репатриации на фоне современных санкционных процессов в России и специальной военной операции на Украине. С целью изучения степени интеграции армянской диаспоры и выявления потенциального репатриационного ресурса в среде армянских мигрантов проведено сравнительное социологическое исследование в России и в Армении. Основные результаты этого исследования, проведенного в рамках совместного академического проекта, представлены в настоящей статье в виде прогнозного анализа ситуации.

Ключевые слова: интеграция • репатриация • диаспора • армяне

DOI: 10.31857/S013216250015318-2

Введение. На протяжении целого тысячелетия армяне жили и трудились в России. Первые сведения об армянах в Древней Руси относятся к X–XI вв., когда стали устанавливаться торговые связи с Византийской империей [Арутюнян, 2016: 14]. В Киевской Руси в XI–XII вв. существовали армянские общины в Киеве, Москве, Новгороде, Казани, Астрахани, на Северном Кавказе. Со временем численность армян на Руси увеличивалась, и в XVI–XVII вв. они уже проживали в 50 городах и занимались в основном торговлей и производством¹. В феврале 1828 г. между Россией и Ираном был подписан Туркменчайский мирный договор, согласно которому Восточная Армения была освобождена и включена в состав России [Тавакалян, 1978: 3–20]. После геноцида армян в 1915 г. в Турции чудом выжившие беженцы из Западной Армении нашли убежище в России. Процесс формирования армянской диаспоры продолжался на протяжении всего XIX в. Октябрьская революция 1917 г. создала новые политические условия, при которых развитие регионов России осуществлялось безотносительно к национальной принадлежности населения. Армянские общины советской России не создавали организаций диаспоры, которые в большом количестве были основаны армянской диаспорой в Европе, Америке и на Ближнем Востоке. В 1988 г. в результате катастрофического Спитакского землетрясения в Армении сотни тысяч оставшихся без крова граждан были эвакуированы или самостоятельно эмигрировали в Россию. Несколько сот тысяч армян бежали в Россию из Азербайджана в результате погромов и войны в Нагорном Карабахе. Распад Советского Союза в 1991 г. также породил масштабный миграционный поток армян в Россию. Наиболее армянонаселенными регионами являются Москва, Петербург, Московская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края. За период между переписями

¹ URL: <http://diaspora.gov.am/ru/pages/15/russia> (дата обращения: 21.11.2021).

1989 и 2002 гг. численность армян в РФ удвоилась, составив 1 млн 130 тыс. человек, а по результатам переписи 2010 г. – 1 млн 182 тыс. человек [Арутюнян, 2016: 306].

Со вступлением Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в 2015 г. армянская диаспора сохраняла свою численность за счет стабильности показателей количества прибывших в Россию, вплоть до «ковидного» 2020 г. (2015 – 45 670; 2016 – 43 929; 2017 – 46 898; 2018 – 46 442; 2019 – 71 984 чел.)². В 2021 г. миграционный поток из Армении увеличился, откуда за три квартала выехало 103 тыс. человек³. Наряду с Таджикистаном и Украиной она вошла в тройку стран, давших наибольший миграционный прирост России⁴. Начавшиеся сегодня в Армении процессы депопуляции выдвигают перед руководством страны задачу стимулирования рождаемости и организации механического притока населения за счет репатриации армянской диаспоры. В настоящее время в России проживает порядка 2–2,5 млн армян, что сравнимо с населением современной Армении⁵. В связи с этим проблемы интеграции армянской диаспоры в России или ее частичной репатриации приобретают особое демографическое и политико-экономическое значение.

Об исследовании. Изучение армянской диаспоры необходимо, поскольку она является важным актором социально-экономических процессов в России, оказывая влияние на все сферы жизнедеятельности страны. В научной литературе встречались работы, анализирующие различные стороны деятельности армянской диаспоры [Тиранян, 2018; Шаповалов, 2015; Геворкян, 2015]. Однако специально вопросы интеграции или репатриации армянских мигрантов России в последние годы не анализировались.

Представленный анализ интеграционного поведения армянских мигрантов проводится на основе результатов социологических исследований, реализованных по совместному проекту в России и Армении. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Институтом философии, социологии и права НАН РА запустили в 2020 г. совместный исследовательский проект под названием «Армянская диаспора России в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС». Исследования проводились учеными обоих институтов весной–летом 2021 г. В России опросили 1273 человека: в Москве и области (658 чел.), в Краснодарском и Ставропольском краях (310 и 305 чел. соответственно)⁶. Выбор регионов обусловлен наибольшей численностью армянских диаспор: в Краснодарском крае проживало 281 680, в Ставропольском крае – 161 324, в Москве – 106 466 человек [Демографический ежегодник..., 2010]. В Армении опросили в 500 семьях мигрантов по одному взрослому члену семьи в 33 городах республики, а также 30 экспертов, занимавшихся проблемами миграции. В обоих исследованиях респонденты отобраны методом снежного кома. В российском исследовании они отбирались по двум основным признакам: этническая принадлежность и приезд в Россию после 1990 г. В армянском исследовании опрошенные отбирались по признаку наличия уехавших в Россию членов их семей и близких родственников.

² Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Меджлумян А. В Армении наблюдается резкий рост оттока населения. Nov. 9, 2021. URL: <https://russian.eurasianet.org> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴ В России приготовились к рекордному приросту мигрантов. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/26/demogr/> (дата обращения: 19.01.2022).

⁵ В России проживает более 2,5 млн армян. URL: <https://ria.ru/20021216/282886.html> (дата обращения: 17.03.2022).

⁶ Опрошено в апреле–июне 2021 г. 1273 человека, в том числе мужчин – 48,3%, женщин – 51,7% (в Московской агломерации – 658 человек, в том числе мужчин – 50,5%, женщин – 49,5%, Краснодарском и Ставропольском краях – 310 и 305 человек соответственно, в том числе мужчин 47,1 и 44,9% соответственно, женщин – 52,9 и 55,1% соответственно). По возрасту в общем числе опрошенных: 16–17 лет – 2,5%; 18–21 лет – 27,2%; 22–25 лет – 18,0%; 26–30 лет – 14,6%; 31–35 лет – 9,0%; 36–40 лет – 7,1%; 41–45 лет – 6,0%; 46–50 лет – 5,7%; 51–55 лет – 3,9%; 56–60 лет – 2,6%; 61–65 лет – 1,3%; 66–70 лет – 0,9%; 71+ лет – 1,2%. Респонденты отобраны методом снежного кома по признакам: этническая принадлежность – армянин (армянка), приехали в Россию после 1990 г.

При разработке модели исследования социологи исходили из того, что интеграция (или дезинтеграция) представляет собой результат адаптации и встроенности армянских мигрантов в структуру российского общества [Интеграция..., 2018; Волох, Суворова, 2013: 202–208; Интеграция инокультурных мигрантов..., 2018; Alba, Nee, 1997: 826–874; Kim, 2008: 359–368]. Разработанные показатели основаны на индивидуальном уровне представлений о повседневной жизнедеятельности и индивидуальных оценках респондентов. При этом степень интеграции армян в России характеризовалась удовлетворенностью работой, жилищными условиями, материальным благополучием и толерантностью во взаимодействии с местным населением. В армянских опросах социологов интересовал вопрос о репатриационном потенциале армянской диаспоры России. Имеются ли у нее подобные настроения, есть ли ресурс репатриации, каковы его масштабы и каковы ожидания семей в Армении, чьи родственники мигрировали в Россию.

Результаты социологических исследований. Важнейшим показателем степени интеграции мигрантов является их положение на рынке труда. Так, шесть из десяти армянских мигрантов работает, а пятая их часть и работает, и учится. Как показывают наши исследования⁷, структура занятости членов армянской диаспоры отличается от структуры занятости мигрантов из таких стран-членов ЕАЭС, как Кыргызстан, Казахстан, и страны-наблюдателя Узбекистан: они чаще заняты высококвалифицированным, интеллектуальным трудом. В выборке российского исследования каждый пятый работает в сфере услуг, в торговле, каждый десятый – в сфере образования, в строительстве, двенадцатый – в здравоохранении, 5,6% – в промышленности, 6,2% – на транспорте, 4,7% – в сфере IT, 1,6% – в сельском хозяйстве, 11% указали другие сферы деятельности. При этом 46,3% являются квалифицированными наемными работниками, 13,3% заняты неквалифицированным трудом, 11% – индивидуальные предприниматели и самозанятые, 8,8% занимают руководящие должности, 7,8% – предприниматели и бизнесмены. Отметим, что треть опрошенных имела опыт соответствующей работы в Армении.

Показатель удовлетворенности выполняемой ими в России работой также характеризует степень интегрированности иммигрантов. Так, восемь из десяти опрошенных считают, что выполняемая ими работа хорошо оплачивается, соответствует знаниям, способностям и возможностям и в целом их удовлетворяет. Более высокие оценки получены от мигрантов в Краснодарском крае (работа хорошо оплачивается «Да + в основном да» – 85,7%, соответствует знаниям, способностям, возможностям «Да + в основном да» – 89,2%, в целом удовлетворяет возможностям «Да + в основном да» – 86,2%), а сравнительно низкие – в Ставропольском крае (работа хорошо оплачивается «Да + в основном да» – 62,2%, соответствует знаниям, способностям, возможностям «Да + в основном да» – 76,4%, в целом удовлетворяет возможностям «Да + в основном да» – 74,3%).

У подавляющего большинства опрошенных (75–80%) на работе складываются хорошие отношения с руководством и коллегами. Степень интеграции характеризуется также оценкой мигрантами различных сторон повседневной жизнедеятельности: доходным статусом, жилищными условиями, организацией свободного времени. Так, семь из десяти респондентов высоко оценивают свой доходный статус. Позицию «средств достаточно, чтобы купить все, что считаю нужным» отметило 33%. Материально более благополучными оказались, согласно самооценке, члены армянской диаспоры в Краснодарском крае («средств достаточно, чтобы купить все, что считаю нужным» – 43,2%), наименее благополучными – в Ставропольском крае («средств достаточно, чтобы купить все, что считаю нужным» – 20,7%). Армяне из Москвы и области чаще проживают в собственной или арендованной квартире (75,3%), а ставропольские и краснодарские – в собственном

⁷ Проекты «Миграционный опыт граждан Узбекистана в Московской агломерации» (рук. Г.И. Осадчая, декабрь 2021 – март 2022 г.), «Молодые мигранты из Кыргызстана в Москве: проблемы занятости, адаптации, социального самочувствия» (рук. Г.И. Осадчая), «Образ жизни мигрантов из государств-членов ЕАЭС в Москве» (грант РФФИ, проект № 16-03-00841 (рук. Г.И. Осадчая, июнь 2016 г.)).

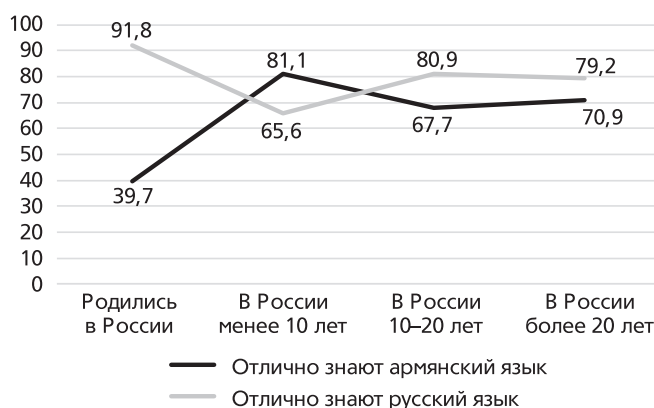

Рис. Оценка респондентами степени владения армянским и русским языками, % от всех опрошенных

доме или квартире (40 и 36,7% соответственно). При этом жилищные условия как «хорошие» чаще оценивают проживающие в Краснодарском крае (71,3%), а как «удовлетворительные» или «плохие» – в Ставропольском крае (35,1 и 6,6% соответственно).

Знание русского языка также является важным интеграционным фактором. Более 80% армян, проживающих в России менее десяти лет, отлично знают армянский, но и владение русским языком оценивают как отличное – 66%. Большинство тех, кто родился в России, отлично владеют русским языком (92%), но недостаточно знают армянский (60%). С годами знание русского языка улучшается и забывается армянский (см. рис.).

Функциональным условием интеграции в социум являются неформальные социальные взаимодействия и отношения с разными группами в обществе. В случае появления проблем в России члены армянской диаспоры за помощью в первую очередь обращаются к знакомым местным жителям (49,2%), затем к соотечественникам из Армении (26,5%), к местным властям (19,3%) и полиции (14,2%). Таким образом, наиболее важным представляется институт соседства. Среди друзей в России у членов армянской диаспоры есть русские (16,8%), армяне (21,2%) и другие, но большинство (56,2%) не различают друзей по национальному признаку.

Как известно, смешанные браки способствуют интеграции. По данным опроса, межнациональные семьи среди опрошенных имеют 37,4%, у большинства (62,6%) супруги являются представителями армянской национальности. Однако среди молодых армян в возрасте 22–30 лет только пятая часть не рассматривает для себя возможность вступления в межнациональный брак. По этому показателю можно констатировать более высокую готовность к интеграции у молодежи.

Многочисленные общественные объединения армянской диаспоры в России, такие как «Союз Армян России», «Армяне России», «Ассоциация армянской молодежи», «Ассамблея армян», способствуют интеграции мигрантов в российский социум. С деятельностью этих диаспоральных организаций достаточно хорошо знакомы армянские мигранты (от 17,4 до 42%). Кроме того, около половины опрошенных в последнее время отмечали случаи поддержки со стороны армянских диаспоральных организаций в различных жизненных ситуациях. Около 10% респондентов обращались в общественные организации по каким-либо вопросам, подавляющее большинство оценило опыт обращения как положительный. В целом, 66,2% опрошенных доверяют существующим в России организациям и объединениям армян.

Таблица

Идентификация гражданства (в %)

Имеют гражданство	Считают себя			
	гражданами России	гражданами Армении	представителями армянского народа	гражданами мира
России	44	7	15	6,3
Армении	14,3	45	10,2	6,6
России и Армении	25,9	16,2	14,2	9,1

Среди респондентов достаточно широко распространена поддержка создания Евразийского экономического союза, половина опрошенных одобряет создание ЕАЭС. При этом 14% считают, что необходима не только экономическая, но и политическая интеграция, а 20% – экономическая, политическая и военная интеграция. Правда, сохраняется небольшая доля тех, кто пока не определился в своей оценке интеграционных процессов (35%).

Важной характеристикой интеграции является идентификация, принятие групповых норм и правил, существующих в российском обществе. Чаще при идентификации срабатывает официальный статус гражданства в плане отождествления себя с Россией (табл.).

Около половины респондентов в перспективе видят себя гражданами России, связывая свои профессиональные и личные устремления с Россией (48,4%). Пятая их часть считает себя обладателями двойного гражданства (РФ и РА), связывая устремления с обеими странами (20,1%). Около 10% видят себя гражданами Армении, связывая свои устремления с исторической родиной (9,4%). Еще 8% намерены переехать в третьи страны. Региональные особенности частично сказались на перспективе интеграции. Так, свое будущее с Россией чаще связывают 58,4% армян, проживающих в Краснодарском крае, с обеими странами – 21% проживающих в Ставропольском крае, с переездом в третьи страны – 9,9% проживающих в Москве. Субъективные оценки армянских мигрантов демонстрируют относительную устойчивость и высокую интенсивность интеграции, а также активную включенность армян в российскую среду.

Перспективы репатриации. Как показал анализ, среди членов семьи, переехавших в Россию на постоянное жительство в поисках работы или учебы, 38% составляют братья и сестры, т.е. сравнительно молодое поколение. Вторая по численности группа (32%) – это родственники семьи (зятья, невестки, тети, дяди, двоюродные и сводные братья, сестры и др.). Дети, уехавшие в Россию, составили 17%, родители – 8,6% и внуки – 3,8%. Во всех группах уехавших преобладали лица мужского пола, что лишний раз свидетельствует в гендерном плане о доминировании мужской миграции. Кроме того, основной причиной миграции, по мнению почти половины опрошенных (45,8%), является отсутствие работы на родине. Иначе говоря, миграция из Армении – это главным образом трудовая миграция.

Значительная часть мигрантов уехала в Россию сравнительно давно: большинство – 10–15 лет назад (41,6%), четверть из них – пять лет назад (25,8%) и небольшая часть (13,0%) – несколько лет назад. Фактически преобладающая часть мигрантов – это люди, которые давно живут и работают в России, а их дети учатся в школах.

Армянские мигранты довольно активно трудоустраиваются, о чем свидетельствует также анализ процессов экономической интеграции в рамках ЕАЭС [Тавадян, Манасерян, 2021: 36–41]. По результатам опроса, абсолютное большинство (88,2%) мигрантов работают в различных отраслях экономики России. Так, 24,8% мигрантов работают в строительстве, 20% – в сфере торговли, 11,2% – в промышленности, 7,6% – на транспорте и 11,8% учатся или заняты в домохозяйстве. Некоторые мигранты получили российское гражданство (13,0%), еще 45% намерены это сделать. Очевидно их желание интегрироваться в российское общество.

Абсолютное большинство (82,2%) оставшихся в Армении семей постоянно поддерживает связь с уехавшими в Россию родственниками по телефону и Интернету. По

свидетельству опрошенных семей, половина уехавших родственников (52,6%) регулярно оказывает им материальную и иную помощь: 14,6% ежемесячно посылают деньги домой; 24,2% – время от времени; 13,8% оказывают семьям различного рода поддержку.

На главный вопрос о том, намерены ли уехавшие члены семьи и родственники вернуться обратно на родину, получены следующие ответы: у 10% собираются вернуться в ближайшем будущем, 13,8% выразили надежду на возвращение. Но большинство (63,2%) ответило, что у членов их семьи и родственников такого намерения нет и скорее всего они никогда не вернутся на родину.

Проведенный в Армении опрос 30 экспертов показал схожие результаты. Среди экспертов были экономисты, социологи, психологи, сотрудники миграционной службы и правоохранительных органов, имеющие отношение к проблеме миграции. Большинство экспертов уверены, что у мигрантов пока нет намерения вернуться, или скорее всего они никогда больше не вернутся (19 чел.), треть считает, что возможно когда-нибудь в будущем вернутся (10 чел.). Подобное единогласие между экспертами и родственниками мигрантов, на наш взгляд, свидетельствует о большой достоверности полученных результатов.

В российском опросе армянских мигрантов были получены практически такие же результаты. Из 1346 армянских мигрантов 26,6% ответили, что возможно когда-нибудь в будущем вернуться домой; 39,2% ответили, что подобных намерений у них сейчас нет; и 19,6% ответили, что скорее всего они не вернутся. Таким образом, 58,8% не намерены вернуться на родину. Расхождение с результатами, полученными в Армении, составляет всего 4,4%.

Близкие результаты были обнаружены и среди тех мигрантов, кто выказал твердое намерение о возвращении домой. Так, 7,4% мигрантов в российском опросе ответили, что собираются в ближайшем будущем вернуться в Армению. Как отмечалось выше, 10% опрошенных в Армении семей также ответили, что их родственники собираются в ближайшем будущем вернуться домой. Можно допустить, что репатриационный ресурс армянских мигрантов составляет порядка 7–10%. С учетом общего количества армянских мигрантов в России – порядка 80–100 тыс. человек. Армянская же диаспора России в целом насчитывает в 2,5 раза больше. Следовательно, можно предположить, что общий репатриационный ресурс армян может насчитывать 150–200 тыс. человек.

В 2019 г. Армянский институт в Лондоне провел исследование «Armenian Diaspora Survey 2019», в рамках которого опрошено три тыс. армян в Аргентине, Канаде, Ливане и Румынии. На вопрос о том, собираются ли они переехать жить в Армению, 4% ответили о своем твердом намерении в ближайшем будущем вернуться на родину (2% в Аргентине, 3% в Канаде, 12% в Ливане и 3% в Румынии), еще 23% ответили, что хотели бы вернуться, если в Армении изменятся обстоятельства [Armenian..., 2019; 2020].

Вопрос об условиях возвращения армянских мигрантов домой представлял особый интерес. Так, опрошенные в Армении семьи мигрантов указали на главные условия, при наличии которых их родственники могли вернуться домой: если будет работа с высокой зарплатой (33,3%); когда улучшатся социально-экономические условия (25,7%); когда заставит тоска по родине (33,3%); когда захотят воссоединиться с семьей (18,1%); когда настанет мир (8,1%).

Практически такая же картина условий возвращения была получена в опросе армянских мигрантов в российском исследовании. Они указали следующие условия возвращения: когда в Армении улучшится экономическая ситуация (39,9%), когда отпадут угроза войны и напряженность в Армении (32,8%), когда в Армении установится политическая стабильность (31,5%), когда средняя зарплата в стране возрастет в несколько раз (27,3%), когда появятся новые рабочие места (22,4%).

Близкие ответы были получены также в экспертном опросе. Таким образом, главными условиями возвращения на родину мигрантов являются: отсутствие угрозы войны, гарантии безопасности населения, наличие новых рабочих мест и улучшение социально-экономической ситуации в стране. Сравнительный анализ результатов показал, что

условия возможного возвращения мигрантов хорошо коррелируют с причинами, по которым они уехали из Армении.

В XX в. было несколько волн репатриации армян из диаспоры в советскую Армению. Так, в 1920–1930-х гг. советскими властями была организована репатриация армян из Ирака, затем из Греции, Ирана, Сирии, Болгарии, Франции и других стран [Дятлов, Мелконян, 2009: 169]. В целом, в 1921–1936 гг. число репатриантов достигло 456 000 [Армянская диаспора, 2003: 14–15]. За два года, 1946–1948 гг., в Армянскую ССР иммигрировало еще более 100 тыс. армян [Земсков, 2003; Population Redistribution..., 1959: 208–221]. Переселение армян из-за границы осуществлялось по решению руководства Советского Союза в послевоенный период, с целью восполнения больших потерь армянского населения в Великой Отечественной войне. Таким образом, у республики имеется исторический опыт организации репатриации соотечественников.

На сегодняшний день в России проживает самая большая армянская диаспора, и при благополучной ситуации какая-то часть вполне могут вернуться на родину при наличии определенных условий. Однако пока что наблюдается ежегодная миграция из Армении.

Заключение. Заметим, что социологические исследования в Армении и в России проведены до специальной военной операции на Украине и западных санкций по отношению к России. Они оказали воздействие на изменение миграционных потоков на постсоветском пространстве. Украинский кризис и санкции вынудили многих российских предпринимателей покинуть страну. Неожиданно образовался достаточно большой поток переселенцев в Армению. По данным на июль 2022 г., в Армению приехало порядка 90 тыс. россиян, из которых 70 тыс. открыли счета в армянских банках⁸. Некоторые из них транзитом направились в соседнюю Грузию. Подавляющее большинство являются представителями среднего бизнеса, занимающиеся внешней экономической деятельностью. Заявки на перенос бизнеса в Армению подали сотни российских IT-компаний. В Армении рекламируются услуги по релокации бизнеса и публикуются гайды для иммигрантов из России, в том числе для армянских репатриантов. В течение января–июня 2022 г. гражданство Армении получили 9917 иностранцев. В то время как за весь 2021 г. армянское гражданство получили только 3448 человек⁹. Возможно, многие армяне предпочтут вернуться и перевести свой бизнес в Армению. Сохраняя экономические связи с Россией и обладая двойным гражданством, они смогут принести большую пользу экономикам обеих стран. Репатриация армянских мигрантов из России поможет модернизировать и инвестировать в экономику Армении, и частично решить демографическую проблему.

Вместе с тем интеграция армянских мигрантов в России представляет собой континуум, не предполагая полной ассимиляции. Она протекает с разной степенью интенсивности в конкретных исторических условиях и в конкретных сферах повседневной жизни. В целом процесс интеграции демонстрирует относительную устойчивость и активную включенность армян в общую российскую среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования. Вестник Челябинского госуниверситета. 2015. № 2 (357). С. 131–137.
- Армянская диаспора. Энциклопедия. Ереван, 2003 (на арм. яз.).
- Арутюнян Ю.В. (отв. редактор). Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ер.: Гитутюн, 2016.
- Волох В.А., Суворова В.А. Теоретические основы изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов в российский социум // Вестник Университета. 2013. № 20. С. 202–208.

⁸ Armenian Business News (ABN) URL: https://finport.am/full_news.php?id=46167&lang=1 (дата обращения: 11.07.2022).

⁹ Там же.

- Геворкян Г.Н. Феномен гетерогенности армянской диаспоры Москвы (конец XX – начало XXI вв.): к постановке проблемы // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 102–114. DOI: 10.7256/24540609.2020.1.31883.
- Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010.
- Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ер.: Институт Кавказа, 2009.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003.
- Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. DOI: 10.20542/978-5-9535-0538-3.
- Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России. Сб. мат. 15 ноября 2018 г., г. Санкт-Петербург.
- Осадчая Г.И., Погосян Г.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н., Киреев Е.Ю. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 2. С. 1–10. DOI: 10.15862/23SCSK221.
- Погосян Г.А. Современное армянское общество. Особенности трансформации. М.: Academia, 2005.
- Тавадяна А., Манасерян Т. Краткосрочные и среднесрочные перспективы развития армяно-российского экономического сотрудничества // Сборник статей «Современное состояние и видимые перспективы армяно-российского стратегического союза». Ереван: Наапет, 2021. С. 36–41.
- Тавакалян Н. Присоединение Восточной Армении к России и его прогрессивное значение. Ер.: «Лрабер» АН Арм.ССР, 1978. С. 3–20.
- Тирабян К.К. К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации) // Управленческое консультирование. 2018. № (2). С. 128–136. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-128-136.
- Топилин А., Погосян Г., Осадчая Г., Рязанцев Н. Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграции в ЕАЭС // Центральная Азия и Кавказ. Т. 24. Вып. 3. 2021. С. 117–128. DOI: 10.37178/ca-c.21.03.09.
- Шаповалов С.Н. Некоторые аспекты армянской миграции в Краснодарский край // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 4. С. 13–15.
- Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник института социологии. № 4. Т. 8. 2017. С. 46–70. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.480.
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*. Vol. 31 (4). 1997. P. 826–874.
- Armenian Diaspora Survey 2019. (Eitor Hratch Tchilingirian), Armenian Institute. London. UK, 2020. www.armeniandiasporasurvey.com.
- Kim Y.Y. Intercultural personhood: Globalization and way of being // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. No. 32. P. 359–368.
- Roof M.K., Leedy F.A. Population Redistribution in the Soviet Union, 1939–1956 // *Geographical Review*. Vol. 49. No. 2 (Apr. 1959). P. 208–221. American Geographical Society.
- Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora // Journal of Transnational Studies*. 1991. № 1 (1). P. 83–99.
- Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. *Diaspora // Journal of Transnational Studies*. 1996. Vol. 5. № 1. P. 3–15.

Статья поступила: 22.07.22. Финальная версия: 03.12.22. Принята к публикации: 15.12.22.

ARMENIAN DIASPORA IN RUSSIA: INTEGRATION VS REPATRIATION

POGHOSYAN G.A.*, OSADCHAYA G.I.**

*Institute of Philosophy, Sociology and Law of ANAS, Armenia; **Institute for Demographic Research, FCTAS Russian Academy of Sciences, Russia

Gevorg A. POGHOSYAN, Full Member of ANAS, Foreign Member of RAS, Scientific Head of Institute of Philosophy, Sociology and Law of ANAS; President of Armenian Sociological Association, Yerevan, Armenia (gevork@sci.am); Galina I. OSADCHAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department for Research of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (osadchaya111@gmail.com).

Abstract. The current state of the Armenian Diaspora in Russia testifies to the presence in it of some divergent tendencies: on the one hand, this is the historically inherent desire of the Armenian Diaspora to thoroughly integrate into the social and economic life of Russia; and on the other hand, this is a certain orientations for repatriation to the homeland in the context of current western sanctions against Russia and a special military operation in Ukraine. In order to study the degree of integration of the Armenian Diaspora in to Russian society and identify a potential repatriation resource among the Armenian migrants, a comparative sociological survey was conducted in Russia and in Armenia. In the Russian Federation, the sociological survey among the Armenian migrants was conducted by the scientists of the Institute of Demographic Studies of the Russian Academy of Sciences in the most Armenian-populated communities in Moscow, and in the Stavropol and Krasnodar regions. In Armenia, the sociological survey among the migrant families was conducted by the scientists of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia in the several cities of the republic. The main results of comparative sociological surveys conducted within the framework of the joint academic project are presented in this article in the form of a predictive analysis of the current situation.

Keywords: integration, repatriation, diaspora, Armenian.

REFERENCES

- Alba R., Nee V. (1997) Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*. Vol. 31 (4): 826–874.
- Armenian Diaspora. (2003) *Encyclopedia*. Yerevan. (In Arm.)
- Armenian Diaspora Survey 2019. (2020) (Eitor Hratch Tchilingirian), Armenian Institute. London. UK. URL: www.armeniandiasporasurvey.com
- Arutyunyan Ju.V. (2016) *Russian Armenians. Ethnosociological Studies of Armenia and the Diaspora*. Erevan: Gitutyun. (In Russ.)
- Avdashkin A.A. (2015) Diaspora: the methodological basis of the research of the phenomenon. *Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History]. No. 2 (357). Is. 62: 131–137. (In Russ.)
- Demographic yearbook of Russia*. (2010) Statistical handbook. Moscow. (In Russ.)
- Dyatlov V., Melkonian E. (2009) *Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology*. Yerevan. (In Russ.)
- Endryushko A.A. (2017) Theoretical approaches towards examining the adaptation of migrants to the host society: foreign practices. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 8. No. 4. P. 45–70. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.480. (In Russ.)
- Integration and adaptation of migrants and refugees in Russia. (2018) In: *Collection of materials of the scientific-practical conference on November 15. St. Petersburg*. (In Russ.)
- Integration of migrants with different cultural background: prospects of interculturalism* (2018) I. Tsapenko, I. Grishin (eds). Moscow: IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0538-3. (In Russ.)
- Gevorkyan G.N. (2020). The phenomenon of heterogeneity of the Armenian diaspora in Moscow (late 20th – early 21st centuries): towards the topic establishment. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: scientific researches]. No. 1: 102–114. DOI: 10.7256/24540609.2020.1.31883. (In Russ.)
- Kim Y.Y. (2008) Intercultural personhood: Globalization and way of being. *International Journal of Intercultural Relations*. No. 32: 359–368.
- Osadchaya G.I., Pogosyan G.A., Leskova I.V., Yudina T.N., Kireev E.Yu. (2021) Diaspora phenomenon: analysis of the current state through the prism of research in this area. *Mir nauki. Seriya: Sociologiya*,

- filosofiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. No. 2 (12): 1–10. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf>. DOI: 10.15862/23SCSK221. (In Russ.)
- Poghosyan G.A. (2005) *Current Armenian Society. Peculiarities of Transformation*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Roof M.K., Leedy F.A. Population Redistribution in the Soviet Union, 1939–1956. (1959) *Geographical Review*. Vol. 49. No. 2 (Apr.): 208–221. American Geographical Society.
- Safran W. (1991) Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. No. 1 (1): 83–99.
- Shapovalov S.N. (2015) Some aspects of Armenian migration to the Krasnodar krai. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. No. 4: 13–15. (In Russ.)
- Tavadyan A., Manaseryan T. (2021) Short-term and Medium-term Prospects for Development of the Armenian-Russian Economic Cooperation. In: Collection of Articles “The Current State and Visible Prospects of the Armenian-Russian Strategic Union”. Yerevan, «Nahapet» Publishing House: 36–41. (In Russ.)
- Tavakalyan N. (1978) The Accession of Eastern Armenia to Russia and its Progressive Meaning. Yerevan: “Lraber” Academy of Sciences of Armenian SSR: 3–20. (In Russ.)
- Tirabian K.K. (2018) On a Question of Definition of a Phenomenon of Diaspora (on the Example of the Armenian Diaspora of the Russian Federation. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Administrative Consulting]. No. (2): 128–136. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-2-128-136. (In Russ.)
- Tölölyan K. (1996) Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Vol. 5. No. 1: 3–15.
- Topilin A., Poghosyan G., Osadchaya G., Ryazantsev N. (2021) Socio-economic Potential of the Armenian Diaspora in the Context of EAEU Integration. *Central'naya Aziya I Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. Vol. 22. Is. 3: 109–119. DOI: 10.37178/ca-c.21.3.09. (In Russ.)
- Volokh V.A., Suvorova V.A. (2013) Theoretical foundations for studying the problems of adaptation and integration of migrants into the Russian society. *Vestnik Universiteta* [University Bulletin]. No. 20: 202–208. (In Russ.)
- Zemskov V.N. (2003) *Special Settlers in the USSR. 1930–1960*. Moscow. (In Russ.)

Received: 22.07.22. Final version: 03.12.22. Accepted: 15.12.22.

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

Л.А. БАРХАТОВА

ОТ ИЗУЧЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО К ЦИФРОВОМУ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДХОДОВ

БАРХАТОВА Лариса Александровна – преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (lbarhatova@hse.ru).

Аннотация. В статье анализируются методологические возможности и ограничения подходов к изучению виртуального. Показывается, как переозначивание базовых понятий применительно к онлайн-контекстам отражается на методологическом инструментарии. На основе таких подходов, как виртуальная этнография и этнография виртуальных миров, которые становятся для исследователей отправной точкой в изучении виртуального, в статье рассматриваются принципы и процедуры проведения исследования в онлайн-пространстве. Выделяются различия относительно того, как в каждом из подходов трактуется и анализируется офлайн-контекст и как учитываются специфические особенности онлайн-среды. В статье критически обсуждается соотношение понятий виртуального и цифрового, а также показывается, почему понятие цифрового более релевантно для описания современных онлайн-контекстов.

Ключевые слова: виртуальная этнография • этнография виртуальных миров • виртуальная реальность • цифровая этнография • онлайн-сообщества

DOI: 10.31857/S013216250020183-4

Введение. Растущая диджитализация повседневной жизни привела к расширению области исследований. Социальные науки не могут развиваться без учета онлайн-пространства, в том числе и современная этнография [Hallett, Barber, 2014]. В отличие от полевых исследований, предполагающих посещение физических пространств, изучая виртуальные культуры, социолог или этнограф находится на интерактивных веб-сайтах, просматривает тексты и изображения на экране компьютера [Garcia et al., 2009; Boellstorff et al., 2012]. Большая часть наблюдений, опросов и интервью происходит через такие каналы, как электронная почта, чаты, окна сообщений, интерфейсы виртуального мира и профили в социальных сетях, вследствие чего значительные изменения претерпевают базовый концептуальный аппарат и инструментарий исследования [Abidin, de Seta, 2020]. Ключевые концепты этнографии – поле, сообщество, наблюдение, включенность и др. – переозначиваются в силу специфики онлайн-среды.

Автор выражает благодарность Ирине Марковне Козиной за ценные комментарии в процессе подготовки статьи, а также анонимным рецензентам за замечания и предложения по улучшению текста.

Это способствовало развитию разнообразных методологических подходов этнографического исследования в онлайн-пространстве. Считается, что одной из первых исследовательниц, заявивших о своем опыте в области этнографии в Интернете, была К. Хайн, которая ввела в оборот термин «*виртуальная этнография*» (virtual ethnography) и подход, который впоследствии получил широкую поддержку в исследовательском сообществе [Bengtsson, 2014]. Сегодня можно встретить и другие, самые разнообразные названия: *цифровая этнография* (digital ethnography) [Murthy, 2008; Hjorth et al., 2016]; *нетнография* (netnography) [Kozinets, 2010]; *расширенная этнография* (expanded ethnography) [Beneito-Montagut, 2011]; *этнография виртуальных миров* (ethnography of virtual worlds) [Boellstorff et al., 2012] и др. Некоторыми авторами эти термины используются как синонимы, однако не всегда их отождествление корректно [Caliandro, 2014; Hampton, 2017]. Каждый подход поддерживает собственный диалог с устоявшейся традицией и по-разному формулирует отношение к ней [Domínguez et al., 2007].

Обратимся к анализу виртуальных этнографических подходов, которые, несмотря на их методологическое разнообразие, становятся для многих исследователей исходной точкой изучения Интернета как иного, виртуального поля. Цель статьи – обозначить методологические возможности и ограничения виртуальных этнографических подходов, на примерах виртуальной этнографии К. Хайн и этнографии виртуальных миров Т. Беллесторфа.

Виртуальная этнография. Первые этнографические исследования, которые проводились в онлайн-среде, основывались на представлении виртуальных миров как локальности, находящейся за пределами телесного взаимодействия [Bell, 2001]. Получены отрицательные заключения экспертов. Многие исследования того периода имели недостаточно проработанный инструментарий, из-за чего на выходе получались скорее журналистские репортажи, нежели этнографические описания [Hampton, 2017]. Часто они делались с двух крайних позиций, несовместимых с базовыми принципами этнографии: постороннего наблюдателя, не погруженного в сообщество, или инсайдера – исследователь погружался в сообщества настолько, что не мог отделить наблюдение от своего восприятия (в литературе эта проблема называется риском going native)¹.

Позднее восприятие виртуального и реального трансформируется в понимание того, что онлайн- и офлайн-практики тесно переплетены. Фокусом исследований онлайн-среды становятся различия онлайн- и офлайн-реальностей, социальные связи, идентичности и взаимодействия [Turkle, 1997; Markham, 1998].

Ответом на подобную концептуализацию стало появление подхода *виртуальной этнографии*, разработанного американским социологом К. Хайн [Hine, 2000]. Этот подход опирается на два теоретических представления, которые она называет «Интернет как культура» и «Интернет как культурный артефакт» [Hine, 2000: 14]. С одной стороны, Интернет представляет собой пространство, в котором создается и воспроизводится культура. С другой стороны, сам Интернет может рассматриваться как продукт культуры. Таким образом, онлайн-реальность может изучаться офлайн, и наоборот [Caliandro, 2018].

Соответственно, целостный этнографический подход должен сочетать анализ в двух регистрах: онлайн и офлайн. Методологически это воплощается в адаптации традиционного этнографического инструментария к онлайн-среде через сочетание виртуальных методов и приемов с их привычными офлайн-аналогами (как правило, включенным наблюдением и интервью). Например, в исследовании интернет-обсуждений дела Луизы Вудворд – няни из Великобритании, которую Бостонский суд обвинил в непреднамеренном убийстве американского ребенка, К. Хайн регулярно проводила наблюдение за веб-сайтами, связанными с этим делом, читала новости и обсуждения в группах и форумах, проводила интервью по электронной почте с разработчиками некоторых веб-сайтов,

¹ Обозначенные проблемы свойственны не только изучению виртуального пространства. С ними можно столкнуться и в классических полевых исследованиях.

с участниками групп на самих форумах [Hine, 2000]. Важным элементом полевой работы были заметки, в которых К. Хайн записывала свои мысли и наблюдения.

Можно заметить некоторую схожесть виртуальной этнографии с *многофокусной этнографией* (multi-sited ethnography), которая предполагает проведение сбора данных в нескольких локациях [Marcus, 1995]. В онлайн-пространстве в качестве таких локаций для анализа выступают онлайн-сообщества, в которых перемещаются участники и за которыми, следовательно, должен наблюдать исследователь [Baum, 2000]. По мнению А. Калиандро, виртуальную этнографию можно рассматривать как естественное продолжение многофокусной этнографии [Caliandro, 2018]. Он выделяет два основных аргумента: (1) виртуальная и многофокусная этнография предполагают перенос в онлайн-пространство традиционных этнографических понятий, таких как участник, сообщество и пр.; (2) для обоих подходов необходима адаптация традиционных методов.

Сама К. Хайн видит виртуальную этнографию в большей степени *мобильной* (mobile ethnography), нежели многофокусной [Hine, 2000: 64]. Так, в исследовании популярного телевизионного шоу Antiques Roadshow она показывает, что исследователю может быть полезно следовать за объектом изучения, перемещаясь на разные онлайн-платформы, что дает возможность сравнивать смыслы, которые ему придают разные онлайн-аудитории [Hine, 2011].

В более поздней книге «Этнография для Интернета: укорененная, воплощенная и повседневная» К. Хайн возвращается к вопросу концептуальных основ виртуальной коммуникации [Hine, 2015a]. Она выделяет три ключевых свойства Интернета: *укорененность* (embeddedness), *воплощенность* (embodiedness) и *повседневность* (everyday), называя их триадой свойств Е. Под укорененностью К. Хайн понимает связь онлайн-практик с культурным контекстом, который невозможно рассматривать в отрыве от офлайн-среды. Воплощенность пользовательского опыта в конкретных ситуациях делает опыт отдельного индивида уникальным. Повседневность автор предлагает рассматривать не столько как привычность, а как инфраструктуру, которая управляет взаимодействиями. Описанные свойства напрямую не наблюдаемы, их сложно контролировать, что создает определенные методологические вызовы для исследователей онлайн-сообществ.

В качестве решения обозначенных проблем К. Хайн формулирует восемь основных принципов, соблюдение которых, по ее мнению, позволит комплексно изучить социальный и культурный контекст онлайн-взаимодействий [Hine, 2015a: 87–88]:

- 1) *эксплораторный характер этнографического исследования*, открытость исследователя новым поворотам в развитии исследования и отсутствие четких теоретических представлений об изучаемом объекте до погружения в поле;
- 2) *текучесть и эмерджентность поля*: онлайн-сообщества могут быть сосредоточены одновременно в онлайн- и офлайн-пространствах, анализировать которые можно как культурный артефакт или локальный пример культурной практики;
- 3) *отсутствие четкой границы между онлайн-сообществами*: они могут располагаться на нескольких онлайн-площадках; между ними могут наблюдаться не только связи, но и разрывы;
- 4) *важность рефлексии результатов и инструментов этнографического анализа*, которая должна фиксироваться в дневниках наблюдения и полевых заметках;
- 5) *сложный характер онлайн-коммуникации*, сочетающий в себе разные уровни дискурса о декларируемом и обыденном социальном опыте;
- 6) *разнообразие и множественность онлайн-феноменов*, укорененных в культуре и расположенных на разных онлайн-платформах;
- 7) *неопределенность этнографического поля* и, как следствие, отсутствие объективных критериев создания интерпретаций;
- 8) *ответственная, рефлексивная позиция исследователя* в процессе создания этнографии из множества «культурных нитей».

Через раскрытие этих принципов К. Хайн еще раз подтверждает свой тезис, что изучение виртуальной среды не будет достаточно полным без учета офлайн-контекста. Для понимания онлайн-медиа и сообществ интерес представляют во многом сами социокультурные смыслы, которые производятся во взаимодействии через онлайн и офлайн [Белоруссова, 2021].

Этнография виртуальных миров. Важным примером адаптации этнографического инструментария к цифровым контекстам является *этнография виртуальных миров*, предложенная Т. Белльсторффом и его коллегами. Авторы определяют виртуальные миры как технологически опосредованные пространства, обладающие следующими качествами: 1) они дают возможность пользователям взаимодействовать друг с другом; 2) по своей природе они являются многопользовательскими и существуют как социальные среды с синхронной коммуникацией; 3) они долговечны и продолжают существовать, даже если пользователи выходят из сети; 4) в этих мирах пользователи воплощают себя через аватары [Boellstorff et al., 2012: 7].

Виртуальные миры можно назвать культурными артефактами, которые представляют собой, с одной стороны, технологические объекты, созданные совместным трудом различных пользователей, с другой – социальные пространства, определяемые переплетением взаимодействий внутри них [Caliandro, 2014]. Классическим примером виртуальных миров являются многопользовательские компьютерные игры, например *Second Life*, *World of Warcraft* и др. Несмотря на своеобразие и отличие опыта, проживаемого пользователями в виртуальной среде, от офлайн-реальности, виртуальные миры реальны, поскольку происходящее имеет реальное значение для участников [Taylor, 2006]. По этой причине Т. Белльсторфф считает, что реальность и виртуальность не нужно рассматривать как дихотомию. В виртуальной среде существуют иные способы выражения себя, некоторые из которых недоступны в обычной жизни, но виртуальность сама по себе присуща человеческой культуре [Boellstorff, 2008].

Средой, которая делает возможным погружение в виртуальные миры, является аватар. Поскольку именно через аватар пользователи воплощают себя в виртуальных средах, его выбор крайне важен для исследователей виртуальных миров. Т. Тейлор в исследовании онлайн-игры *Everquest* пишет о том, что в качестве своего первого аватара для погружения в игру она выбрала гнома, который выглядел неприятным и совершенно неагрессивным, что способствовало спонтанному взаимодействию и общению с другими игроками [Taylor, 2006].

Проводя наблюдение виртуальных миров, исследователь сам в той или иной степени участвует в них. Б. Нарди, изучая многопользовательскую онлайн-игру *World of Warcraft*, описывает свой опыт как участвующее включенное наблюдение, объясняя это тем, что невозможно погрузиться, не участвуя в ней в качестве самостоятельного игрока [Nardi, 2010]. В силу специфики виртуальных миров опыт взаимодействия в них не может быть полностью схвачен через офлайн-среду без непосредственного участия исследователя в происходящем. Поэтому, отмечает Т. Белльсторфф, именно включенное наблюдение представляет собой «сердце и душу» этнографического метода в виртуальных мирах. Оно может дополняться другими онлайн- и офлайн-методами: интервью, опросами или фокус-группами [Boellstorff, 2008]. Так, С. Пирс в исследовании компьютерной игры *Uru*, наряду с включенным наблюдением, проводила внутриигровые интервью и опросы, изучала онлайн-форумы, связанные с тематикой игры [Pearce, 2009]. Б. Нарди, помимо участвующего наблюдения в *World of Warcraft*, проводила интервью и наблюдения за игроками в домах, общежитиях и интернет-кафе [Nardi, 2010].

Т. Белльсторфф описывает свой опыт изучения игры *Second Life* как более десяти тысяч страниц полевых заметок, основанных на включенном наблюдении, интервью и фокус-группах, а также еще десять тысяч страниц документов, таких как веб-сайты, блоги и информационные бюллетени [Boellstorff, 2008: 75]. Анализируя составляющие проделанной полевой работы, исследователь оценил свое офлайн-поле как недостаточно

эффективное из-за того, что многие респонденты отказывались от участия в фокус-группах и опросах. При этом в виртуальном пространстве такой проблемы не возникало: при проведении внутриигровых опросов и фокус-групп пользователи, напротив, были открыты и расположены к участию в исследовании.

Сравнивая этнографию виртуальных миров и виртуальную этнографию, можно отметить наличие определенного методологического разрыва между ними. Виртуальная этнография исходит из укоренности онлайн-среды в повседневных офлайн-практиках, в то время как этнография виртуальных миров рассматривает онлайн- и офлайн-практики как непересекающиеся [Мясникова, 2017]. Из-за этих расхождений в концептуализации виртуальной среды в современных социологических исследованиях описанные подходы применяются для решения разных задач. Фокус виртуальной этнографии направлен на изучение культурных переплетений между онлайн- и офлайн-практиками, что находит отражение в разнообразных по тематике исследованиях онлайн-сообществ (см., напр.: [Domínguez et al., 2007; Zani, 2021; Dai, Hu, 2022]). Этнография виртуальных миров, в свою очередь, реализуется преимущественно для изучения взаимодействий пользователей в компьютерных играх, где нет существенных переплетений с офлайн-средой [Nardi, 2010; Taylor, 2006; Gabriels, De Backer, 2016; Feldon, Kafai, 2008].

От виртуального к цифровому. В современной исследовательской практике виртуальные этнографические подходы предполагают анализ многопользовательских компьютерных игр, анонимных форумов и других площадок, где пользователи идентифицируют себя иначе, не так, как в офлайн-мире [Колозарида и др., 2018]. Д. Мёрфи выражает мнение, что основная проблема виртуальной этнографии состоит в том, что ей не хватает полевой работы «лицом-к-лицу» [Murthy, 2011]. Во многом это связано с тем, что в виртуальных мирах категории речи технически опосредованы (через тексты, голосовые сообщения, картинки, видео и др.), что, отмечает Дж. Гобо, ставит под сомнение этнографичность исследования [Gobo, 2008].

Другое направление критики виртуальных этнографических подходов заключается в том, что для погружения в поле исследователи обычно выбирают конкретные сайты, действуя так, будто к Интернету можно применять физические границы [Beneito-Montagut, 2011]. При этом пользователи как действующие лица могут сидеть на нескольких сайтах одновременно, пользоваться несколькими приложениями. Они многозадачны онлайн и офлайн, тогда как в работе исследователей есть искусственно сконструированное ограничение полевой работы. В результате критически важным становится определение сеттинга исследования, нередко существующего в более непривычных для исследователя реалиях [García et al., 2009]. Виртуальная этнография предпринимает попытку приспособить традиционные аспекты полевой работы к Интернету, однако из-за специфики онлайн-среды многие из них переосначиваются. Так, ряд исследователей ставит под сомнение понятие сообщества как традиционного объекта этнографического исследования [Мясникова, 2017].

Современная методическая литература исходит из представления, что ландшафт онлайн-среды, состоящей из множества платформ социальных сетей, – это гораздо более подвижный и рассредоточенный социокультурный контекст, чем виртуальные сообщества. Соответственно, модель сообщества оказывается применимой далеко не ко всему спектру онлайн-взаимодействий [Postill, 2008]. Как отмечает М. Андреджевик, чем шире виртуальная коммуникация, тем больше социальные взаимодействия, происходящие в онлайн-пространстве, становятся эфемерными и рассредоточенными [Andrejevic, 2013]. Оказывается, что большая часть онлайн-взаимодействий не создает плотных и устойчивых социальных форм коммуникации. Такие формы коммуникации А. Калиандро предлагает называть онлайн-толпой – аффективным объединением относительно синхронизированной в своих действиях публики в онлайн-пространстве [Caliandro, 2018].

В результате подобной концептуализации рождается подход *цифровой этнографии* (digital ethnography), направленный на изучение того, как цифровая среда формирует поведение пользователей, их взаимодействие и производит новые культурные смыслы. Отличительные качества Интернета как комплексного взаимосвязанного пространства, доступного

для поиска, созданного в результате деятельности множества участников, открывают возможности изучения, не предусмотренные предыдущими методами [Hine, 2015b].

Т. Беллсторф считает концепцию цифрового особой техникой исследования, которая позволяет обращаться к виртуальному исследованию в его собственных терминах [Boellstorff, 2020]. В книге «Конец виртуального: цифровые методы» Р. Роджерс разграничивает понятия виртуального и цифрового на уровне методов исследования, которые они предполагают [Rogers, 2009]. Если виртуальные методы предполагают адаптацию традиционного этнографического инструментария к онлайн-среде, то цифровые методы больше сосредоточены на специфических особенностях и возможностях цифровой среды. Предполагается, что цифровая этнография может выходить за рамки изучения виртуальных культур, например, диагностировать социальные и культурные изменения через Интернет. Представляя общество через сеть, цифровая этнография анализирует то, как цифровой сеттинг структурирует потоки информации и коммуникации, что дает более широкий фокус исследования, нежели виртуальная этнография. Таким образом, по мнению Р. Роджерса, необходим не столько перенос традиционных методов в цифровую среду, сколько разработка цифровых методов, предполагающих новый способ осмысления и измерения цифровых феноменов [Rogers, 2013].

Цифровая этнография актуализирует существенные изменения, которые претерпевает сама цифровая среда. Большинство онлайн-взаимодействий в настоящее время происходит на «жидких» мета-полях, таких как лента новостей или поиск по заданным ключевым словам и хэштегам в социальных сетях [Airoldi, 2018]. В результате перед исследователем встает задача проинтерпретировать массивный по объему неорганизованный поток комментариев, лайков и ретвитов. Концептуальный заход через понятие цифрового дает возможность применения стратегии смешивания методов (mixed methods research) [Hine, 2015b]. Многие фрагменты онлайн-общения (сообщения, комментарии, лайки, хэштеги и пр.) архивируются в огромные массивы данных, которые имеют удобную форму для анализа количественными методами. В результате, помимо наблюдения за взаимодействиями в цифровой среде, исследователи сегодня все активнее обращаются к анализу такого архивного контента (см., напр.: [Akemi, Abdelnour, 2020; Laaksonen et al., 2014; Berthod et al., 2017; Cottica et al., 2020]).

Заключение. Развитие компьютерно-опосредованной коммуникации способствовало существенной методологической перестройке социологических и этнографических исследований. Наличие концептуальной неопределенности относительно принципов, процедур и результатов изучения цифровых контекстов способствовало формированию разнообразных подходов, выбор которых во многом будет определять логику исследования.

Виртуальная этнография остается актуальной для анализа социокультурных пересечений между онлайн- и офлайн-средами, позволяя связать взаимодействия внутри онлайн-сообществ с более широким офлайн-контекстом. Этнография виртуальных миров сегодня реализуется преимущественно в исследованиях специфических контекстов, таких как многопользовательские компьютерные игры, которые не имеют значимых пересечений с офлайн-пространством. С переходом от виртуальной к цифровой этнографии методология все больше опирается на программное обеспечение и цифровые инструменты. Концептуализация, которую предлагает цифровая этнография, встраивается в современные исследования как относительно «устойчивых» по своей форме онлайн-площадок, так и «жидких» мета-полей: стримов, хэштегов, поисковых запросов и пр.

Несмотря на разнообразие принципов, задач и методологических приспособлений, виртуальные подходы (преимущественно виртуальная этнография) и цифровая этнография могут использоваться совместно в социологических исследованиях. Рассматривая виртуальность как отдельную составляющую цифровой этнографии, исследователи конструируют комплексные методологические стратегии, в которых каждый из подходов может быть направлен на решение разных задач (см., напр.: [Murthy, 2011; Bunce et al., 2018; Azarova et al., 2022]). Однако в полной мере это не снимает вопрос концептуальных противоречий между виртуальной и цифровой этнографией сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. Т. 3. № 13. С. 123–145. [Belorussova S. (2021) Cyberethnography: Methodology and Technology. *Ethnografia* [Ethnography]. Vol. 3. No. 13: 123–145. (In Russ.)] DOI: 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145.
- Колозариди П., Щетвина А., Соколова Е. Метод: цифровая этнография. 2018. URL: <http://mmbook-hse.ru/books/47/sections/558/> (дата обращения: 20.01.2022). [Kolozaridi P., Shchetvina A., Sokolova E. (2018) Method: Digital Ethnography. URL: <http://mmbook-hse.ru/books/47/sections/558/> (accessed 20.01.2022). (In Russ.)]
- Мясникова М.Л. Онлайн этнографический подход к исследованию интернет-сообществ: методологические разногласия и базовые принципы. Рецензия на книгу: Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Every day*. Bloomsbury Academic, 2015. 240 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 199–207. [Myasnikova M.L. (2017) Online Ethnographic Approach to the Study of Internet Communities: Methodological Differences and Basic Principles. Book review: Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Every day*. Bloomsbury Academic, 2015. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20. No. 1: 199–207. (In Russ.)] DOI: 10.31119/jssa.2017.20.1.13.
- Abidin C., de Seta G. (2020) Private Messages From the Field: Confessions on Digital Ethnography and its Discomforts. *Journal of Digital Social Research*. Vol. 2. No. 1: 1–19. DOI: 10.33621/jdsr.v2i1.35.
- Airoldi M. (2018) Ethnography and the Digital Fields of Social Media. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 21. No. 6: 661–673. DOI: 10.1080/13645579.2018.1465622.
- Akemu O., Abdelnour S. (2020) Confronting the Digital: Doing Ethnography in Modern Organizational Settings. *Organizational Research Methods*. Vol. 23. No. 2: 296–321. DOI: 10.1177/1094428118791018.
- Andrejevic M. (2013) *Infoglut: How Too Much Information is Changing the Way We Think and Know*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203075319.
- Azarova M., Hazoglou M., Aronoff-Spencer E. (2022) Just Slack It: A Study of Multidisciplinary Teamwork Based on Ethnography and Data from Online Collaborative Software. *New Media & Society*. Vol. 24. No. 6: 1435–1458. DOI: 10.1177/1461444820975723.
- Baym N. (2000) *Tune in Log on: Soaps, Fandom, and Online Community*. Thousand Oaks: Sage. DOI: 10.4135/9781452204710.
- Bell D. (2001) *An Introduction to Cybercultures*. London: Routledge.
- Bengtsson S. (2014) Faraway, so Close! Proximity and Distance in Ethnography Online. *Media, Culture & Society*. Vol. 36. No. 6: 862–877. DOI: 10.1177/0163443714531195.
- Beneito-Montagut R. (2011) Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet. *Qualitative Research*. Vol. 11. No. 6: 716–735. DOI: 10.1177/1468794111413368.
- Berthod O., Grothe-Hammer M., Sydow J. (2017) Network Ethnography: A Mixed-method Approach for the Study of Practices in Interorganizational Settings. *Organizational Research Methods*. Vol. 20. No. 2: 299–323. DOI: 10.1177/1094428116633872.
- Boellstorff T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. New York: Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctvc77h1s.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.L. (2012) *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.cttq9s20.
- Boellstorff T. (2020) Rethinking Digital Anthropology. In: Horst H.A., Miller D. (eds) *Digital Anthropology*. London: Routledge: 39–61. DOI: 10.4324/9781003085201.
- Bunce M., Wright K., Scott M. (2018) 'Our Newsroom in the Cloud': Slack, Virtual Newsrooms and Journalistic Practice. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 9: 3381–3399. DOI: 10.1177/1461444817748955.
- Caliandro A. (2014) Ethnography in Digital Spaces: Ethnography of Virtual Worlds, Netnography, and Digital Ethnography. In: Denny R., Sunderland P. (eds) *Handbook of Anthropology in Business*. New York: Routledge: 658–680. DOI: 10.4324/9781315427850.
- Caliandro A. (2018) Digital Methods for Ethnography: Analytical Concepts for Ethnographers Exploring Social Media Environments. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 47. No. 5: 551–578. DOI: 10.1177/0891241617702960.
- Cottica A., Hassoun A., Manca M., Vallet J., Melançon G. (2020) Semantic Social Networks: A Mixed Methods Approach to Digital Ethnography. *Field Methods*. Vol. 32. No. 3: 274–290. DOI: 10.1177/1525822X20908236.
- Dai R., Hu L. (2022) Inclusive Communications in COVID-19: A Virtual Ethnographic Study of Disability Support Network in China. *Disability & Society*. Vol. 37. No. 1: 3–21. DOI: 10.1080/09687599.2021.1933388.

- Domínguez D., Beaulieu A., Estalella A., Gómez E., Schnettler B., Read R. (2007) Virtual Ethnography. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.17169/fqs-8.3.274.
- Gabriels K., De Backer C.L.S. (2016) Virtual Gossip: How Gossip Regulates Moral Life in Virtual Worlds. *Computers in Human Behavior*. Vol. 63: 683–693. DOI: 10.1016/j.chb.2016.05.065.
- Garcia A.C., Standlee A.I., Bechkoff J., Cui Y. (2009) Ethnographic Approaches to the Internet and Computer Mediated Communication. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 38. No. 1: 52–84. DOI: 10.1177/0891241607310839.
- Gobo G. (2008) *Doing Ethnography*. Los Angeles: Sage. DOI: 10.4135/9780857028976.
- Feldon D.F., Kafai Y.B. (2008) Mixed Methods for Mixed Reality: Understanding Users' Avatar Activities in Virtual Worlds. *Education Tech Research Dev*. No. 56: 575–593. DOI: 10.1007/s11423-007-9081-2.
- Hallett R.E., Barber K. (2014) Ethnographic Research in a Cyber Era. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 43. No. 3: 306–330. DOI: 10.1177/0891241613497749.
- Hampton K.N. (2017) Studying the Digital: Directions and Challenges for Digital Methods. *Annual Review of Sociology*. Vol. 43: 167–188. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053505.
- Hine C. (2000) *Virtual Ethnography*. London: Sage. DOI: 10.4135/9780857020277.
- Hine C. (2011) Towards Ethnography of Television on the Internet: A Mobile Strategy for Exploring Mundane Interpretive Activities. *Media, Culture & Society*. Vol. 33. No. 4: 567–582. DOI: 10.1177/0163443711401940.
- Hine C. (2015a) *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury Publishing. DOI: 10.4324/9781003085348.
- Hine C. (2015b) Mixed Methods and Multimodal Research and Internet Technologies. In: Hesse-Biber S.N., Johnson R.B. (eds) *The Oxford Handbook of Multimethod and Mixed Methods Research Inquiry*. New York: Oxford University Press: 503–521. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199933624.001.0001.
- Hjorth L., Horst H., Galloway A., Bell G. (2016) *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315673974.
- Kozinets R.V. (2010) *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London: Sage.
- Laaksonen S.M., Nelimarkka M., Tuokko M., Marttila M., Kekkonen A., Villi M. (2017) Working the Fields of Big Data: Using Big-Data-Augmented Online Ethnography to Study Candidate–Candidate Interaction at Election Time. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 14. No. 2: 110–131. DOI: 10.1080/19331681.2016.1266981.
- Marcus G.E. (1995) Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 24: 95–117. DOI: 10.1146/annurev.an.24.100195.000523.
- Markham A.N. (1998) *Life Online: Researching Real Experience in Virtual Space*. Walnut Creek: Altamira Press.
- Murthy D. (2008) Digital Ethnography: An Examination of the Use of New Technologies for Social Research. *Sociology*. Vol. 42. No. 5: 837–855. DOI: 10.1177/0038038508094565.
- Murthy D. (2011) Emergent Digital Ethnographic Methods for Social Research. In: Hesse-Biber S.N. (ed.) *The Handbook of Emergent Technologies in Social Research*. New York: Oxford University Press: 158–180.
- Nardi B.A. (2010) *My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft*. University of Michigan Press. DOI: 10.3998/toi.8008655.0001.001.
- Pearce C. (2009) *Communities of Play: Emergent Cultures in Online Games and Virtual World*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/8039.001.0001.
- Postill J. (2008) Localizing the Internet beyond Communities and Networks. *New Media & Society*. Vol. 10. No. 3: 413–431. DOI: 10.1177/1461444808089416.
- Rogers R. (2009) *The End of the Virtual: Digital Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: 10.5117/9789056295936.
- Rogers R. (2013) *Digital Methods*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/8718.001.0001.
- Taylor T.L. (2006) *Play between Worlds: Exploring Online Game Culture*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/5418.001.0001.
- Turkle S. (1997) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster.
- Zani B. (2021) Shall WeChat? Switching between Online and Offline Ethnography. *Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 152. No. 1: 52–75. DOI: 10.1177/07591063211040229.

Статья поступила: 11.05.22. Финальная версия: 08.09.22. Принята к публикации: 10.12.22.

FROM VIRTUAL TO DIGITAL RESEARCH: METHODOLOGICAL PROMISES AND LIMITATIONS OF APPROACHES

BARKHATOVA L.A.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Larisa A. BARKHATOVA, Lecturer, Department of Sociological Research Methods, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (lbarhatova@hse.ru).

Abstract. The article analyzes the methodological promises and limitations of virtual ethnographic approaches. It is shown how the redefinition of ethnography's basic concepts for online contexts is reflected in their methodological tools. Based on approaches of virtual ethnography and ethnography of virtual worlds, which become a starting point for researchers in the study of the virtual, the paper discusses principles and procedures for implementing ethnography in the online space. We highlight the differences in how each of the approaches interprets and analyzes the offline context, as well as how specific features of the online environment are considered. As a part of criticism, the article discusses relationship between the concepts of virtual and digital demonstrating why the concept of digital is more relevant for describing recent online contexts.

Keywords: virtual ethnography, ethnography of virtual worlds, virtual reality, digital ethnography, online communities.

Received: 11.05.22. Final version: 08.09.22. Accepted: 10.12.22.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

С.В. ДОРОШЕНКО, О.В. САНАЕВА

ВЛИЯНИЕ ЗАКРЕДИТОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА УРОВЕНЬ СУИЦИДОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

ДОРОШЕНКО Светлана Викторовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором исследований адаптации региональных систем; профессор кафедры экономики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (doroshenkos@mail.ru); САНАЕВА Ольга Владимировна – младший научный сотрудник (olg.sanaev@yandex.ru). Обе – Институт экономики УРО РАН, Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Для регрессионного анализа взаимосвязи финансово-экономических факторов и уровня самоубийств в российских регионах использовались панельные данные по 80-ти регионам России за 2005(2010)–2020 гг. Обнаружено, что объем задолженности населения по кредитам и уровень закредитованности в целом снижают уровень самоубийств в регионах. Более точно, между объемом просроченной задолженности по ипотечным кредитам и количеством самоубийств обнаружена U-образная зависимость: начальный рост просроченной задолженности снижает число самоубийств, а дальнейшее ее увеличение приводит уже к их росту. Определены пороговые значения просроченной задолженности для всего населения, а также городского и сельского. Установлено, что анализируемые факторы в большей мере оказывают влияние на уровень самоубийств среди сельского населения, чем среди городского.

Ключевые слова: самоубийство • просроченная задолженность • кредитование • девиантное поведение

DOI: 10.31857/S013216250021515-9

Суицид – наряду с преступностью, проституцией, наркоманией, игроманией, алкоголизмом и токсикоманией – относится к основным формам девиантного поведения. Это – крайнее проявление дезадаптации человека в окружающем мире, полного разрушения самосохранительной стратегии жизнедеятельности. Самоубийства считаются одной из основных причин смерти, влекущих за собой серьезные демографические потери, поскольку часто затрагивают трудоспособное население. Россия, несмотря на ежегодное снижение показателя, по данным ВОЗ, в 2019 г. находилась на девятом месте международного рейтинга по числу самоубийств¹. Поэтому самоубийства признаны одной из серьезных проблем национального развития, так что выявление их детерминант имеет высокое научное и практически-прикладное значение.

Исследование проводится в рамках темы плана НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

¹ World Health Statistics data visualizations dashboard. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.sdg.3-4-data?lang=en> (дата обращения: 02.04.2022).

Финансово-экономические факторы самоубийств. Одним из факторов, существенно влияющих на уровень удовлетворённости жизнью, является благосостояние [Ohtake, 2012]. Доказывается (см., напр.: [Abel, Kruger, 2005; Emamgholipour et al., 2021; Machado et al., 2015]), что увеличение доходов домохозяйств снижает уровень самоубийств. В этой связи надо обратить внимание на то, что в современном мире набирает популярность институт кредитования для поддержания и увеличения уровня потребления населения. С одной стороны, возможность взять кредит можно считать благом, улучшающим качество жизни. С другой – при чрезмерной задолженности кредитование может превратиться в антиблаго, повышающее уровень эмоциональной напряженности, что может спровоцировать суицидальное поведение.

Безусловно, на решение совершить самоубийство оказывают влияние различные экзогенные и эндогенные факторы (возраст, уровень жизни, заболевания и др.), но чаще всего данный процесс характеризуется совокупностью психопатологических симптомов [Newman et al., 2022]. К группе высокого риска самоубийств специалисты чаще относят одиноких (разведенных) людей, больных алкогольными и психологическими расстройствами, а также лиц с чрезмерной трудовой нагрузкой [Rojas, Stenberg, 2016; Andrés et al., 2010; Merzagora et al., 2016; Разводовский, 2018; García-Rivera et al., 2021; Lin et al., 2020; Коротков и др., 2020]. Наличие финансово-экономических проблем – безработица, отсутствие постоянного дохода, чрезмерная долговая нагрузка – в сочетании с вышеперечисленными признаками могут усугубить ситуацию. За рубежом исследования на темы выявления подобных взаимосвязей проводятся систематически и в большом количестве [Дорошенко, Санаева, 2022]. Отметим некоторые результаты.

О влиянии общего уровня экономического развития на самоубийства нет единого мнения. Так, в работе [Zilidis et al., 2020] обнаружена *обратная* корреляция между переменными ВВП и уровнем самоубийств. Однако другими исследователями выявлено, что в обществах с относительно высоким ВВП на душу населения и уровнем счастья, как правило, наблюдается самый высокий уровень самоубийств по причине сравнительной оценки своего дохода или благополучия относительно других сограждан [Daly et al., 2011]. *Положительное* влияние размеров ВВП на суициды было обнаружено и в работах [Rottmann, 2014; Noh, 2009].

Относительно долговых проблем, например, в работе [Bøe et al., 2021] обнаружено, что студенты, испытывающие финансовые трудности, больше подвержены попыткам самоубийства, чем их не имеющие (3,1% против 0,5%). На уровень самоубийств может оказывать влияние и просроченная задолженность. В исследовании [Reeves et al., 2015] показано, что увеличение просроченной задолженности (включая ипотеку, арендную плату, коммунальные платежи и покупки в кредит) на 1% приводит к росту самоубийств на 0,54%. При этом наибольшую угрозу несут последствия выселения: те, кто потерял законное право на свое жилище, примерно в четыре раза чаще совершали самоубийства [Rojas, Stenberg, 2016]. Важно отметить, что риск самоубийства увеличивался при длительном нахождении в процессе выселения [Mateo-Rodríguez et al., 2019]. Следовательно, этот эффект имеет еще и накопительный характер.

Проблема финансовой задолженности более остра для сельского населения. В частности, на примере Индии обнаружен высокий уровень суицидов среди фермеров из-за невозможности погашения кредитов по причине засухи и гибели урожая [Srivanth, Sundaram, 2019].

Ранее нами проводилась оценка влияния кредитной задолженности на самоубийства в регионах России с использованием системного обобщенного метода моментов [Дорошенко, Санаева, 2021], которая выявила значимость модельной переменной задолженности, но показала обратную взаимосвязь с числом самоубийств. Следует отметить, что в нашей стране подобных исследований практически не проводится.

В рамках нового исследования мы, во-первых, оценили три зависимые переменные, добавив просроченную задолженность и закредитованность (соотношение долга

к доходам); во-вторых, применили другой метод оценки и добавили новые регрессоры. Это позволило получить новые результаты.

Информационная база и методология. В работе использованы панельные данные 2005(2010)–2020 гг. по 80-ти субъектам РФ². В качестве зависимых переменных использовались число совершенных самоубийств на 100 тыс. населения в регионе в целом, а также отдельно среди сельского и городского населения.

В моделях фигурировали три объясняющие переменные: объем задолженности физических лиц по кредитам; объем просроченной задолженности физических лиц по ипотечным кредитам; соотношение среднедушевого долга по банковским кредитам к среднедушевым годовым доходам. Все переменные приведены к численности экономически активного населения (ЭАН), а также пересчитаны с учетом межрегионального индекса цен³.

При анализе проверялись следующие гипотезы: рост просроченной задолженности увеличивает уровень самоубийств в регионах России; просроченная задолженность оказывает наибольшее влияние на уровень самоубийств среди сельского населения в регионах России.

Акцент в настоящем исследовании сделан на установлении зависимости самоубийств именно от объема *просроченной* задолженности, а не только *общего* уровня задолженности, как в предыдущей работе [Дорошенко, Санаева, 2021]. Первая гипотеза сформулирована с учетом ранее полученных результатов зарубежных исследователей, в большинстве работ которых выявлена положительная зависимость числа суицидов от объема просроченной задолженности населения разных стран. Вторая гипотеза дополнительно

Таблица 1

Описание объясняющих и контрольных переменных

Обозначение в модели	Описание переменной, единицы измерения
Объясняющие переменные	
Debt	Объем задолженности физических лиц по кредитам на 1000 человек ЭАН в регионе (с учетом межрегионального индекса цен), млн руб.
Overdue_debt	Объем просроченной задолженности физических лиц по ипотечным кредитам на 1000 человек ЭАН в регионе (с учетом межрегионального индекса цен), млн руб.
Debt_burden	Соотношение среднедушевого долга по банковским кредитам экономически активного населения к среднедушевым годовым доходам (с учетом межрегионального индекса цен), доля
Контрольные переменные	
GRP	ВРП в ценах базового года (с учетом межрегионального индекса цен) к численности населения, руб.
Time_work	Средняя фактическая продолжительность рабочей недели занятого населения, час
Alco	Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза (человек на 100 тыс. населения), чел.
Psych	Доля пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях, от общего числа лиц с заболеваемостью психического расстройства и расстройствами поведения, %
Divorce	Коэффициент разводимости на 1000 человек населения, чел.
Unem_rate	Уровень безработицы в среднем за год, %

² Исключены Республика Крым, г. Севастополь, Чеченская Республика, у которых отсутствует ряд показателей за период, а также Москва и Санкт-Петербург, которые выпадают при анализе сельского населения.

³ Данные взяты из открытых официальных источников, размещенных на сайтах ЕМИСС (<https://fedstat.ru/>) и Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>; <https://gks.ru/>).

Таблица 2

Результаты оценки методом фиксированных эффектов с расчетом ошибок методом Дрисколла-Края

Переменные	Число совершенных самоубийств на 100 тыс. населения в регионе, чел.							
	всего	среди городского населения	среди сельского населения	всего	среди городского населения	среди сельского населения	всего	среди городского населения
Debt	-0.048*** [0.016]	-0.043*** [0.01]	-0.065** [0.030]	-8.729*** [1.860]	-4.072** [1.586]	-12.592*** [2.326]	-20.616*** [5.564]	-20.881** [8.316]
Overdue_debt				2.476*** [0.467]	1.329*** [0.407]	3.321*** [0.611]		
Overdue_debt^2								
Debt_burden								
Unem_rate	-0.095 [0.114]	-0.106 [0.092]	-0.193 [0.184]	-0.007 [0.070]	-0.035 [0.058]	0.048 [0.091]	-0.130 [0.111]	-0.238 [0.176]
Time_work	0.855*** [0.285]	0.514** [0.226]	-21.258** [8.264]	-18.893* [9.686]	0.421 [0.386]	-42.360*** [10.318]	0.776** [0.279]	-19.988** [7.233]
Time_work^2				0.265* [0.126]		0.584*** [0.142]		0.282** [0.098]
Divorce	1.164* [0.648]	0.264 [0.447]	2.787** [1.234]	2.521*** [0.648]	1.780** [0.562]	4.608*** [1.363]	1.987** [0.771]	3.750** [1.414]
Psych	-11.387** [4.427]	-6.151* [3.059]	-17.628** [7.508]	-6.501** [3.108]	-2.528 [4.828]	-10.463** [4.950]	-8.737* [4.508]	-14.604* [7.210]
Log (GRP)	10.987*** [2.829]	7.033** [2.478]	14.951*** [4.423]	6.751** [2.199]	2.472* [1.226]	10.221** [3.205]	10.459*** [2.779]	14.375*** [4.041]
Alco	0.021*** [0.003]	0.006* [0.003]	0.044*** [0.009]	0.027*** [0.007]	0.015 [0.01]	0.050** [0.022]	0.029*** [0.004]	0.056*** [0.008]
Фиксированные эффекты времени	да	да	да	да	да	да	да	да
Фиксированные эффекты субъектов Российской Федерации	да	да	да	да	да	да	да	да

Окончание таблицы 2

Переменные	Число совершенных самоубийств на 100 тыс. населения в регионе, чел.									
	всего	среди городского населения	среди сельского населения	всего	среди городского населения	среди сельского населения	всего	среди городского населения	среди сельского населения	
Константа	-132.734*** [31.758]	-74.305** [30.814]	233.269 [184.892]	-167.041* [87.661]	-32.847 [36.619]	657.797*** [181.81]	-128.730*** [30.3]	-71.361** [31.121]	211.757 [162.850]	
Количество наблюдений	1261	1262	1262	877	877	877	1261	1262	1262	
R-квадрат	0.65	0.63	0.60	0.55	0.47	0.50	0.66	0.63	0.60	
Тест на U-образную зависимость										
Экстремум продолжительности рабочей недели	–	–	35.35***	35.61*	–	36.29***	–	–	35.39**	
Экстремум просроченной задолженности по ипотечным кредитам	–	–	–	1.76***	1.54**	1.9***	–	–	–	

Примечание. *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

основана на анализе уровня самоубийств среди сельского населения, который выше городского в большинстве стран мира, включая Россию.

Для оценки влияния закредитованности на уровень самоубийств в регионах России использовались регрессионные модели. Предварительная проверка данных на пространственную зависимость с применением теста CD [Pesaran, 2004] подтвердила ее наличие. Поэтому была использована непараметрическая ковариационная матричная оценка, предложенная Дрисколлом и Краем [Driscoll, Kraay, 1998]. Результаты оценки методом фиксированных эффектов с расчетом стандартных ошибок методом Дрисколла-Края и пороговые значения переменных (экстремумы), полученные с помощью теста на U-образную зависимость (utest), представлены в таблице. Помимо фиксированных эффектов регионов в моделях учтены фиксированные эффекты времени. Все модели оценены с использованием программы STATA 14. Условные обозначения даны в табл. 1, а результаты оценки – в табл. 2.

Интерпретация результатов. Анализ выявил отрицательное влияние объема задолженности населения по кредитам на число самоубийств в российских регионах, а также среди сельского и городского населения. Следовательно, задолженность по кредиту не является триггером самоубийств в России, а в определенной мере даже способствует их снижению. Это связано, видимо, во-первых, с существенно более низким уровнем задолженности населения России по сравнению с другими странами, так что давление кредитной нагрузки на россиян еще относительно невелико. Во-вторых, по данным

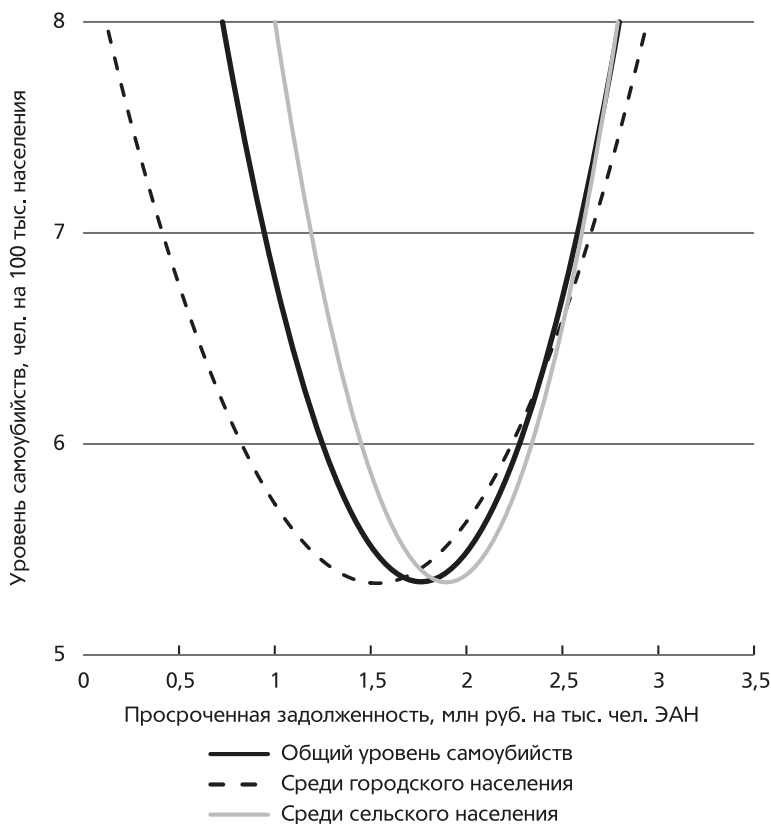

Рис. Зависимость между объемом просроченных кредитов (млн руб. на человека) и количеством самоубийств на основе коэффициентов регрессии

опроса Всемирного банка, с помощью кредитов 58% населения повышает качество и уровень жизни⁴, осуществляя тем самым выбор в пользу стратегии самосохранительного поведения.

Уровень закредитованности населения также отрицательно влияет на число самоубийств. Увеличение уровня закредитованности населения на 1% приводит к сокращению числа самоубийств в регионах на 20,61 случая на 100 тыс. населения. При этом изменение уровня закредитованности на 1% сильнее снижает уровень самоубийств среди сельского населения (20,88 случая на 100 тыс. населения), слабее – для городского (15,39 случая на 100 тыс. населения).

Очень важно, что между переменной объема просроченной задолженности по ипотечным кредитам и числом самоубийств среди населения в целом, а также среди сельского и городского населения обнаружена U-образная зависимость. Это значит, что первоначальный рост просроченной задолженности снижает число самоубийств, а дальнейшее ее увеличение приводит к их росту (рис.). Действительно, именно наличие просроченной задолженности характеризуется возникновением финансовых трудностей, сопровождающихся стрессом, ощущением безвыходности, что может привести к суицидальному поведению.

Однако почему наблюдается первоначальный снижающий эффект? Для ответа обратимся к некоторым результатам современных исследований. Между переменными уровня стресса и желанием совершить самоубийство возможна не всегда строго монотонная взаимосвязь, как считалось ранее. Автор работы [Jeong, 2021] приходит к выводу, что лица, ранее не испытывавшие стресс, более подвержены самоубийствам при возникновении проблем, чем те, кто переживал его ранее. Умеренный уровень стресса для человека выступает своеобразной «закалкой», что в последующем снижает поведенческую и физиологическую реакцию организма при возникновении тревоги [Liu, 2015]. В научной литературе данное понятие получило название гипотезы «прививки от стресса» (stress-inoculation hypothesis) [Edge et al., 2009]. Просроченная задолженность населения по ипотечным кредитам связана со стрессовой ситуацией, поскольку помимо тревоги за себя люди могут испытывать тревогу за своих близких. Часто ипотечные кредиты приобретают семейные пары, и последствия просроченной задолженности могут затронуть всех членов семьи (например, привести к выселению). Но забота о близких также мотивирует человека искать выход из сложившейся ситуации.

Пороговое значение объема просроченной задолженности, при котором происходит увеличение числа самоубийств среди всего населения региона, составляет 1,76 млн руб. в расчете на 1000 человек экономически активного населения (ЭАН) в регионе. Для городского и сельского населения России этот показатель составляет 1,54 млн и 1,9 млн руб. соответственно. Почему значение порога оказалось выше для сельского населения? Вероятно, это связано с более низкой финансовой грамотностью сельчан, а также с недопониманием ими процедуры банкротства, в отличие от горожан, которые имеют возможность своевременно обратиться за юридической помощью по этому вопросу. Кроме того, распространение неофициального трудоустройства в сельской местности, расчета наличностью снижает банковский контроль, поскольку банк не может списать просроченные долги с зарплатной карты. В результате должник не ощущает опасности, напротив, набирает новые долги, надеясь как-то погасить уже просроченные задолженности. Все это приводит к увеличению объема просроченной задолженности в целом по региону.

Значения коэффициентов регрессии (табл. 2) при переменных объема просроченной задолженности и просроченной задолженности в квадрате выше в модели для сельского населения, что наглядно отражено и на рисунке – наклон графика (3) круче, чем

⁴ Закредитованность населения в России. Всемирный банк. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/498421584539677295/pdf/Household-Over-Indebtedness-in-Russia.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

графика (2). На однопроцентное изменение объема просроченной задолженности сильнее реагирует переменная суицидов среди сельчан. При увеличении просроченной задолженности, превышающей пороговые значения, наблюдается рост уровня самоубийств среди сельского населения на 3,3 случая на 100 тыс. населения, а для городского – на 1,3 случая.

Таким образом, значение точки экстремума и влияния просроченной задолженности выше для сельского населения, что полностью подтверждает нашу вторую гипотезу. Первая же гипотеза подтверждается только частично.

Относительно влияния других переменных выявлено следующее.

Переменная безработицы не оказала влияния на уровень самоубийств во всех моделях. Заметим, что в работе [Miller et al., 2022] обнаружено: безработица является фактором риска только для женщин в возрасте 15–29 лет и мужчин в возрасте 55–69 лет. Допускаем, что неразделение зависимой переменной по возрастным группам может являться одной из причин незначимости безработицы.

Как видно из результатов моделирования, фактическая продолжительность рабочей недели оказывает различное влияние на уровень самоубийств. Увеличение продолжительности рабочего времени приводит к росту числа самоубийств в целом среди населения, а также среди городского населения регионов. Лишь в одной модели выявлена U-образная зависимость между рабочим временем и количеством самоубийств. Однако однозначно обнаружена U-образная зависимость между уровнем самоубийств среди сельского населения и фактической продолжительностью рабочей недели. Таким образом, увеличение продолжительности рабочего времени снижает число самоубийств в регионе среди сельского населения, но дальнейшее увеличение показателя, наоборот, приводит к росту показателя самоубийств. Пороговое значение продолжительности рабочей недели, приводящее к росту самоубийств среди сельского населения, равно 35,35–36,29 часа в неделю. При включении в модель переменной просроченной задолженности населения пороговое значение рабочего времени стало выше (36,29 часа) по сравнению с моделями, содержащими переменные задолженности по кредитам и кредитной нагрузке (35,35–35,39 часа). Наличие просроченной задолженности у населения «отодвигает» пороговое значение продолжительности рабочей недели в большую сторону. Это вполне логично, поскольку увеличение рабочего времени является одним из способов увеличения дохода, необходимого для погашения просроченной задолженности. Однако по результатам всех моделей очевидно, что чрезмерная трудовая нагрузка является одним из предикторов суицида.

Увеличение коэффициента разводов также приводит к росту уровня самоубийств. Одним из возможных механизмов данного влияния может выступать то, что брак обеспечивает определенную защиту от самоубийства благодаря социальной и эмоциональной стабильности. Но лишь в одной модели переменная влияет на уровень самоубийств среди городского населения. Возможно, влияние института семьи в городе слабее, чем среди сельского населения.

Переменная доли пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, оказывает отрицательное влияние на число самоубийств. Таким образом, увеличение контроля и профилактики над лицами с психическими расстройствами снижает уровень самоубийств в регионах. На число самоубийств среди городского населения переменная оказывает значимое влияние лишь в одной модели. Возможно, это обусловлено более распространенной в городах практикой обращения за помощью в лечебные организации, где таковые существуют в достаточном количестве. Помимо этого, городская среда характеризуется большей конфиденциальностью относительно лиц, страдающих психическими расстройствами, что в итоге снижает вероятность их стигматизации.

ВРП на душу населения положительно влияет на уровень самоубийств почти во всех моделях. В 22-х регионах показатель ВРП на душу населения в два раза меньше среднероссийского уровня. Следовательно, однопроцентное изменение ВРП будет обусловлено улучшением показателя лишь в небольшой части регионов, в то время как в большей

части регионов существенных изменений не будет, что в итоге создаст еще больший разрыв между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами по уровню экономического развития. Логика положительного влияния ВРП на уровень самоубийств при растущем неравенстве в экономическом развитии соответствует результатам исследований о счастье, которое больше зависит от ощущения относительного дохода, чем от абсолютного [Easterlin, 2001; Stutzer, 2004]. Еще Дюркгейм писал, что доход имеет тенденцию увеличивать фактическую и воспринимаемую независимость, следовательно, уменьшая семейную и социальную интеграцию индивидуума [Durkheim, 2005]. Улучшение благосостояния повышает ожидания от будущего, что приводит к большему разочарованию при столкновении с кризисом. Эти идеи присутствуют в работе Дюркгейма об аномическом самоубийстве, где говорится, что «бедность защищает от самоубийства, потому что она сама по себе является сдерживающим фактором».

Увеличение заболеваемости алкоголизмом приводит к росту числа самоубийств в регионе в целом, а также среди сельского и городского населения. Однако наибольшее влияние эта переменная оказывает на уровень самоубийств среди сельского населения. Возможно, это связано с тем, что проблема алкоголизма наиболее остра для сельской местности.

Выводы. Таким образом, в ходе оценки полностью подтвердилась только вторая гипотеза: просроченная задолженность оказывает наибольшее влияние на уровень самоубийств среди сельского населения. Первая же гипотеза нашла частичное подтверждение: лишь при объеме просроченной задолженности в регионе свыше примерно 1,8 млн руб. на заемщика (в городах чуть ниже, в селах чуть выше) обнаружено прямое влияние на уровень самоубийств.

Общее отрицательное влияние объема задолженности физических лиц и уровня закредитованности на число самоубийств означает, что долговые проблемы не являются триггером суицидального поведения для граждан регионов России. Возможно, сформированная и сберегаемая система традиционных ценностей смягчает бремя кредитной нагрузки.

Полученные результаты еще раз подтвердили необходимость учета национальных различий при межстрановом анализе суицидальной ситуации. Они могут быть практически полезны при формировании мероприятий социально-экономической политики, направленных на снижение уровня самоубийств в российских регионах как среди городского, так и, особенно, среди сельского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Дорошенко С.В., Санаева О.В. Метод структурного тематического моделирования в исследованиях взаимосвязи между финансовой задолженностью и суицидами // Суицидология. 2022. Т. 13. № 1. С. 74–87. [Doroshenko S.V., Sanaeva O.V. (2022) Structural topic modeling in studies of the relationship between financial debt and suicide. *Suicidologiya* [Suicidology]. Vol. 13. No. 1: 74–87. (In Russ.)]
- Дорошенко С.В., Санаева О.В. Оценка влияния долговой нагрузки на число самоубийств в регионах России // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 97–117. [Doroshenko S.V., Sanaeva O.V. (2021) The Impact of Debt Burden on the Number of Suicides in the Russian Regions. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 17. No. 4: 97–117. (In Russ.)]
- Коротков П.А., Трубянов А.Б., Загайнова Е.А. Частота самоубийств и продолжительность рабочего времени в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 51–64. [Korotkov P.A., Trubyanov A.B., Zagaynova E.A. (2020) Suicide rate and working hours in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 51–64. (In Russ.)]
- Разводовский Ю.Е. Алкоголь как фактор гендерного градиента уровня суицидов в России // Суицидология. 2018. Т. 9. № 2. С. 99–103. [Razvodovsky Y.E. (2018) Alcohol as a factor of the gender gradient of the level of suicides in Russia. *Suicidologiya* [Suicidology]. Vol. 9. No. 2: 99–103. (In Russ.)]
- Abel E.L., Kruger M.L. (2005) Educational Attainment and Suicide Rates in the United States. *Psychological Reports*. Vol. 97. No. 1: 25–28.

- Andrés A.R., Collings S., Qin P. (2010) Sex-specific impact of socio-economic factors on suicide risk: a population-based case-control study in Denmark. *European journal of public health*. Vol. 20. No. 3: 265–270.
- Bøe T., Hysing M., Lønning K.J., Sivertsen B. (2021) Financial difficulties and student health: Results from a National Cross-Sectional Survey of Norwegian college and university students. *Mental Health and Prevention*. No. 21: 200196.
- Daly M.C., Oswald A.J., Wilson D., Stephen W. (2011) Dark Contrasts: the Paradox of High Rates of Suicide in Happy Places. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 80. No. 3: 435–442.
- Driscoll J.C., Kraay A.C. (1998) Consistent Covariance Matrix Estimation with Spatially Dependent Panel Data. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 80. No. 4: 549–560.
- Durkheim E. (2005) *Suicide: A study in sociology*. London: Routledge.
- Easterlin R.A. (2001) Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*. Vol. 111. No. 473: 465–484.
- Edge M.D., Ramel W., Drabant E.M., Kuo J.R., Parker K.J., Gross J.J. (2009) For better or worse? Stress inoculation effects for implicit but not explicit anxiety. *Depression and anxiety*. Vol. 26. No. 9: 831–837.
- Emamgholipour S., Arab M., Shirani R. (2021) Socioeconomic Determinants of Suicide in Iran: Panel Data Study. *Iran J Public Health*. Vol. 50. No. 11: 2309–2316.
- García-Rivera B.R., García-Alcaraz J.L., Mendoza-Martínez I.A., Olguin-Tiznado J.E., García-Alcaráz P., Aranibar M.F., Camargo-Wilson C. (2021) Influence of CoViD-19 pandemic uncertainty in negative emotional states and resilience as mediators against suicide ideation, drug addiction and alcoholism. *International journal of environmental research and public health*. Vol. 18. No. 24: 12891.
- Jeong T. (2021) Do more stress and lower family economic status increase vulnerability to suicidal ideation? Evidence of a U-shaped relationship in a large cross-sectional sample of South Korean adolescents. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 4: e0250794.
- Lin W., Wang H., Gong L., Lai G., Zhao X., Ding H., Wang Y. (2020) Work stress, family stress, and suicide ideation: A cross-sectional survey among working women in Shenzhen, China. *Journal of affective disorders*. Vol. 277: 747–754.
- Liu R.T. (2015) A developmentally informed perspective on the relation between stress and psychopathology: when the problem with stress is that there is not enough. *Journal of abnormal psychology*. Vol. 124. No. 1: 80–92.
- Machado D.B., Rasella D., dos Santos D.N. (2015) Impact of Income Inequality and Other Social Determinants on Suicide Rate in Brazil. *PLoS ONE*. Vol. 10. No. 4: e0124934.
- Mateo-Rodríguez I., Miccoli L., Daponte-Codina A., Bolívar-Muñoz J., Escudero-Espinosa C., Fernández-Santaella M.C., Bernal-Solano M. (2019) Risk of suicide in households threatened with eviction: the role of banks and social support. *BMC public health*. Vol. 19. No. 1: 1–13.
- Miller M., Anderson-Luxford D., Mojica-Perez Y., Sjödin L., Room R., Jiang H. (2022) A time-series analysis of the association between alcohol and suicide in Australia. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 231: 109–203.
- Newman C., George R.P., Beitz T., Bergson Z., Zemon V. (2022) Mental health issues among international touring professionals in the music industry. *Journal of Psychiatric Research*. Vol. 145: 243–249.
- Noh Y.H. (2009) Does unemployment increase suicide rates? The OECD panel evidence. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 30. No. 4: 575–582.
- Ohtake F. (2012) Unemployment and happiness. *Japan Labor Review*. Vol. 9. No. 2: 59–74.
- Pesaran M.H. (2004) General Diagnostic Tests for Cross Section Dependence in Panels. *IZA Discussion Papers*. No. 1240. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=572504>.
- Rottmann H. (2014) Do unemployment benefits and employment protection influence suicide mortality? An international panel data analysis. *Weidener Diskussionspapiere*. № 42.
- Rojas Y., Stenberg S.Å. (2016) Evictions and suicide: a follow-up study of almost 22 000 Swedish households in the wake of the global financial crisis. *Journal Epidemiol Community Health*. Vol. 70. No. 4: 409–413.
- Sravanth K.R., Sundaram N. (2019) Agricultural Crisis and Farmers Suicides in India. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. Vol. 8. No. 11: 1576–1580.
- Stutzer A. (2004) The role of income aspirations in individual happiness. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 54. No. 1: 89–109.
- Zilidis C., Papagiannis D., Rachiotis G. (2020) Regional Variation and Socio-Economic Determinants of Suicide Mortality in Greece before and during Economic Crisis. *Applied Sciences*. Vol. 10. No. 17: 6117.

Статья поступила: 20.07.22. Финальная версия: 03.10.22. Принята к публикации: 04.10.22.

THE INFLUENCE OF THE POPULATION'S LENDING ON THE LEVEL OF SUICIDE IN THE RUSSIA REGIONS

DOROSHENKO S.V.^{***}, SANAIEVA O.V. ^{**}

**Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Russia; **Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia*

Svetlana V. DOROSHENKO, Dr. Sci. (Econ.), Associate Prof., Head of the Sector for Research on Adaptation of Regional Systems; Prof. of the Economics Department Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (doroshenkos@mail.ru); Olga V. SANAIEVA, Junior Researcher (olg.sanaev@yandex.ru). Both – Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia.

Acknowledgements. The research is carried out within the framework of the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023. 'Institutional models and factors of social and economic adaptation of the population of the region in the transition to dynamic development'.

Abstract. The study is devoted to the problem of assessing the relationship between financial and economic factors and the level of suicides in the Russian regions. We used panel data for 80 regions of Russia for the period 2005 (2010)–2020. We applied the Driscoll-Kraay standard error fixed effects method to solve cross-section dependence of data. The results showed that the volume of household debt on loans and the level of debt burden reduces the suicide rate in the regions. We found a U-shaped relationship between the overdue debt and the number of suicides in the general population, as well as in rural and urban populations. Consequently, the initial increase in overdue debt reduces the number of suicides, and its further increase leads to an increase in mortality. We also determined the extreme points of overdue debt for the entire population, as well as urban and rural. It has been established that the analyzed factors have a greater impact on the level of suicides among the rural population.

Keywords: suicide, debt, overdue debt, credit, deviant behavior, urban and rural population.

Received: 20.07.22. Final version: 03.10.22. Accepted: 04.10.22.

Ю.Ю. БЕЛОВА

ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: МОТИВЫ, РОЛИ, ПРАКТИКИ

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории политических исследований, научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ybelova@hse.ru).

Аннотация. По результатам анализа серии глубинных биографических интервью с трезвенниками раскрываются их социальные роли и практики, а также предпосылки отказа от алкоголя. Как носители соответствующего образа жизни, опрошенные типологизированы по критерию габитуса («естественные», «бывшие “культурно пьющие”», «бывшие алкоголезависимые»). Мотивы выбора трезвого образа жизни различаются по направленности накоплений личных и общественных капиталов («сохранение», «наращивание», «восполнение»). Раскрыты социальные роли в ситуациях потребления алкоголя на границе социокультурных полей («активная», «рациональная», «пассивная», «конформная», «протестная»). Они отражают практики поведения – «активного вмешательства», «рационального поведения», «пассивного соприсутствия», «конформного поведения», «протестного поведения».

Ключевые слова: трезвый образ жизни • трезвенники • трезвость • отказ от алкоголя • потребление алкоголя • глубинное интервью • биографическое интервью

DOI: 10.31857/S013216250022133-9

В России тренд отказа от алкоголя постепенно приобретает массовые и устойчивые формы. За десять лет с 2009 г. почти в два раза увеличилось число непьющих людей. В 2018 г. их доля составила 40% взрослого населения¹. Есть коллективные формы отказа от алкоголя – в стране насчитывается около 1000 сел, где возникли организованные практики ведения трезвого образа жизни². Примечательно, что эту идею поддерживают те, кто не является сторонником абсолютной трезвости [Зотова, 2018]. Изменяется и общественное восприятие людей, отказавшихся от алкоголя. Если в результатах исследований начала 2000-х гг. отмечалось, что «отношение к взрослым трезвенникам недоверчивое, подозрительное, а к трезвенникам среди молодежи, пожалуй, настороженное» [Позднякова и др., 2011], то в 2014 г. восприятие изменилось – большинство россиян относилось к ним положительно (43%), 9% – нейтрально, 3% – с восхищением, только 4% – отрицательно и с подозрением³.

В условиях сохраняющейся социальной нормативности потребления алкоголя и утверждающейся практики трезвого образа жизни целесообразным представляется

Исследование осуществлено в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (проект МК-6274.2018.6), 2018–2019 гг. и Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор благодарит коллектив лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ за комментарии.

¹ Безвредный алкоголь: миф или реальность? Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2018. 21 сентября: 3768. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9324> (дата обращения: 10.12.2022).

² Елков И., Скрипка А., Таюрский В. Трезвые. В России около тысячи деревень отказались от алкоголя. Российская газета-Неделя. 18 марта 2018: 7517 (54). URL: <https://rg.ru/2018/03/14/v-rossii-okolo-tysiachi-dereven-otkazalis-ot-alkogolia.html#> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Употребление алкоголя: привычки и предпочтения. Пресс-выпуск ФОМ. 31 марта 2014. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11431> (дата обращения: 26.05.2022).

типологический анализ структуры последнего. В задачи исследования входит поиск ответов на вопросы о том, какие типы трезвенников существуют, чем обусловлена их гетерогенность, в чем мотивы их выбора, через какие практики повседневности и социальные роли он реализуется. Уточним – речь идет о людях, жизненные траектории которых обусловили способ жизнедеятельности, где нет места алкоголю.

Обзор исследований практик отказа от алкоголя. В отечественной науке феномен отказа от алкоголя изучен слабо. Большинство работ посвящено истории коллективной борьбы за трезвость (см., напр.: [Афанасьев, 2007]). Актуализация коллективного отказа от алкоголя в современной России дала толчок развитию исследований: изучается опыт принятия коллективных решений отказа от алкоголя жителями сел и деревень [Зотова, 2018], производится социально-антропологический анализ деятельности сообществ трезвенников как ячеек, способствующих сохранению традиций коренных жителей Севера [Ярзуткина, 2016], анализируются социальные эффекты коллективных практик отказа от алкоголя [Жегусов, Лыткин, 2018].

Меняется и сам исследовательский подход. Так, если в 1990-е гг. трезвенничество считалось позитивной девиацией, а его сторонники позиционировались как социальные деприванты и носители специфических социальных черт [Горченко, 1992], то сегодня трезвый образ жизни видится как социальная норма [Зотова, 2018].

В зарубежной исследовательской традиции трезвость чаще всего рассматривается с позиции социально-психологических теорий. Распространены исследования, основанные на теории личности А. Бандуры (см., напр.: [Marlatt et al., 1997]); оценивается степень уверенности в отказе от алкоголя [Jongenelis et al., 2018], изучается, как саморегуляция влияет на такой выбор [Cho, 2007]. Концепция естественного восстановления (*англ.* natural recovery model) объясняет: сокращение проблемного потребления алкоголя в процессе взросления и усвоения новых социальных ролей [Lee, Sher, 2018]; отказ от алкоголя в результате волевых усилий без терапии [Malloch, Yates, 2010: 37–38]. Используется теория запланированного поведения Айзеня (*англ.* theory of planned behavior) при прогнозировании ухода от спиртного [Ajzen, 1991].

Социологический анализ социального поведения трезвенников сосредоточен на извлечении смыслов, которые вкладываются в воздержание от спиртного [Caluzzi et al., 2020b], выявлении субъективных мотивов и причин отказа от него [Rosansky et al., 2020], определении объективных факторов прекращения потребления [Chiappetta et al., 2014]. Показателен ряд работ, сфокусированных на типологических характеристиках отказа от алкоголя. Наиболее распространены сравнительные исследования, где трезвенники сопоставляются с сильно пьющими и малопьющими, либо с «бывшими» и «нынешними» любителями спиртного [Coombs et al., 1985; van Lettow et al., 2013]. В целом трезвенники, как правило, делятся на две основные группы – никогда не употреблявшие алкоголь («естественные») и имевшие соответствующий опыт, но прекратившие пить («бывшие пьющие») [Eward et al., 1986].

Отсутствием типологии трезвенников на фоне множества классификаций потребителей психоактивных веществ озабочился С. Эйнштейн [Einstein, 1981]. Однако по сей день этому уделяется немного внимания, и, как правило, трезвенники рассматриваются как гомогенная группа. Между тем поднимается дискуссия о смещении результатов исследований из-за объединения в одну группу «не пьющих всю жизнь» и «бывших пьющих» [Jarl et al., 2010]. Таким образом, типологический анализ повседневных практик малоизученной в России социальной группы – трезвенников – актуален и востребован.

Методология и методы исследования. Согласно П. Бурдьё, практика представляет собой не только действие агента, но и его структурную опосредованность. Она одновременно объективна и субъективна, а ее сущность состоит в различии – за что несет ответственность габитус [Bourdieu, 2005]. Таким образом, практики обусловлены индивидуальными навыками и обстоятельствами, формирующими отношение к алкоголю. Отсюда вытекает гипотеза – для трезвого образа жизни высока роль как условий взросления и социализации индивидов, так и субъективных возможностей реализации трезвеннических

практик. «Габитус является порождающим принципом объективно классифицируемых практик и одновременно системой классификации этих практик. Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус, – способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оценивать эти практики и эти продукты (вкус) – формируется представление о социальном мире или пространстве стилей жизни» [Бурдые, 2005: 26]. Предположим, что трезвенники как носители разных габитусов имеют и различные внешние условия, которые сформировали их образ и стиль жизни, объем и структуру капиталов, социальные роли, способствовали отказу от алкоголя. Образ жизни «возникает в результате реализации и последующей объективации тех или иных способов или стилей жизни» [Возьмитель, 2003: 72]. Таким образом, можно сказать, что жизнь без спиртного дифференцирована стилями жизни, которые образуют совокупности практик, обусловленных различными габитусами.

Через различия в габитусах и предпочтениях, согласно П. Бурдые, воспроизводится структура социальных позиций, каждая из которых зависит от объема и структуры капиталов, различающихся и у трезвенников (как в синхронном – накапливаемые в настоящем, так и в диахронном – накопленные в прошлом – срезе).

Социальное пространство нами понимается в соответствии с концепцией социокультурного поля В.И. Ильина как «относительно автономный участок социального пространства, обладающий надындивидуальной реальностью, порождаемой прямым или косвенным (через организации) взаимодействием людей» [Ильин, 2006: 32]. Каждое поле имеет ресурсы, культуру (на уровне общества), субкультуру (на уровне групп), культурные программы (ценности, нормы, реализуемые в практиках – на уровне первичных групп), язык, границу и режим ее поддержания. Каждый индивид одновременно включен во множество социокультурных полей, которые не являются равноположенными, поскольку в каждой конкретной ситуации доминирует то или иное из них. Этот подход позволяет определить, во-первых, каким образом различаются капиталы трезвенников как носителей различных габитусов и представителей различных социокультурных полей, во-вторых, узнать, где проходит граница социокультурного поля трезвенников, как она поддерживается и воспроизводится.

Для этого в исследовании анализируются их социальные роли в ситуациях потребления алкоголя окружающими, где сталкиваются два доминирующих для каждой группы поля – пьющих и непьющих людей. Социальные ситуации при этом рассматриваются как перформативные и фреймированные с позиций драматургического подхода и теории фреймов И. Гофмана, связанных между собой. Рекурсивность фрейма позволяет рассматривать социальную ситуацию потребления алкоголя как устойчивую относительно ее повторения, что обуславливает обобщенные социальные установки. В социальных перформативных ситуациях особенный интерес вызывает взаимный процесс производства впечатлений, где социальные роли трезвенников связаны как с произвольным, так и непроизвольным самовыражением.

Методы. В соответствии с избранной методологической позицией, в конце 2017 – начале 2018 г. была проведена серия глубинных биографических интервью на территории г. Йошкар-Олы среди лиц, проживающих и находящихся в пределах города в период интервьюирования ($N=20$). Следует отметить, что Республика Марий Эл на момент исследования имела средние значения зарегистрированных алкоголезависимых граждан по сравнению с другими регионами⁴, на ее территории действовали лишь федеральные ограничения на продажу алкоголя. Кроме того, среди населения отсутствуют значимые особенности культурного восприятия практик потребления алкоголя, а согласно «Рейтингу Трезвости», составленному экспертами федерального проекта «Трезвая Россия»

⁴Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ). 2017. М.: Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

и экспертно-аналитического центра при Общественной палате РФ, Республика Марий Эл занимает 48 место в списке из 85 регионов⁵. Таким образом, есть основания полагать, что жители региона воспроизводят близкие к общепринятым в России алкогольные и трезвеннические практики.

Отбор информантов производился с учетом их дифференциации по принадлежности к социокультурным полям по принципу комбинации методов снежного кома и референтной выборки (англ. *respondent-driven sampling*). Из различных социокультурных полей (естественных, активных, пассивных, религиозных трезвенников) были отобраны информанты, которые затем приглашали к опросу своих знакомых, соответствующих критериям отбора. Метод референтной выборки позволяет учесть гетерогенность представителей социальной группы трезвенников и обеспечивается через социальные контакты. Было осуществлено пять волн рекрутмента через отбор в первой волне – естественных, активных, пассивных, религиозных трезвенников. В результате в выборку попали носители различных ценностно-нормативных представлений о явлении трезвенничества, сознательно не употребляющие алкоголь ни при каких обстоятельствах, следующие различной логике социокультурных полей. Возраст информантов – от 18 до 66 лет. В ходе исследования анализировались место и роль трезвого образа жизни среди жизненных интересов и ценностных ориентаций информантов, обстоятельства, которые способствовали такому выбору (переломные моменты, знаковые события, жизненные ситуации), наличие капиталов у различных типов трезвенников.

Логика анализа транскриптов интервью разворачивалась по восходящей (от частного к общему). На первом этапе выбирались эпизоды, развивающие поставленные гипотезы. Затем однотипные сюжеты биографий информантов объединялись в классы. Чтобы установить связь между отдельными свойствами эпизодов, дальнейший категориальный анализ был связан с объединением классификаций в кластеры. На основе кластеризации путем сопоставления характеристик трезвенников как носителей различных габитусов производился типологический анализ структуры трезвого образа жизни – внешних условий, внутренних мотивов, практик отказа от употребления алкоголя и социальных ролей, проигрываемых в ситуациях, когда спиртное употребляют другие люди.

«Алкогольный» опыт как основа габитусов трезвенников. В структуре жизненных интересов и ценностной информантов трезвый образ жизни занимает важное место и характеризуется экзистенциальной самоотдачей, которая является этическим компонентом практик трезвого образа жизни и понимается как «преданность образу действий или форме жизни, а не каким-либо отдельным правилам» [Волков, Хархордин, 2008: 99]. Это присуще тем, кто потреблял алкоголь и отказался от него, а также людям, никогда не пробовавшим спиртное.

Исходя из концепции П. Бурдьё, в ходе продолжительного опыта в той или иной социальной позиции индивиды получают основу, которая составляет габитус [Бурдьё, 2014: 75], а поэтому различный опыт потребления алкоголя трезвенниками или его отсутствие – индикатор разных габитусов. Отсутствие практики потребления спиртного объясняется несколькими обстоятельствами: сохранением семейных традиций («*За семейным столом никогда не видела алкоголя. У нас такие традиции... Не было даже желания прикоснуться*», № 17⁶); усвоением негативных примеров («*Насмотрелась на пьющих родственников... Стыдно было за них, думала всегда, зачем пить эту гадость невкусную, если можно попить компот, чай*», № 17); соблюдением религиозных норм с детства («*Наверное [православное] воспитание повлияло на меня*», № 19).

Опыт потребления алкоголя практически отсутствует и у тех информантов, кто после первой пробы принял решение никогда больше не пробовать спиртное. Это происходило

⁵ Рейтинг трезвости российских регионов. РИА Новости. 27 ноября 2017. URL: <https://ria.ru/20171127/1509696354.html> (дата обращения: 26.05.2022).

⁶ Краткую характеристику информантов см. в Приложении.

либо из-за плохой физической переносимости или неприятных вкусовых ощущений, либо когда первый «алкогольный» опыт сопровождался казусом, нарушившим ожидания от потребления (*«И мне было стыдно, и после вот этого такого опыта желание выпить и отдохнуть с бокалом шампанского или с вином нету...»*, № 9).

Таким образом, отсутствие опыта потребления алкоголя информанты связывают, с одной стороны, с разными обстоятельствами (семейными традициями, семейным воспитанием, негативными примерами пьющих родственников, негативными последствиями пробы алкоголя и т.д.), с другой – с личными намерениями не пить (соблюдать семейные традиции, избежать негативных последствий потребления и казусов, за которые может быть стыдно, и т.д.).

Приобретаемый опыт алкоголепотребления и дальнейшее приобщение к нему сопряжены с этапами социализации информантов: в семье, в школьные годы, в студенческом или трудовом коллективе. Каждая из этих стадий отражает социальную позицию индивида. Так, в семье первые пробы алкоголя происходили с позволения родителей, которые стремились взять ситуацию под контроль (*«Действительно, я попробовал алкоголь дома и у родителей... Лучше под присмотром, чтобы с тобой ничего не случилось, не дай Бог»*, № 4). Те, чьи первые пробы были санкционированы родителями, в дальнейшем испытывали трудности с контролем количества выпитого алкоголя или с отказом от него. В школьные годы начало приобщения к алкоголю информанты связывают с подражанием сверстникам и выпускными вечерами, где оно санкционировалось учителями и родителями (*«В школе была подруга, которая мне предложила алкоголь... И мы пробовали с ней»*, № 13; *«На выпускном, на церемонии нам всем разливали»*, № 2). В студенческом коллективе распитие алкоголя связывается с обретением самостоятельности (*«Проживал в общежитии, так как уехал из родного города. Усилился интерес к алкоголю»*, № 4), а в трудовом коллективе – с досуговыми практиками, например, после рабочего дня или в конце недели.

В зависимости от семейных традиций, социального окружения и рода деятельности одни информанты сталкивались с ситуациями потребления алкоголя чаще, чем другие. Индивидуальные различия также сказывались на интенсивности потребления алкоголя. Это позволяет говорить о том, что кто-то употреблял алкоголь, не выходя за рамки общепринятых норм («культурно пьющие»), другие систематически демонстрировали нарушение этих границ, что позволяло судить о себе как о зависимых («алкоголезависимые»).

Исходя из ответов информантов, можно выделить типы трезвенников как носителей различных габитусов по характерному опыту потребления алкоголя.

Естественные. К ним относятся люди, не пробовавшие алкоголь, либо имевшие единоразовый опыт, но сразу отказавшиеся от спиртного. Несмотря на принципиальный отказ, они необязательно занимают активную гражданскую позицию относительно трезвости. Для одних трезвый образ жизни – это инертное соблюдение семейных и религиозных традиций, усвоенных в детстве, для других – выработанные под влиянием воспитания твердые убеждения о вреде алкоголя, имеющие выход в практиках социальной активности, для третьих – это вызревшее отвращение к алкопотреблению в результате фиксации негативных последствий потребления алкоголя окружающими, для четвертых – личный опыт первой пробы спиртного, связанный с неприятными ощущениями и воспоминаниями.

Бывшие «культурно пьющие» характеризуются полным отказом от алкоголя даже в социально одобряемых границах. Решение детерминировано сменой личных убеждений или давлением внешних обстоятельств, о которых речь далее.

Бывшие алкоголезависимые – поборовшие патологическую тягу к спиртному. Данный тип представляет собой успешный результат специально приложенных внутренних усилий, в том числе сделанных под внешним давлением.

Мотивы и условия выбора и ведения трезвого образа жизни. Результаты интервью показывают, что мотивы ведения трезвого образа жизни отражают цели борьбы за капиталы и связаны с их накоплением в различных социокультурных полях (естественных

трезвенников, бывших «культурно пьющих» и бывших алкоголезависимых»). Согласно П. Бурдые, структура распределения различных видов капитала функционирует одновременно «как средства и цели борьбы в различных полях» [Бурдые, 2014: 54]. Информанты связывают наличие капиталов и соответствующее удовлетворительное социальное положение с ведением трезвого образа жизни («Люди ищут возможности», «Время дороже денег, времени больше стало», «Проявление активности», «Физическое состояние улучшилось», «Круг общения и уровень другой», «Человек свободен от зависимости», «Не нужно тратить на спиртное. Экономно» и т.д.). В связи с этим следует рассмотреть, как меняются мотивы ведения трезвого образа жизни в зависимости от принадлежности к разным социокультурным полям («естественных трезвенников», «бывших «культурно пьющих», «бывших алкоголезависимых»).

Естественные трезвенники гордятся своим образом жизни и стремятся сохранить его ценности и личные капиталы: «внутри тебя есть какая-то гордость, что ты не подвел человека [учителя], что ты все равно также стремишься и не падаешь» (№ 9). Бывшие «культурно пьющие» отмечают, что с момента отказа от алкоголя они почувствовали существенное улучшение качества жизни и нарастили личные капиталы: «Во-первых, не был бы женат, так как мне всегда было трудно с женщинами, во-вторых, безработным бы был, потому что когда я употреблял спиртное, случалось, увольнялся с работы. Не было стабильности» (№ 16). У бывших алкоголезависимых произошли резкие изменения в образе жизни (от пьянства к трезвости), и им пришлось наверстывать утраченные капиталы: «Вначале эти плюсы проявлялись в физическом моем состоянии... Много стало времени. Обычно праздник – это 3–4 дня. Это же надо потом отойти. А сейчас покатался на горках и всё. Ещё всю ночь прогудел, но при этом проснулся рано с утра, начал дальше гудеть – активно как-то праздновать, а не заливать в себя отраву, чтобы потом отходить от этого всего состояния» (№ 7); «Один мой знакомый, как только бросил пить, построил коттедж, хозяйство наладил, семью вернул» (№ 20). Их мотивы связаны с восполнением капиталов с нуля, и в этом смысле один из информантов привел интересную аналогию: «Это так же [употреблять алкоголь], как кредит брать. Система микрозаймов... Это невозвратная система, то есть, это не как счет, на который тебе вернется, а скорее, это кредит, который надо платить, туда еще проценты будут накидываться, чтобы потом восстановиться... Я не трачу [теперь] силы туда, в бездну [в отличие от пьющих]» (№ 4).

У одних респондентов доминировали мотивы сохранения, приумножения и восполнения личных капиталов (стать лучшим в какой-то деятельности, достичь жизненных целей, создать трезвую семью, иметь здоровых детей, быть отличным спортсменом и здоровым человеком) (эгоцентризм). Другие ориентировались на общественные капиталы, стремились внести вклад в общественное здоровье, в предотвращение социальной деградации (социоцентризм).

У всех типов трезвенников различается природа внутренних мотивов и внешних побудителей отказа от алкоголя. Для естественных трезвенников главный стимул – стремление к сохранению имеющихся капиталов. Их образ жизни сложился под влиянием семейных условий и личного примера значимых людей на разных этапах социализации (семейные традиции, негативные примеры потребления алкоголя в семье, воспринятые разрушительными, угнетающими, опасными), личный пример педагога, наставника, тренера, коллег, который укреплял убеждения). Показательна биография одного информанта, который имеет непьющих родителей. Ему запомнились ситуации из прошлого, укрепившие его в выборе трезвого образа жизни. Так, в школьные годы информанту было стыдно за выпивших одноклассниц: «Милиция остановила моих одноклассниц, задержала и наутро классный руководитель очень всех отчитала. И мне было стыдно, и после вот этого такого опыта желание выпить и отдохнуть с бокалом шампанского или с вином нету...» (№ 9). За этим последовал личный пример значимых людей – бескомпромиссность школьного педагога, спортивного тренера, непьющих коллег в трудовом коллективе: «Классный руководитель с нами разговаривал не так, как с учениками, а как мама с детьми... И ты

хочешь держать какую-то марку, какую-то хорошую позицию, чтобы тобой гордились. И говорили, что вот этот студент хороший... родители тем более не пили... я начала развиваться, заниматься спортом... На работе никто не пьет» (№ 9).

Бывшие «культурно пьющие» делали выбор в пользу сознательной трезвости, воспринимая ее как ресурс наращивания имеющихся капиталов. Их основные мотивы – стремление к сохранению и накоплению таких капиталов, как здоровье, в том числе близких людей, физическая активность, экономия времени, экономия личных финансов, достижение свободы от зависимости и т.п. Ведущими условиями отказа от алкоголя были спонтанные ситуации (неожиданные события, жизненные ситуации, которые заставляли обратить внимание на образ жизни). Например, это мог быть случайно попавший в руки диск с лекцией об алкоголе: «Я нашел лекции и в целом представил себе уже картину, как интоксикации влияют в целом на наше общество. Скорее, именно это побудило меня вести трезвый образ жизни. То есть, во-первых, я увидел, что я ведомый исключительно, что решение это [употреблять алкоголь] вовсе не мое... Описано как-то ярко, эмоционально и, возможно, чересчур, не настоящим образом, но опять же это эмоционально затронуло вот, дошло до ума, как говорится. Но через эмоции всё-таки. Возмущение и негодование. Как же так, как же так, на самом деле так вот я и стал разбираться и добрался дальше...» (№ 4).

Напротив, у «бывших алкоголезависимых» преобладает желание избавиться от проблем, вызванных их пагубной привычкой, с нуля восполнить утраченные капиталы. На решение отказаться от алкоголя в большей степени влияли негативные ситуации, произошедшие с ними. Были найдены некоторые исключения, нетипичные мотивы и условия для того или иного типа трезвенников, что не мешает выделить наиболее характерные.

Мотивы выбора и ведения трезвого образа жизни различаются по критерию накопления капиталов трезвенниками:

- **сохранение капиталов** (характерно для «естественных трезвенников»);
- **наращивание капиталов** (характерно для естественных трезвенников и бывших «культурно пьющих»);
- **восполнение капиталов** (характерно для «бывших алкоголезависимых»).

В свою очередь на основе описанных информантами событий и внешних причин, побудивших отказаться от алкоголя, сформирован перечень условий, которые, по их мнению, способствовали укреплению трезвеннических убеждений: семейные традиции; негативные примеры, запечатлевшиеся в детстве, связанные с алкоголем; религиозность; личный пример значимых других; генетическая предрасположенность к алкоголизму; негативные социальные последствия потребления алкоголя; события, связанные с алкоголем, вызвавшие стыд за себя и других; личные утраты по причине потребления алкоголя (в т.ч. состояние здоровья); жизненные события, связанные со стремлением помочь алкоголезависимым людям; воздействие профилактических материалов; профессиональная деятельность, связанная с помощью алкоголезависимым.

Социальные роли трезвенников в ситуациях потребления алкоголя. Как отмечает И. Гофман, «вряд ли возможно говорить о закреплении деятельности в многообразном мире без представления о том, что поступки человека частично являются выражением и результатом его скрытого Я, его личности, и что это Я присутствует во всех ролях, которые он исполняет в любой момент времени» [Goffman, 1974].

Наиболее типичны для проявления социальных ролей трезвенниками ситуации, в которых происходит их взаимодействие с потребителями алкоголя. Проигрывая социальные роли в ситуациях потребления алкоголя, непьющие люди стремятся управлять их неоднозначностью [Piacentini et al., 2009]. В такие моменты сталкиваются два социокультурных поля (поле трезвенников и поле потребителей алкоголя), где каждая сторона на границе этих полей проигрывает конкретные социальные роли, а поэтому такие ситуации можно характеризовать как ситуации крайнего напряжения.

Согласно И. Гофману, «манера исполнения роли предполагает известное “выражение” личностной идентичности, которое, в свою очередь, является свойством чего-то

более всеобъемлющего и устойчивого, чем само ее исполнение и даже она сама; речь идет не о ролевой характеристике, а о характеристике личности – ее внутренних качествах, моральных установках, динамическом стереотипе и т.п.» [Goffman, 1974]. Роль получает внешнее воплощение и приоткрывает «Я» во фрейме как системе интеракции, а поэтому личностная идентичность изменяется в заданных фреймом обстоятельствах [ibid] и люди таким образом стремятся проявить себя выгодным образом.

Когда информанты являются участниками ситуаций, в которых потребление алкоголя считается социальной нормой, от «других» им поступают предложения присоединиться к выпивке: «Давай за компанию», «Выпей за компанию», «Ты меня уважаешь?», «Да ладно, давай по чуть-чуть», «Расслабься», «Да ладно тебе», «Только стакан». Исходя из драматургического подхода И. Гофмана, таким способом потребители алкоголя «собирают сведения» о непьющих в целях определения ситуации [Goffman, 1956]. Как отмечают информанты, в такой ситуации их возмущает позиция потребителей алкоголя: «Вообще меня бесит фраза "Выпьем за здоровье". Это противоречит... вот противоречивая фраза такая. Как можно пить отраву за здоровье? За здоровье нужно молиться, а не пить!» (№ 15); «Ну, это просто не я его не уважаю, а он меня не уважает, поскольку предлагает мне» (№ 14); «Вот эта вот позиция людей она немного мне непонятна. То есть если я не пью, я отличаюсь. Но я же не становлюсь каким-то плохим человеком. Я просто выбрала сама свой путь и не хочу вести такой образ жизни [потреблять алкоголь]» (№ 9). Несмотря на внутреннее напряжение, трезвенники стремятся контролировать реакции других на свое поведение и для этого создают нужное впечатление проигрыванием тех или иных социальных ролей.

Активная социальная роль проявляется в твердой и решительной защите своей позиции: «Если начинают предлагать, то я говорю, что вообще я не пью ни разу, никак. Начинаю даже немножко учить этих людей, что, мол, как это можно пить» (№ 15). Трезвенники, которые устойчиво придерживаются данной роли, стремятся быть полезными обществу, их индивидуальные траектории и субъективный опыт прямо или косвенно распространяются на соседние социокультурные поля.

В то же время один из информантов, идентифицирующий себя активным трезвенником, заметил, что реализация привычной социальной роли не соответствует принятым нормам: «Некоторые там пару человек до сих пор меня называют «сектант» (№ 7). Впоследствии им была выбрана роль, доступная для реализации и приближенная к социальным ожиданиям окружающих: «Вначале резко себя вел, всех учил, о вреде [алкоголя], говорил при любых обстоятельствах. Получал обратную резкую реакцию... Затем заметил, что создаю атмосферу негатива, отчуждения. Изменил подход, с добрыми намерениями. Спокойно начал относиться» (№ 7). В логике теории фреймов И. Гофмана данный информант переопределил последующие ситуации, чтобы они не переопределили его самого, и тем самым перестроил фрейм (рефрейминг). Вероятно, такие информанты ощущают, когда ситуация начинает выходить из-под контроля, и рационально оценивают ее с целью предотвращения нежелательных споров.

Рациональная роль более сдержанная и лучше соответствует социальным ожиданиям, не встречает сопротивления окружающих. Позиция обозначается кратким ответом на предложения выпить: «Я не люблю это дело», «Я не буду», «Я не пью», «Не хочу». Можно предположить, что роль рационального трезвенника характерна для тех, кто однажды переопределил ситуацию, и для тех, кто изначально предпочел ее проигрывать.

Пассивной роли предпочитают придерживаться люди, которые сфокусированы на собственном образе жизни как наиболее приемлемом для себя. У них нет желания влиять на других: «Если я не пью, это не значит, что остальным нельзя... если я не люблю, это не значит, что я вам не разрешаю. Пожалуйста, кто чего любит» (№ 12).

Конформную социальную роль проигрывают трезвенники, претворяющиеся потребителями алкоголя: «Моя знакомая тщательно скрывала, что она не пьет. Налитый алкоголь она слегка пригубляла, делая вид, что пьет вместе со всеми» (№ 20). Согласно теории

фреймов, так производится фабрикация – умышленное формирование ложных представлений о происходящем [Goffman, 1974].

Иногда конформная социальная роль проявляется в отказе от алкоголя, но с отсылкой к вымышленным внешним, независящим от индивида обстоятельствам: «Мама не решает», «За рулем», «Врач запретил» и т.п. Данная социальная роль скорее не является устойчивой, а проигрывается в зависимости от ситуации: «Я отшучивался... Сначала какие-то отмазки ненавязчивые, чтобы не портить обстановку. Потому что люди все-таки дороги, я все-таки с ними какое-то время проводил, какая-то совместная жизнь уже состоялась, и общение идет. То есть, чтобы не испортить общение, вот как-то отшучиваешься. В дальнейшем продолжается давление, опять же, потому что программа требует от человека, в его-то глазах он хороший. Любой в своих глазах хороший. И тем более когда человек связан с интоксикантами. Там включается уже неразумность с его стороны. И в этот момент, чтобы сохранить общение, мне не хватало раньше психологической квалификации, поэтому переходил на какую-то ответную грубость, или просто закрывал тему, либо пытался на серьезных тонах объяснить. Объяснения ни к чему не приводили» (№ 4).

Протестная роль заключается в отвержении норм потребления алкоголя с одновременным определением ситуации как безнадежной относительно переубеждения потребителей алкоголя. В соответствии с данной социальной ролью трезвенники избегают ситуаций, где происходит потребление алкоголя: «Мы покидаем эту компанию» (№ 14); «Я просто не хожу туда, где употребляют алкоголь» (№ 16).

Согласно вышеизложенному, в ситуациях потребления алкоголя трезвенниками проигрываются следующие типы социальных ролей:

активная (характеризуется навязыванием или отстаиванием собственной позиции независимо от того, каким образом определена ситуация);

рациональная (сдержанная, гибкая относительно той или иной ситуации потребления алкоголя, с аккуратным обозначением собственной позиции);

пассивная (характеризуется максимально возможной отстраненностью от дискурса об алкоголе);

конформная (формирующая ложные впечатления о себе как о потребителе алкоголя);

протестная (выражающая молчаливый отказ от участия в ситуациях потребления алкоголя).

С учетом проигрываемых ролей типологизированы практики поведения трезвенников в ситуациях потребления алкоголя «другими»:

– **активного вмешательства** (ясное выражение позиции в отношении алкоголя с попытками переубедить присутствующих);

– **рационального поведения** (скромный отказ от алкоголепотребления с деликатным обозначением собственной позиции при возникшей необходимости);

– **пассивного соприсутствия** (полное внутреннее безразличие к факту потребления алкоголя окружающими с одновременным обереганием собственного выбора трезвого образа жизни);

– **конформного поведения** (целенаправленное избегание компании пьющих с тем, чтобы никто не знал об избранном образе жизни, либо имитация поведения потребителей алкоголя);

– **протестного поведения** (сознательное игнорирование компаний потребителей алкоголя, связанное с отвержением норм потребления алкоголя с одновременным осознанием бесполезности переубеждения пьющих людей).

Заключение. Становление и выбор трезвого образа жизни определяется как объективными условиями взросления и социализации, так и субъективными возможностями реализации трезвеннических практик (знанием о них и их принятием как приемлемых для себя). Главными условиями становления трезвого образа жизни информантов являлись традиции семьи, воспитание, направленное на выработку негативного отношения

к алкоголю, увлечения, где требовались выдержка, выносливость, ясный ум, личный пример отказа от алкоголя значимых других. Перечисленные условия отражают основные каналы формирования трезвого образа жизни. Для информантов, находящихся на этапе взросления, – это прежде всего семья, школа, спортивный коллектив, учебное заведение, в более старшем возрасте – трудовой коллектив.

Мотивы выбора и ведения трезвого образа жизни связаны, с одной стороны, со стремлением сохранить, приумножить и восполнить личные капиталы, с другой – с реакцией индивидов на несовершенную систему социальной профилактики алкоголизации населения. Объективные условия и субъективные возможности, обусловившие становление и выбор трезвого образа жизни, различны в зависимости от габитуса и жизненной траектории индивидов, а значит, различаются у разных типов трезвенников. В то же время для всех вместе взятых информантов трезвость – социально нормативное, естественное явление, часть их повседневной жизни, которая обладает самооценностью и формирует мировоззрение окружающих.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики информантов

№	Характеристики	№	Характеристики
1	А, Е, Ж, 18 лет, студентка вуза, сирота, не замужем, детей нет	11	А, БКП, Ж, 66 л., уборщица, образование среднее, разведена, дети есть
2	П, Е, Ж, 18 лет, студентка вуза, не замужем, детей нет	12	П, Е, Ж, 40 л., руководитель, кандидат наук, не замужем, детей нет
3	П, БКП, М, 30 л., видеооператор, женат, дети есть	13	А, БКП, Ж, 31 г., фрилансер, образование высшее, замужем, дети есть
4	А, БКП, М, 32 г., общественный активист, образование высшее, не женат, детей нет	14	П, Е, Р, М, 24 г., повар, образование высшее, женат, дети есть
5	А, Е, Ж, 21 г., мастер маникюра, студентка вуза, есть партнер, детей нет	15	А, Е, М, 23 г., обучает детей компьютерным навыкам, студент вуза, образование высшее, не женат, детей нет
6	П, БКП, Р, Ж, 40 л., рабочая на фабрике, образование среднее профессиональное, не замужем, детей нет	16	П, БКП, М, 44 г., менеджер, образование высшее, женат, дети есть
7	А, БА, М, 27 л., общественный активист, образование неоконченное высшее, женат, детей нет	17	П, Е, Ж, 49 л., домохозяйка, образование среднее профессиональное, не замужем, детей нет
8	А, БКП, Ж, 18 л., медсестра, студентка вуза, образование среднее профессиональное, есть партнер, детей нет	18	П, БА, М, 37 л., предприниматель, образование высшее, женат, дети есть
9	А, Е, Ж, 21 г., секретарь, студентка вуза, не замужем, детей нет	19	А, Е, Р, Ж, 18 л., студентка, не замужем, детей нет
10	А, БКП, Ж, 47 л., бухгалтер, образование высшее, в разводе, дети есть	20	А, Е, Ж, 58 л., руководитель, образование высшее, в разводе, дети есть

Примечание. Последовательно указаны типы трезвенников, пол, возраст, сфера деятельности, образование, семейное положение, наличие детей. Типы обозначены буквами: А – активные, П – пассивные, Р – религиозные, Е – естественные, БКП – бывшие «культурно пьющие», БА – бывшие алкоголезависимые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007.
- Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48.
- Возьмитель А.А. Образ жизни // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. С. 72.
- Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУ, 2008.

- Горченко С.А. Трезвенничество как социальное явление: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М.: ИС РАН, 1992.
- Жегусов Ю.И., Лыткин М.И. Трезвые села Якутии: первые успехи // Антиалкогольная политика Российской Федерации как средство обеспечения национальной безопасности. Материалы I всерос. научно-практ. конф. Якутск: СВФУ им. М.К. Аммосова, 2018. С. 183–187.
- Зотова В.А. Механизмы формирования «коллективной трезвости» в российском селе: ценностно-ориентированный подход // Солидарность и конфликты в современном обществе. Мат. науч. конф. XII Ковалевские чтения. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 214–216.
- Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Позднякова М.Е., Заиграев Г.Г., Рыбакова Л.Н. и др. Потребление алкоголя в России. Социологический анализ [электронный ресурс]. М.: ИС РАН, 2011. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (дата обращения: 10.12.2022).
- Ярзуткина А.А. Алкоголь в микросоциуме чукотского села: социальная репутация групп трезвости // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6 (6А). С. 161–173.
- Ajzen I. The theory of planning behavior. *Organizational behavior and human decision processes*. 1991. Vol. 50. No. 2: 179–211.
- Bartram A., Elliott J., Crabb S. 'Why can't I just not drink?' A qualitative study of adults' social experiences of stopping or reducing alcohol consumption // *Drug and alcohol review*. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 449–455.
- Bourdieu P. Forms of capital // Richardson, John (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
- Caluzzi G., MacLean S., Penny A. Re-configured pleasures: How young people feel good through abstaining or moderating their drinking // *International Journal of Drug Policy*. 2020. Vol. 77. P. 102709. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102709.
- Chiappetta V., García-Rodríguez O., Jin C.J., Secades-Villa R., Blanco C. Predictors of quit attempts and successful quit attempts among individuals with alcohol use disorders in a nationally representative sample // *Drug and alcohol dependence*. 2014. Vol. 141. P. 138–144.
- Cho H. Influences of Self-Monitoring and Goal-Setting on Drinking Refusal Self-Efficacy and Drinking Behavior // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 2007. Vol. 25. No. 3. P. 53–65. DOI: 10.1300/J020v25n03_05.
- Coombs R.H., Wellisch D.K., Fawzy F.I. Drinking Patterns and Problems among Female Children and Adolescents: A Comparison of Abstainers, Past Users, and Current Users // *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. 1985. Vol. 11. No. 3–4. P. 315–348. DOI: 10.3109/00952998509016869.
- Einstein S. Abstinence and Abstainers // *International Journal of the Addictions*. 1981. Vol. 16. No. 7. P. III–IV. DOI: 10.3109/10826088109039166.
- Eward A.M., Wolfe R., Moll P., Harburg E. Psychosocial and behavioral factors differentiating past drinkers and life-long abstainers // *American journal of public health*. 1986. Vol. 76. No. 1. P. 68–70.
- Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. USA: Harvard University Press, 1974.
- Goffman E. *The presentation self in every day life*. Scotland: University of Edinburgh, 1956.
- Jarl J., Gerdttham U.-G. Wage Penalty of Abstinence and Wage Premium of Drinking – A Misclassification Bias due to Pooling of Drinking Groups? // *Addiction Research & Theory*. 2010. Vol. 18. No. 3. P. 284–297. DOI: 10.3109/16066350903003347.
- Jongenelis M.I., Pettigrew S., Biagioni N. Drinking Refusal Self-Efficacy and Intended Alcohol Consumption During a Mass-Attended Youth Event // *Substance Use & Misuse*. 2018. Vol. 53. No. 5. P. 744–754. DOI: 10.1080/10826084.2017.1363239.
- Lee M.R., Sher K.J. "Maturing out" of binge and problem drinking // *Alcohol research: current reviews*. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 31–42.
- Malloch M.S., Yates R. *Some Concluding Thoughts*. In.: *Tackling Addiction: Pathways to Recovery*, London: Jessica Kingsley Publisher, 2010.
- Marlatt G.A., Baer J.S., Quigley L.A. Self-efficacy and addictive behavior. *Selfefficacy in changing societies*, 1997. P. 289–315.
- Piacentini M.G., Banister E.N. Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture. *Journal of Business Research*. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 279–288. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.01.035.
- Rosansky J.A., Rosenberg H. A systematic review of reasons for abstinence from alcohol reported by lifelong abstainers, current abstainers and former problem-drinkers. *Drug and alcohol review*. 2020. Vol. 39. No. 7. P. 960–974.
- Supski S., Lindsay J. 'There's Something Wrong with You' How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*. 2017. Vol. 25. No. 4. P. 323–338.
- Van Lettow B., de Vries H., Burdorf A. et al. Associations Between Abstainer, Moderate and Heavy Drinker Prototypes and Drinking Behavior in Young Adults. *Psychology & Health*. 2013. Vol. 28. No. 12. P. 1407–1423. DOI: 10.1080/08870446.2013.821473.

SOBER LIFEWAY: MOTIVES, ROLES AND PRACTICES

BELOVA Yu.Yu.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Yulia Yu. BELOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (ybelova@hse.ru).

Acknowledgements. This article is implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. In the article, following elements of a sober way of life are revealed on the basis of in-depth biographic interviews with nondrinkers: conditions, motives, social roles, and social practices of nondrinkers. Types of nondrinkers are fixed by criterion of habitus ("natural", «former "culturally drinking»", "former alcohol-addicted"). It is shown that objective conditions and subjective opportunities of formation/choice of a sober lifeway differ depending on a habitus and vital events. Using P. Bourdieu's concept of capitals it is found that motives of the choice and maintaining a sober lifeway differ by criterion of orientation on the capitals ("preservation", "increasing", "completion"); motives of the choice and maintaining a sober lifeway are connected both to the personal capitals ("egocentrism"), and the public capitals ("sociocentrism"). V.I. Ilyin's concept of the sociocultural field, E. Goffman's dramaturgic approach and concepts of social identity and frames allowed to ascertain what social roles are played by nondrinkers in situations of alcohol consumption on the brink of sociocultural field ("active", "rational", "passive", "conformal", "protest"). It is concluded that these social roles reflect behavior practices of nondrinkers ("active intervention", "rational behavior", "a passive co-presence", "conformal behavior", "protest behavior").

Keywords: Sober lifeway, nondrinkers, sobriety, refusal from alcohol, alcohol consumption, deep interview, biographic interview.

REFERENCES

- Afanas'ev A.L. (2007) The Sober Movement in Russia During the Period of Peaceful Development. 1907–1914: the Experience of Improving Society. Tomsk: TUSUR. (In Russ.)
- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational behavior and human decision processes*. Vol. 50. No. 2: 179–211.
- Bartram A., Elliott J., Crabb S. (2017) 'Why Can't I just not Drink?' A Qualitative Study of Adults' Social Experiences of Stopping or Reducing Alcohol Consumption. *Drug and alcohol review*. Vol. 36. No. 4: 449–455.
- Bourdieu P. (2005) Dinstinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 6. No. 3: 25–48. (In Russ.)
- Caluzzi G., MacLean S., Pennay A. (2020) Re-configured pleasures: How Young People Feel Good Through Abstaining or Moderating their Drinking. *International Journal of Drug Policy*. Vol. 77: 102709. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102709.
- Chiappetta V., García-Rodríguez O., Jin C.J., Secades-Villa R., Blanco C. (2014) Predictors of quit Attempts and Successful quit Attempts among Individuals with Alcohol Use Disorders in a Nationally Representative Sample. *Drug and alcohol dependence*. Vol. 141: 138–144.
- Cho H. (2007) Influences of Self-Monitoring and Goal-Setting on Drinking Refusal Self-Efficacy and Drinking Behavior. *Alcoholism Treatment Quarterly*. Vol. 25. No. 3: 53–65. DOI: 10.1300/J020v25n03_05.
- Coombs R.H., Wellisch D.K., Fawzy F.I. (1985) Drinking Patterns and Problems among Female Children and Adolescents: A Comparison of Abstainers, Past Users, and Current Users. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*. Vol. 11. No. 3–4: 315–348. DOI: 10.3109/00952998509016869.
- Einstein S. (1981) Abstinence and Abstainers. *International Journal of the Addictions*. Vol. 16. No. 7: III–IV. DOI: 10.3109/10826088109039166.
- Eward A.M., Wolfe R., Moll P., Harburg E. (1986) Psychosocial and behavioral factors differentiating past drinkers and life-long abstainers. *American journal of public health*. Vol. 76. No. 1: 68–70.
- Goffman E. (1956) The presentation self in everyday life. Scotland: University of Edinburgh.
- Goffman E. (1974) Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. USA: Harvard University Press.
- Gorchenko S.A. (1992) *Temperance as a social phenomenon: PhD dissertation in sociological sciences*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Il'in V.I. (2006) Dramaturgy of Qualitative Field Research. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)

- Jarl J., Gerdtham U.-G. (2010) Wage Penalty of Abstinence and Wage Premium of Drinking – A Misclassification Bias due to Pooling of Drinking Groups? *Addiction Research & Theory*. Vol. 18. No. 3: 284–297. DOI: 10.3109/16066350903003347.
- Jongenelis M.I., Pettigrew S., Biagioni N. (2018) Drinking Refusal Self-Efficacy and Intended Alcohol Consumption During a Mass-Attended Youth Event. *Substance Use & Misuse*. Vol. 53. No. 5: 744–754. DOI: 10.1080/10826084.2017.1363239.
- Lee M.R., Sher K.J. (2018) “Maturing out” of Binge and Problem Drinking. *Alcohol research: current reviews*. Vol. 39. No. 1: 31–42.
- Malloch M.S., Yates R. (2010) Some Concluding Thoughts. In: *Tackling Addiction: Pathways to Recovery*, London: Jessica Kingsley Publisher.
- Marlatt G.A., Baer J.S., Quigley L.A. (1997) Self-efficacy and Addictive Behavior. *Selfefficacy in changing societies*: 289–315.
- Piacentini M.G., Banister E.N. (2009) Managing Anti-Consumption in an Excessive Drinking Culture. *Journal of Business Research*. Vol. 62. No. 2: 279–288. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.01.035.
- Pozdnyakova M.E., Zaigraev G.G., Rybakova L.N. et al. (2011) Alcohol Consumption in Russia. Sociological Analysis. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (accessed 10.12.2022). (In Russ.)
- Rosansky J.A., Rosenberg H. (2020) A Systematic Review of Reasons for Abstinence from Alcohol Reported by Lifelong Abstainers, Current Abstainers and Former Problem-Drinkers. *Drug and alcohol review*. Vol. 39. No. 7: 960–974.
- Supski S., Lindsay J. (2017) ‘There’s Something Wrong with You’ How Young People Choose Abstinence in a Heavy Drinking Culture. *Young*. Vol. 25. No. 4: 323–338.
- Van Lettow B., de Vries H., Burdorf A. et al. (2013) Associations Between Abstainer, Moderate and Heavy Drinker Prototypes and Drinking Behavior in Young Adults. *Psychology & Health*. Vol. 28. No. 12: 1407–1423. DOI: 10.1080/08870446.2013.821473.
- Voz'mitel' A. A. (2003) Lifestyle. In: *Sociological Encyclopedia*. Moscow: Mysl': 72. (In Russ.)
- Zhegusov Yu.I., Lytkin M.I. (2018) Sober villages of Yakutia: first successes. In: Anti-alcohol policy of the Russian Federation as a means of ensuring national security. Yakutsk: NEFU in Yakutsk. 183–187. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32639398_93473794.pdf (In Russ.) (accessed 26.05.22).
- Zotova V.A. (2018) Mechanisms of Formation of “Collective Sobriety” in the Russian Countryside: a Value-Oriented Approach. In: *Solidarity and conflicts in modern society. Materials of the scientific conf. XII Kovalev readings*. St. Petersburg: Scythia-print. (In Russ.)

Received: 05.09.22. Final version: 19.12.22. Accepted: 20.12. 22.

© 2023 г.

Г.Т. ИЛЕУОВА, О.А. СИМАКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ В ПРЕДДВЕРИИ ЯНВАРСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 2022 ГОДА

ИЛЕУОВА Гүльмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент (gulmira@ofstrategy.kz); СИМАКОВА Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов (olga@ofstrategy.kz). Обе – Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”», Алматы, Республика Казахстан.

Аннотация. В январе 2022 г. в Казахстане произошли массовые выступления, которые охватили почти все областные центры и города республиканского значения. Была ли возможность на основе социологических данных спрогнозировать январские события? В поисках ответа на этот вопрос авторы статьи анализируют социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев накануне январских выступлений 2022 г. Особое внимание уделено оценке уровня социального недовольства на местах, его вероятным причинам и проявлениям в конвенциональных и неконвенциональных формах политического поведения. Источником эмпирических данных выступают онлайн-опрос казахстанцев (N = 1999) и фокус-групповые дискуссии, проведенные в 11-ти городах Казахстана в июле–сентябре 2021 г.

Ключевые слова: Казахстан • социальное самочувствие • протестное поведение

DOI: 10.31857/S013216250022093-5

С начала обретения в 1991 г. суверенитета Казахстан оставался самым стабильным государством в Центрально-Азиатском регионе. Но за последнее десятилетие в стране наблюдается рост числа протестных выступлений разного формата. Так, по данным Проекта о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED)¹, только за период с 1 января 2019 г. по 1 января 2022 г. в Казахстане произошло 2388 протестных событий. Если проследить динамику, то очевиден тренд на увеличение количества акций протеста из года в год: 2019 г. – 519 акций, 2020 г. – 829, 2021 г. – 1040.

Ощущение потери стабильности и роста социального недовольства в Казахстане заметно усилилось в период пандемии коронавируса 2020–2021 гг. Как писали в СМИ, «пандемия в Казахстане усугубила ситуацию с низкими доходами населения и вынужденными кредитами – для некоторых людей займы стали единственной возможностью оплатить аренду квартиры или попросту купить еды»². Сообщалось, что основная проблема

Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта (грант AP08857524) грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2020–2022 гг. по теме «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды».

¹ Проект данных о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED) собирает информацию о датах, действующих лицах, местах, числе погибших и типах всех заявленных случаев политического насилия и акций протеста по всему миру. URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 06.09.2022).

² Женисхан Д., Мазоренко Д., Кайсар А. Жизнь взаимы. Почему казахстанцы оказались в кредитной ловушке, и как пандемия лишает их возможности из нее выбраться (16 июня 2021 г.). URL:

страны – бедное население, которое стало еще беднее за период карантина³. Еще в 2021 г. по стране прокатилась волна акций протеста социально-экономического характера⁴. А в начале января 2022 г. Казахстан пережил беспрецедентные по своему масштабу протестные волнения, повлекшие за собой многочисленные жертвы и погромы в крупных городах страны. Широкий масштаб январских выступлений привел не только к вооруженным столкновениям с правоохранительными органами, но и к привлечению сил ОДКБ для наведения порядка.

Среди казахстанских экспертов и аналитиков распространено мнение, что базовым условием январских выступлений стало накопленное социальное недовольство, вызванное ухудшающимися социально-экономическими условиями, что повысило вероятность его активной трансляции в форме протестов. В то же время, согласно данным исследовательской компании Bisam Central Asia, в общественном мнении январские выступления воспринимаются не так однозначно. На момент событий только 16,1% полагали, что выступления были массовым проявлением стихийного недовольства. Гораздо более распространенным (примерно у трети населения) являлось мнение, что в стране осуществляется попытка государственного переворота. Впрочем, спустя полгода доля таких ответов составила четверть на фоне увеличившейся доли затрудняющихся с ответом⁵.

В рамках данной статьи авторы на базе результатов многолетних социологических исследований постараются определить факторы роста протестности в казахстанском обществе.

Источники аналитической информации. Сбор первичной информации осуществлялся на основе анкетного опроса населения и фокус-групповых дискуссий. Анкетирование было проведено в августе 2021 г. на базе онлайн-платформы Qalaisyn ($N = 1999$)⁶. В исследовании использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка с квотным методом отбора единиц наблюдения. Ошибка выборки с доверительной вероятностью 95% не превышает $\pm 3\%$. Выборка репрезентировала взрослое население Казахстана от 18 лет по признакам: регион проживания, административно-территориальный статус населенного пункта, пол, возраст респондента. Анкета содержала вопросы относительно социального самочувствия граждан страны, их отношения к властям и проводимым в стране реформам, а также оценки уровня протестной напряженности в регионах и готовности к участию граждан в массовых акциях протеста.

Групповые дискуссии прошли как в онлайн-формате (рекрутинг участников осуществлялся на платформе Qalaisyn без учета фактора участия в онлайн-опросе), так и в офлайн-формате (рекрутинг участников осуществляли супервайзеры в регионах). В обоих случаях отбор для участия в дискуссии производился с учетом языковых, половозрастных характеристик и статуса занятости. Всего за период с июля по сентябрь 2021 г. было проведено 16 фокус-групповых дискуссий (общее число

<https://mediazona.ca/article/2021/06/16/coronacredit> (дата обращения: 06.09.2022). Издание «Медиа-зона» включено Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Кризис и бедность: как пандемия коронавируса повлияла на экономику Казахстана? (14 мая 2020 г.). URL: https://baigenews.kz/news/krizis_i_bednost_kak_pandemiya_koronavirusa_povliyala_na_ekonomiku_kazakhstan/ (дата обращения: 06.09.2022).

⁴ См., напр.: В Казахстане участники митингов призывают к бойкоту выборов в парламент (10 января 2021 г.). URL: <https://ria.ru/20210110/miting-1592455076.html> (дата обращения: 06.09.2022); Масовые протесты в Казахстане: силовики жестко задержали более полусотни человек (28 февраля 2021 г.). URL: https://24tv.ua/ru/massovye-protesty-zhestkie-zaderzhanija-kazahstane-poslednie-novosti_n1555582 (дата обращения: 06.09.2022).

⁵ Январские события: что изменилось в их оценке казахстанцами за прошедшие полгода? 2022. URL: <https://www.bisam.kz/ru/news/244-2022-07-27-11-12-02> (дата обращения: 06.09.2022).

⁶ QALAI SYN.KZ – онлайн-платформа социологических, брендовых, маркетинговых, brand lift и иных типов исследований для компаний и частных лиц, она имеет панель более 7 тыс. зарегистрированных респондентов, ее возможности удовлетворяют требованиям выборки и временным условиям проведения «полевых» работ. URL: <https://qalaisyn.kz/> (дата обращения: 06.09.2022).

участников – 121 респондент) в городах Тараз, Кызылорда, Жанаозен, Атырау, Актобе, Жезказган, Алматы, Нур-Султан, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Караганда.

Для определения динамики изменений в настроениях казахстанцев в статье авторами использованы результаты мониторинговых опросов 2004–2021 гг., проведенных ОФ «ЦСПИ “Стратегия”»⁷ в Казахстане в рамках международного проекта «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор». Использовались также собственные социологические данные Фонда, полученные в ходе других проектов по изучению протестных настроений в Казахстане.

Социальные настроения в Казахстане. По результатам исследования, проведенного в июле – сентябре 2021 г., было зафиксировано существенное ухудшение социального фона в Казахстане. Согласно опросу⁸, в 2021 г. суммарная доля тех, кто оценил состояние экономики страны как «плохое/очень плохое», достигла 35%, в то время как доля оценивших экономическое положение страны как «хорошее» или «очень хорошее» составила 18%.

Более наглядно произошедшее негативное изменение видно в динамике показателей (рис. 1)⁹: доля негативных ответов – более трети – оказалась в 2021 г. самой высокой с начала замеров (с 2004 г.), при этом снижение позитивных оценок происходило на фоне увеличения негативных ответов. Заметим, что опросы фиксировали устойчивый нисходящий тренд по данному показателю с 2017 г. Тем не менее в 2021 г. произошло снижение оценок почти в два раза – с 28 до 18%. Это дает основание говорить о высокой значимости пандемии COVID-19, которая выступила катализатором ухудшения оценок текущей ситуации.

Оценки респондентами материального положения¹⁰ в 2021 г. показали (рис. 2), что доля считающих экономическое положение своей семьи плохим впервые превысила долю тех, кто называл положение своей семьи хорошим (24 против 15%). В сравнении с 2020 г.

Рис. 1. Динамика оценок экономического положения страны, % опрошенных, 2004–2021 гг.

⁷ Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”» (г. Алматы) осуществляет свою деятельность на рынке исследовательских услуг Казахстана с 2001 г. Фонд является действительным участником Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор». URL: <https://ofstrategy.kz> (дата обращения: 06.09.2022).

⁸ Вопрос задавался следующим образом: «Как бы вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны?»

⁹ Далее приведены данные мониторинговых исследований «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР», проводимых ОФ «ЦСПИ “Стратегия”» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор».

¹⁰ Вопрос задавался в следующей форме: «Как бы вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение вашей семьи?»

Рис. 2. Динамика оценок материального положения семьи, % опрошенных, 2004–2021 гг.

произошло более чем двукратное изменение как позитивных показателей (с 31 до 15% упала доля положительно оценивающих материальное положение), так и негативных (выросла с 11 до 24% доля оценивающих свое положение как плохое).

Другой важный показатель, дающий представление о настроениях в казахстанском обществе, – удовлетворенность жизнью. В последнее пятилетие наблюдается ежегодное снижение и этого показателя: если в 2017 г. 76% респондентов в той или иной степени были удовлетворены своей жизнью, то в 2021 г. только 57% отметили, что удовлетворены жизнью, которую ведут. Доля же неудовлетворенных выросла с 23% в 2017 г. до 36% в 2021 г. Чаще всего неудовлетворенные наблюдались среди жителей областных центров (41%), в возрастной группе 45–54 лет (41%), среди респондентов со средним образованием (41%) и с потребительским потенциалом ниже среднего (43%). Особо следует отметить, что в группе неудовлетворенных своей жизнью была выше доля считающих, что простые люди не могут повлиять на власть в стране.

Предчувствие и прогнозы массовых протестов. Ухудшение оценок материального положения и экономической ситуации в стране отразилось и на показателях социальной напряженности и протестности. Во время фокус-групповых обсуждений отдельные участники говорили о том, что пандемия, несущая угрозу жизни и здоровью людей, сделала их «более сплоченными», привела к тому, что они старались «друг другу помогать, потому что такое трудное время». Однако большинство наблюдало обратные тенденции: «очень много агрессивных людей в супермаркетах, автобусах», «поведение людей изменилось в худшую сторону, реально стало больше злых». К тому же «люди стали более недоверчивыми» и «какими-то недобрыми по отношению друг к другу», потому что «везде ждут подвоха». Как отмечалось участниками обсуждений, основной причиной ухудшения отношений между людьми, роста недоверия и агрессии стало возрастание напряжения «в первую очередь в связи с неуверенностью в завтрашнем дне».

Анкетный опрос 2021 г. зафиксировал наличие беспокойства и ожидания возможной протестной волны: 75,2% ожидали в ближайшее время протесты социально-экономического характера против безработицы, роста цен и падения уровня жизни. Треть респондентов прогнозировала, что в краткосрочной перспективе возможны протесты с политическими требованиями, а больше четверти опрошенных предполагали возможность протестных акций в трудовых коллективах.

Рис. 3. Динамика мнений, протесты какого характера в ближайшее время наиболее вероятны в Казахстане, % ответивших, 2013–2021 гг.

Примечание. Допускалось два варианта ответа.

Источник: Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstane-factory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Если сравнить (рис. 3) результаты опроса в 2021 г. с итогами похожего исследования, проведенного ОФ «ЦСПИ «Стратегия»» осенью 2013 г., то можно заметить существенные различия в прогнозах протестной активности.

Во-первых, значительно выросла доля ожидающих протеста в ближайшее время. Это выразилось и в значимом увеличении (на 20,6 п.п.) показателя вероятности социально-экономических протестов, и в резком снижении доли тех, кто затруднился с ответом (более чем в семь раз). Во-вторых, более чем в два раза увеличилась доля ожидающих митингов политического характера. Этот прогноз стал вторым в рейтинге по упоминаемости, видимо, как следствие начавшихся с приходом президента К. Токаева процессов либерализации политической жизни в стране. Например, в мае 2020 г. был принят новый закон «О порядке организации и проведения мирных собраний в РК»¹¹, закрепляющий уведомительный характер проведения мирных собраний. В-третьих, заметно, что личные действия стали менее востребованными, уступив запросу на разные формы коллективных действий (митинги, забастовки). В-четвертых, заметно (на 4,9 п.п.) повысился прогноз востребованности такой формы коллективного активизма, как забастовки трудовых коллективов. В то же время, в отличие от других форм активизма, показатели вероятности использования разовых акций в защиту своих личных интересов и интересов своей семьи, а также спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством за прошедшие семь лет не претерпели существенных изменений.

Рассмотрим теперь, каким было прогнозирование протестов с точки зрения социально-демографических характеристик респондентов.

Прежде всего, на прогноз значимо влиял возраст опрашиваемых. Так, на возможность социально-экономического протеста в стране чаще указывали представители старшей возрастной когорты. Например, в группе от 55 лет и выше о возможности социально-экономических протестов в стране сказали 84% опрошенных, а в группе

¹¹ Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан», от 25.05.2020 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333> (дата обращения: 06.09.2022).

Таблица 1

**Вероятность протестных выступлений с социально-экономическими требованиями
и политическими требованиями в месте проживания респондентов, 2021 г., % ответивших**

Варианты ответа	Выступления с социально-экономическими требованиями	Выступления с политическими требованиями
Да, возможны	21,0	17,8
Скорее возможны	28,7	22,1
Скорее невозможны	16,0	23,1
Однозначно невозможны	5,2	7,1
У нас невозможны, но возможны в другом населенном пункте	6,8	8,5
Затрудняюсь ответить	22,4	21,3

18–24 лет – 68,8%. О том, что ожидания протестов на социально-экономической основе выше в старших возрастах, говорят и распределения ответов по поводу вероятности забастовок трудовых коллективов: в группе 45–54 лет на это указали 38,1%, а в группе 18–24 лет – 20,7%. Обратная ситуация выявлена в отношении возможности выступлений с политическими требованиями: самая большая доля (45,1%) ожидающих политические протесты отмечена в молодежной группе до 24 лет. В группе старше 55 лет доля таких ответов – 30,7%, еще меньше она в возрастной группе 45–54 лет – 23,1%.

Протесты с политической подоплекой чаще других прогнозировали казахи (36,2%), жители мегаполисов (36,7%) и респонденты с неполным средним и высшим образованием (по 38,3%). А в молодежной когорте выявлен наиболее высокий показатель, 17,5%, ожиданий спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством, в то время как в группе старше 55 лет таких ответов было 5,7%.

Говоря о протестных выступлениях в городе или селе проживания, респонденты также более высоко оценивали вероятность именно социально-экономических выступлений (табл. 1).

Половина (49,7%) опрошенных полагала, что в ближайшее время в их городе/селе возможны и скорее возможны именно выступления против повышения цен, падения уровня жизни и социальной несправедливости. Что касается выступлений с требованиями отставки правительства или в защиту своих политических прав и свобод, то их считали вероятными 39,9% респондентов, а 30,2% не прогнозировали в ближайшее время политические выступления в местах их проживания. Здесь также отмечена зависимость мнений от возраста: чем старше респонденты, тем чаще они предполагали вероятность проведения протестных акций в месте своего жительства; в более молодых группах доля таких предположений ниже.

Уровень потребительского потенциала участников опроса не оказывал одностороннего воздействия на прогноз протестов. Так, доля тех, кто прогнозировал протесты с социально-экономическими лозунгами, оказалась очень высока в самой необеспеченной группе (у кого денег не хватает даже на питание) – 58,5%. Однако еще выше ожидания социальных протестов были в более обеспеченной группе (у кого денег не хватает только на покупку автомобиля или дома) – 62,5%. В то же время в средних по потребительскому потенциалу группах респондентов ожиданий по поводу подобных протестов наблюдалось заметно меньше (48–50%). Вместе с тем вероятность выступлений политического характера чаще озвучивалась в группе с крайне низкими доходами (52,8%), а во всех остальных доходных группах показатели данного прогноза были заметно ниже (39–43%).

Причины (не)участия в протесте. Хотя участники опроса предполагали протесты с высокой степенью вероятности (напомним, более 75% опрошенных говорили о возможных в ближайшее время выступлениях социально-экономического характера), однако подавляющее большинство из них – 83,3% – в ходе опроса заявили, что сами они никогда

Таблица 2

**Причины (не)участия казахстанцев в протестных акциях,
по итогам фокус-групповых обсуждений**

Причины участия	Причины неучастия
Готовность присоединиться к большинству («Если на митинг выйти, весь Казахстан должен выйти массово»; «если большинство вышло бы с претензиями, то я бы тоже вышел»)	Страх дестабилизации, войны («Народ в Казахстане не хочет войны, тем более гражданской»)
Способ проявить свою заинтересованность в улучшении своей жизни, защите своих прав, выразить свое мнение по важным для общества вопросам («Если есть какие-то проблемы, то давайте решим, выйдем на конструктивный диалог»)	Отсутствие позитивного результата от предыдущего опыта участия в митингах («Ну, выходили в Жанаозене ¹² , и что? В политику лучше не лезть»; «люди, которые умные, понимают, что у нас бесполезно ходить на митинги, это мало, что решит, понимаете?»)
Способ давления на власть, вместе – сила («Это хороший пинок для власти, чтобы что-то сделали. Больше таких эффективных инструментов нет, митинг только потому, что у нас власть не очень решает проблемы»; «Эффективны всякого рода забастовки, когда работники не выходят на работу или преграждают какую-то улицу»)	Страх преследования, негативных последствий для себя и членов своей семьи за участие в митингах («Будут терпеть до последнего, потому что каждый боится за свою семью, за себя»; «Чтобы меня забрали? Нет, абсолютно нет, это не способ»; «у нас много госслужащих, например, акиматские ¹³ , учителя, бюджетники, каждый боится потерять работу»; «Кто выражает точку зрения в противовес власти, то он сразу считается оппозиционером»)
Выборочное участие в зависимости от цели митинга («Есть митинги политические, которые нацелены на политическое управление, это, конечно, плохо влияет. Но про народ в целом, есть вопросы там многодетных матерей, вопросы жилья, это, конечно, приветствуется»)	Позиция «я человек маленький, от меня ничего не зависит» («Пусть делают все, что угодно, контролируют все, что я делаю. Все равно я ничего правонарушительного делать не собираюсь»; «Каждый человек в первую очередь думает о себе, о своей семье, а не о других»)
Наличие уважаемых лидеров, готовых взять на себя ответственность за проведение митинга, его конвенциональный характер («Нужны грамотные люди, за которыми народ пошел бы, не превращая это в простой погром»)	Отсутствие референтной группы, уважаемых людей, за которыми хотелось бы пойти на митинг («У нас нет общественной группы, которая имела бы четкую компанию, идею и цель. Они выходят на митинги, выкрикивая популистские лозунги. Это ничего не меняет в жизни, потому что у них нет четкого плана действий. Другие люди, не участвующие в митинге, видят, что эти люди ничего не решают»)

не будут принимать участие в акциях протеста. И только 16,7% респондентов назвали причины, которые могут побудить их принять участие в протестных выступлениях.

В качестве причин протеста, полученных в ходе ответов на открытый вопрос анкеты, в равной степени назывались социально-экономические и политико-правовые причины: нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также норм Конституции; продажа земли иностранцам; повышение цен на товары и услуги, снижение уровня жизни; безопасность семьи, детей, близких; ухудшение социальных и экономических условий жизни в стране, снижение качества услуг здравоохранения; беззаконие, коррупция, несправедливость судебных решений; и т.д. Примечательно, что участники опроса, выразившие готовность к протестам, указывали определенные условия, при которых они готовы выйти

¹² Город Жанаозен в Мангистауской области, в котором регулярно происходят массовые выступления жителей и работников нефтедобывающих компаний. Наиболее известны протесты 16 декабря 2011 г., повлекшие жертвы среди митингующих и представителей правоохранительных органов. Несанкционированные выступления жителей этого города 2 января 2022 г. в связи с повышением цен на газ для автомобилей послужили началом массовых протестов по всей стране.

¹³ Акимат – орган исполнительной власти в Казахстане на местном, районном, городском и областном уровнях.

на протестные акции: если за выступлением не последует наказание; если выступление будет поддержано большим количеством людей; если организация протеста будет исходить от определенной группы лидеров.

Фокус-групповые обсуждения выявили схожее описание причин участия/неучастия респондентов в протестных акциях (табл. 2). Отметим, что причины участия излагались на обсуждениях чаще всего с учетом условий, которые должны быть для этого обеспечены (мирный характер, наличие легальных лидеров-организаторов, солидарность с целью акции). В то же время причины неучастия носили больше индивидуальный характер, часто были связаны с личным опытом/переживанием: звучали высказывания типа «сам видел, как забрали после митинга», «...как уволили знакомого с работы после митинга» или «не вижу смысла для себя лично».

Хотя большинство респондентов не считало для себя возможным принимать участие в каких-либо акциях протеста, обсуждения на фокус-группах выявили несколько тем, которые могли бы вызвать широкий общественный резонанс и привести к мобилизации населения и выходу его на протестные выступления. К таким темам следует отнести:

- вопрос продажи земли или сдачи ее в аренду иностранцам (*«Самый проблемный вопрос – это касается земли, этот момент может поднять любого человека, который сопереживает за свою страну. Чтоб ее никому не отдали»; «Если землю начнут предлагать в аренду или, более того, на продажу каким-то там инвесторам – это может быть причиной волнений»;*

- ухудшение экономической ситуации в стране, которое может сказаться на материальном положении семей (*«На первом плане, наверное, социальная и экономическая уязвленность общества... Именно в плане материальном людей подталкивает выходить на митинги и протесты»;*

- национализм, языковой вопрос, ухудшение межэтнических отношений (*«Здесь все уживались хорошо, все национальности, но если кто-то попытается какой-то клин вбить по поводу языковому или по смене переименования нашего города¹⁴, то могут быть возмущения»; «Национализм для меня – тема такая животрепещущая, хоть я сам казах; наша страна многонациональная, и мне не нравится, когда начинают включаться казахские споры»;*

- угроза безопасности близким, прежде всего детям (*«Спровоцировать протесты может, если, допустим, будет муссироваться вопрос о вакцинации детей, на такой протест даже я готов выйти»;*

- актуальные проблемы, имеющие высокий общественный резонанс: на текущий момент это – экология и гендерное равенство, включая вопросы защиты женщин и детей от бытового насилия (*«Если будет митинг объявляться, цели которого близки, тема защиты материнства и детства, защита животных, экологии, то я, например, пойду»; «Поддерживаю такие митинги, чтобы у женщин было больше прав, чтобы был закон против насилия над женщинами».*

От декларации к делу. Различается ли декларируемая протестная активность казахстанцев в зависимости от содержания предполагаемых протестных выступлений? По итогам исследования видно, что, примеряя на себя роль протестующих, участники опроса не делали особых различий между защитой социально-экономических интересов или политическими требованиями. Большинство респондентов при этом не предполагают принимать участие ни в социально-экономических, ни в политических выступлениях (58,1 и 59,6% соответственно). В то же время на протесты с социально-экономической направленностью, возможно, вышли бы 17,2% опрошенных, а на политические митинги – 16,9%.

Однако одно дело – декларации о намерениях принять участие в каком-либо виде активизма, а другое дело – непосредственное участие в них. По итогам опроса самая большая доля респондентов (45,5%) утверждает, что в случае ухудшения

¹⁴ Фокус-групповое обсуждение, на котором прозвучала эта реплика, проходило в Петропавловске (Северо-Казахстанская область), в городе с преобладанием русского населения, в котором периодически поднимается вопрос о переименовании его в Кызылжар.

социально-экономической ситуации в стране попытается адаптироваться, самостоятельно изыскивая пути для изменения своей жизни в лучшую сторону. Другая часть (19,1%) опрошенных полагает, что они займут выжидательную позицию, надеясь на временный характер ухудшения ситуации. Деятельностные/активные модели ожидаемого поведения выбрали около пятой части (18,4%) участников опроса, причем половина этой группы (9,9%) предпочтёт выезд из страны как ответ на сложившиеся неблагоприятные обстоятельства. Непосредственно в акциях протеста в случае ухудшения ситуации в стране планировали принять участие 3,4% респондентов. Данный вариант чаще других выбирали мужчины, а также, ожидаемо, респонденты из самой молодой возрастной когорты 18–24 лет, как и представители группы 35–44 лет (5%). Повышенная доля выбравших участие в акциях протеста была и у респондентов со средним специальным образованием, у жителей областных центров и городов областного подчинения.

Данный вопрос является мониторинговым и задается в рамках исследований ОФ «ЦСПИ “Стратегия”» с 2008 г.¹⁵, так что есть возможность сравнить, как менялись в последние 14 лет описания поведенческих стратегий казахстанцев при предполагаемом ухудшении социально-экономической ситуации.

В течение 2008–2021 гг. перечисленные ранее стратегии приспособления к ухудшающимся условиям жизни являлись доминирующими (с упором на самостоятельные усилия). Однако доля тех, кто был готов терпеливо ждать лучших времен, «просела» с 32% в 2020 г. до 19% 2021 г. Стратегия на самостоятельный поиск любых путей улучшения своей жизни также показала снижение востребованности: если в 2008–2016 гг. на самостоятельный поиск решений ориентировалось 53–56%, то в 2018–2021 гг. – 42–45%. При этом с 2018 г. росла доля тех, кто отмечал эмиграцию как возможную реакцию на ухудшение социально-экономической ситуации, достигнув в 2021 г. 9,9% (в 2016 г. – 6%).

Фокус-групповые обсуждения выявили две позиции в отношении эмиграции. Представители возрастной группы до 30 лет рассматривают отъезд из Казахстана как способ самореализации, более высокооплачиваемого трудоустройства, обретения новых возможностей («Я учился в Штатах 6 лет, вернулся, решил жить в Казахстане и поднимать свою страну, и вот я начал сомневаться. Мне 30 лет, остаться в Казахстане и пытаться что-то сделать или же ехать за американской мечтой?»; «Я бы не смотрел, есть ли у меня дети, я, скорее всего, рискнул бы, поехал бы туда. Все-таки новая страна, новые возможности»). Согласно другой (чаще озвучиваемой) позиции, эмиграция рассматривалась как ответ на неудовлетворенность жизнью в стране: «если уже сильно будет тяжело, то просто менять страну». Причем обоснование выбора этого трудного шага привязывалось некоторыми респондентами к политическим условиям («Власть не слушает народ. Всё равно будет так, как они задумали. Просто надо переезжать в другую страну, и всё»).

Важно подчеркнуть, что в 2021 г. доля затруднявшихся ответить, которая на протяжении последних десяти лет варьировала на уровне 4–6%, взлетела в три раза – до 17%. Это свидетельствует о росте растерянности казахстанцев перед жизненными трудностями.

В таблице 3 приведены те формы конвенционального (разрешенного) и неконвенционального (неразрешенного) политического участия, которые в той или иной степени распространены среди казахстанцев, опрошенных в 2021 г. и в 2013 г.

Первое, на что нужно обратить внимание, – большое разнообразие форм социально-политического участия, что может характеризовать население Казахстана как политически активное. Вместе с тем около трети опрошенных в 2021 г. политически не активны: каждый пятый указал, что не пользовался ни одной из названных в анкете политических форм участия, а почти каждый десятый затруднился с ответом.

¹⁵ Как вы вероятнее всего поступите? Обзор результатов опроса [Статья на сайте ОФ «ЦСПИ “Стратегия”»]. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/823-kak-vy-veroyatnee-vsego-postupite> (дата обращения: 06.09.2022).

Таблица 3

Участие казахстанцев в социально-политической деятельности, % ответивших

Действия	2013*	2021
Акты гражданского неповиновения, неразрешенные акции (например, голодовки, стихийные акции протеста, митинги и др.)	0,4	8,0
Голосование на выборах	80,8	54,7
Обращения в СМИ	1,2	7,9
Обращения в суд	–	9,9
Обращения в государственные органы	6,9	14,5
Подписание онлайн-петиций	–	12,9
Самостоятельные действия через свои личные связи	–	5,9
Участие в деятельности политических партий	3,4	4,3
Участие в деятельности профсоюзов	–	4,9
Участие в разрешенных выступлениях (митинги, забастовки)	1,5	2,2
Участие в общественных организациях	–	4,6
Ни в одном не принимал участие	17,6	20,2
Затрудняюсь ответить	–	9,6

Источник: *Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstane-factory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Следующая специфика – сильное (на 26 п.п.) снижение в 2021 г. по сравнению с 2013 г. доли принимавших участие в голосованиях на выборах (с 80,8 до 54,7%). Неуклонное снижение явки казахстанцев в дни голосования на парламентских и местных выборах – процесс, который имеет несколько объяснений: неверие граждан в достоверность итогов выборов, неудовлетворенность введением пропорциональной системы, снижение авторитета представительных органов власти.

Опрос 2021 г. продемонстрировал также повышение значимости для казахстанцев других форм политического участия. Среди конвенциональных форм следует назвать обращения в государственные органы (рост с 7 до 14%), обращения в СМИ (с 1 до 8%) и такую новую форму активизма, как подписание онлайн-петиций (12,9%). В отношении же неконвенциональных форм участия следует отметить большое увеличение (в 8 раз) доли тех, кто участвовал в актах гражданского неповиновения, неразрешенных протестных акциях (с 0,4 до 8%).

Анализ результатов 2021 г. в разрезе возрастных когорт показал, что представители разных групп предпочитали участие в разных формах политического активизма. Так, об участии в актах гражданского неповиновения чаще сообщали респонденты до 24 лет (16,5%). При этом в данной группе меньше тех, кто ходил на выборы (34,9%); среди них больше, чем в других группах, затруднившихся с ответом и не принимавших участие ни в одной из форм политического действия (36,6%). Представители старших возрастов заметно чаще голосовали на выборах (68,0% в группе старше 55 лет), обращались в госорганы (20,1%) и в суды (15,4%). Подписание онлайн-петиций сравнительно чаще применяли в качестве формы политического участия респонденты 35–44 лет (14,2%) и 25–34 лет (16,4%).

Есть и этнические особенности политического участия. Казахи чаще представителей других этнических групп говорили, что принимали участие в неразрешенных выступлениях и митингах, участвовали в деятельности политических партий и профессиональных

союзов. Русские казахстанцы чаще использовали такие формы, как участие в голосовании и обращения в суд или в СМИ. А представители других этнических групп чаще обращались в госорганы и подписывали петиции; у них – самый высокий процент тех, кто не принимал участие ни в одной из указанных форм (31,0%).

Закключение. Исследование настроений населения Казахстана в 2021 г. выявило заметное снижение таких важных показателей социального самочувствия, как оценки экономического положения страны и материального положения семьи, удовлетворенности собственной жизнью. Это снижение имело долговременный характер (с 2017 г.), коронакризис 2020–2021 гг. выступил катализатором, ускорившим имеющиеся негативные тенденции.

До недавнего времени наиболее оптимальной в условиях ухудшения экономической ситуации была стратегия адаптации на основе снижения потребления и самостоятельно-го поиска дополнительного источника дохода. Но в 2021 г. доля «адаптантов» заметно снизилась на фоне повышения числа тех, кто предпочел бы другие формы реагирования, – переезд из страны в поисках лучшей жизни, участие в деятельности общественных организаций.

Хотя такую форму выражения своего отношения к складывающейся ситуации, как активный протест, выбирали только 4% опрошенных, ожидания протеста в различных группах населения в 2021 г. были значительными – у 3/4 граждан. Казахстанцы в условиях ухудшения жизни все чаще прогнозировали вероятность выступлений против роста цен, падения доходов и проводимой социально-экономической политики правительства в целом. В стране сформировалась социальная тематика, вокруг которой стали группироваться потенциально протестные группы: критика экономической политики государства, тема «продажи земли иностранцам», социальное неравенство, защита интересов уязвимых групп населения.

Опросы показывали, что в обществе происходило повышение запроса на коллективные действия. Это проявлялось и в мнениях о причинах возможного участия в протестных выступлениях, и в наборе практик активизма. В то же время на прямой вопрос о возможном участии в протесте подавляющее большинство казахстанцев отвечало отрицательно, мотивируя это отсутствием условий для мирного протеста (из-за слабой политической культуры протеста, отсутствия легальных и авторитетных лидеров), страхом преследований со стороны правоохранительных органов и потери работы.

Анализ приводит к выводу, что результаты социологических исследований, проведенных в предшествующие январским выступлениям годы (прежде всего, негативная динамика показателей), указывали на снижение адаптивности населения и усиление ожиданий качественных перемен, создающих условия формирования базы протеста. В то же время опрос 2021 г. в очередной раз выявил невысокую политическую активность, подтверждающую ранее сложившиеся практики невовлечения граждан в массовые протестные акции. Это позволило тогда сделать вывод, что даже при неблагоприятной социально-экономической ситуации негативные социальные настроения в течение года стабилизируются и пойдут на спад, а поэтому вероятность масштабных стихийных выступлений в стране низка.

Тем не менее январь 2022 г. показал, что, во-первых, до конца не изученным оказалось влияние пандемии на радикализацию настроений в казахстанском обществе, во-вторых, социальные настроения должны рассматриваться в тесной связи с изучением политического контекста и взаимоотношений во властной элите. Важным для анализа представляется так называемый «второй урок переломного момента», описанный М. Гладуэллом, который гласит: «Чтобы понять социальные эпидемии, мы должны сначала понять, что человеческое общение имеет свой собственный набор очень необычных и противоречивых правил» [Gladwell, 2000: 258]. На примере январских событий в Казахстане видно, что такой мотив, как готовность присоединиться к большинству, недооцениваемый исследователями, но являющийся внутренним основанием и оправданием для значительной части граждан, может быстро и резко поменять их поведение, побуждая применить ранее редкую практику участия в радикальном протесте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Gladwell M. *The tipping point: how little things can make a big difference*. Little, brown and company. Boston, New York, London: Little, Brown and Company, 2000.

Статья поступила: 08.09.22. Финальная версия: 28.11.22. Принята к публикации: 20.12.22.

**SOCIAL SENTIMENT AND PROTEST MOODS OF KAZAKHSTANI PEOPLE
ON THE EVE OF THE JANUARY 2022 RALLIES**

ILEUOVA G.T.*, SIMAKOVA O.A.*

**Public Foundation «Center for Social and Political Studies "Strategy"», Republic of Kazakhstan*

Gulmira T. ILEUOVA, Cand. Sci. (Sociol.), President (gulmira@ofstrategy.kz); Olga A. SIMAKOVA, Master of Sociology, Project Coordinator (olga@ofstrategy.kz). Both – Public Foundation «Center for Social and Political Studies "Strategy"», Almaty, Republic of Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project (grant AP08857524) of the grant financing of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2020–2022.

Abstract. The appeal to the topic of social protest in this article was based on the real events that shook Kazakhstan in January 2022. Starting in 2020 a three-year research project to study the protest potential in Kazakhstan, we could not imagine that our work would be so relevant. Reflecting on the topic of the January events, many Kazakh experts pointed to the socio-economic factor as their forerunner. Is it so? Having access to long term series of sociological data and being able to conduct a comparative analysis of the ten-year data, we tried to illustrate how the social moods of Kazakhstanis changed, their readiness for active actions and motives to participate in mass protests. Analysis of the data showed that in 2021 there was a noticeable decline in positive assessments of the economic situation – in both the country and families. There were expectations of discontent manifestations: more than 40 of Kazakhstanis in 2021 spoke about the likelihood of protests both in the country and in their place of residence. Moreover, the older age groups expected protests of socio-economic nature, while the young – protests of political nature. We came to the conclusion that by 2022 there were obvious signs of increasing protest activity on the basis of socio-economic instability, which received an additional impetus during the period of coronavirus restrictions, in Kazakhstan. But they were not enough to activate the masses for the January 2022 riots.

Keywords: Kazakhstan, social well-being, discontent manifestations. protest behavior, riots.

Received: 08.09.22. Final version: 28.11.22. Accepted: 20.12.22.

Г.С. АБДИРАЙЫМОВА, А.В. ВЕРЕВКИН, Т.Ю. ЛИФАНОВА

К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОГО НАСТРОЕНИЯ КАЗАХСТАНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

АБДИРАЙЫМОВА Гульмира Сериковна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы (gulmira.abdiraimova@kaznu.edu.kz); ВЕРЕВКИН Алексей Валентинович – кандидат социологических наук, кафедра социологии и социальной работы (aleksey.verevkin@kaznu.edu.kz); ЛИФАНОВА Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, кафедра философии (tatiana.lifanova@kaznu.edu.kz). Все – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Аннотация. В статье обобщены результаты социологического исследования социального настроения студенческой молодежи, проведенного в Казахстане с 2019 по 2021 г. Установлено, что уровень удовлетворенности студентов зависит от степени социального оптимизма/пессимизма и благополучия общества и имеет признаки нестатистичности. Результаты демонстрируют низкую оценку социального настроения студентов, испытывающих как материальные, так и психологические трудности, связанные с опасением более длительных последствий кризиса.

Ключевые слова: социальное настроение • студенческая молодежь • социальный оптимизм/пессимизм • ценности • социальная фрустрированность

DOI: 10.31857/S013216250016670-0

Об исследовании. В настоящее время студенческая молодежь¹ сталкивается с растущими требованиями к профессиональной квалификации, а также с нехваткой времени (совмещение учебы с работой), необходимостью быть мобильными и неопределенными перспективами на будущее. Молодым юношам и девушкам становится все труднее после получения квалификации рассчитывать на перспективы карьерного роста и получение привлекательной должности, которая гарантировала бы стабильную экономическую безопасность. Этот показатель влияет на долгосрочное планирование будущего в отношении создания семьи и совместного проживания². В этих условиях важно отслеживать такую интегральную характеристику, как социальное настроение студенчества, меняющуюся под воздействием социальных практик и определяющую его социальное поведение. Цель статьи – рассмотреть разные компоненты социального настроения казахстанской студенческой молодежи на основе социологических опросов³.

¹ Согласно данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК в стране на 2021 г. действует 122 высших учебных заведения, тогда как в 2001 г. их численность достигала 185. Численность студентов на 2021 г. составляет 575 511 человек, на 2020 г. – 576 557, что в среднем на 5% меньше по сравнению с 2019 г. (604 345 чел.) Наибольшее количество студентов сконцентрировано в крупных городах – Алматы (172 224), Шымкенте (82 840), Нур-Султане (62 788), Караганде (41 163).

² По данным Бюро национальной статистики, если в 2017 г. среди молодежи было заключено 105 796 браков (женщины) и 88 180 (мужчины), то на конец 2018 г. этот показатель снижен на 15 и 17% процентов соответственно. См.: URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/7> (дата обращения: 06.09.2022).

³ В статье представлены результаты социологических опросов на тему «Социальное настроение казахстанской молодежи», проведенных Центром социологического исследования и социального инжиниринга КазНУ им. аль-Фараби в 2019–2020 гг. Социологическое исследование реализовано в два этапа: (1) октябрь – ноябрь 2019 г. – 17 357 респондентов (до пандемии) и (2) май – июнь 2020 г. – 31 391 студентов вузов Казахстана (в период первого локдауна в Казахстане). Опрос проходил в городах РК со значимой концентрацией учреждений науки и высшего образования, обеспечивающих представительство регионов разных социально-экономических и ментальных типов: Алматы, Астана,

В современных исследованиях доминирует представление о «социальном настроении» как многомерной конструкции, отражающей совокупность мыслей, чувств и действий человека в той или иной ситуации. Его концептуализация происходит через объяснение того, как социальное настроение, выходя за пределы эмоционально-личностных оценок, активно объективируется в мотивах, поведенческих паттернах и действиях больших и малых социальных групп [Тощенко, Харченко, 1996]. В нашем исследовании социальное настроение рассматривается как совокупность компонентов социального самочувствия; оценки и самооценки социального статуса и положения; социальных ожиданий; социальной позиции.

Изменения ценностей и приоритетов студентов Казахстана. Устойчивость ценностей является одним из компонентов оценки социального настроения. Иерархия ценностей большинства людей устойчива и определяется важностью таких ценностей, как семья, здоровье, свобода, чувство собственного достоинства, стабильность. В то же время ранжирование интенсивности их изменений показательно в качестве одного из индикаторов социального настроения.

Сложившаяся эпидемиологическая ситуация в стране и в мире оказала существенное влияние на жизненный социальный мир молодежи, в особенности оценки устойчивости тех или иных ценностей. Так, по итогам опроса 2020 г. 56% студентов утверждают, что в их мировоззрении произошли существенные изменения, а 60,1% отметили, что в период пандемии для них возросла ценность жизни и здоровья собственного и близких. Основной тренд проявляется в центрированности семейных ценностей, в рамках которой именно семья осознается молодыми людьми как главная опора и оплот стабильности (38,5%). Однако более трети студентов отмечают, что ценности остались неизменными (36,1%), а для 19,8% то, что казалось ранее важным, потеряло ценность. Доверие к государству (правительству) в период пандемии увеличилось для 19,1% студентов. Субъективное благополучие, будучи результатом динамического равновесия [Cummins, 2010], как раз и предполагает учет таких механизмов адаптации и защиты личности в неблагоприятных условиях.

В дихотомии духовных и материальных ценностей наблюдается незначительное возрастание роли духовности. Вариант ответа «фокус сместился с материальных ценностей на духовные» отметили более 19,7% студентов (2020). Данная переменная не имеет значимых корреляций ни с полом и национальностью респондентов, ни с оценкой материального положения домохозяйств, а размах значений не превышает 1%. В то же время вариант ответа об увеличении значения материальных ценностей более зависим от экономического положения семей. Среди тех, кто оценивает его как плохое или очень плохое, на повышение значимости материального фактора указало 20,1% студентов, что в два раза превышает средний показатель как по всему массиву (9,2%), так и среди группы респондентов, удовлетворенных своим экономическим положением (8,4%).

В контексте многозначности и изменчивости молодежных ценностей социальное настроение формируется как результат сложного синтеза разнонаправленных тенденций, поведенческих паттернов, статусных и этнорелигиозных характеристик. Исследование

Караганда, Шымкент, Усть-Каменогорск и Актобе. Опросы проведены в технике личного интервью (с применением компьютерных устройств-планшетов). Выборка – комбинированная, многоступенчатая. Анкетированием были охвачены студенты всех курсов бакалавриата и магистратуры. Средний возраст респондентов – 19,4 года. Методологической основой данной статьи являются также результаты сравнительного анализа трех волн исследований, проведенных в 2013–2015 гг. в рамках совместного проекта с Институтом философии, политологии и религиоведения МОиН РК «Мировоззренческие и духовные ценности молодежи на современном этапе: оценка состояния, проблемы, пути решения», направленного на углубленный анализ динамики системы ценностных ориентаций молодежи Казахстана ($N = 1000$ на каждом этапе, от 15 до 29 лет). Выборка репрезентативна населению этого возраста в Казахстане. Студенчество от 55 до 57%. Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МОиН РК (Грант № BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии»).

Таблица 1

Динамика жизненных ориентаций и ценностей 2015–2020 гг., в %

Варианты ответа	2015	2019	2020
Семейное счастье	71,5	71,7	75,7
Здоровье свое и близких	78,7	63,5	74,8
Добиться всего честным трудом	48,9	46,8	55,5
Стать полезным обществу и своей стране	44,3	51,0	50,2
Интересная и высокооплачиваемая работа	58,1	57,5	40,8
Качественное образование	53,5	48,1	45,7
Профессиональный рост и карьера	43,2	23,2	32,6
Добиться лучшей материальной обеспеченности	53,9	35,3	28,8
Общественное признание, уважение и почет	41,0	26,4	25,6

показало, что среди ценностных установок казахстанской молодежи наиболее устойчивым элементом остается отношение к семье и семейным ценностям (табл. 1).

В сознании казахстанских студентов в условиях чрезвычайного положения с 23,2 до 32,6% возросла значимость профессионального роста, и в то же время такие показатели, как материальная обеспеченность и общественное признание, стали менее значимыми. Также была проведена оценка каждого элемента с точки зрения его важности в повседневной жизни. Подавляющее большинство (95,4%) молодых людей отметили такой критерий, как «безопасность», в качестве наиболее важного атрибута повседневности.

Анализ социального настроения казахстанского студенчества в 2020 г. показал, что доминирующими предстают такие элементы жизненных стратегий, которые можно в целом оценить как «точки роста»: самореализация и самоуважение, образование и обучение, личностный рост и развитие (рис.). Частотный анализ показал, что наименее значимы

Рис. Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, внимательно изучите список, а затем оцените каждый элемент с точки зрения его важности в вашей повседневной жизни», (май-июнь 2020, в % от общего числа респондентов, N = 31 391)

Таблица 2

Факторы и факторные нагрузки ценностных представлений казахстанского студенчества*
(май-июнь 2020, N = 31 391)

Ценностные представления	Компоненты		
	1	2	3
Гражданство	0,762		
Семья и дети	0,679		
Духовность	0,665		
Чувство принадлежности (к семье, к обществу, стране)	0,505		
Быть уважаемым, иметь авторитет		0,735	
Карьера и занятость		0,714	
Получить от жизни все (удовольствие, азарт)		0,689	
Самореализация и самоуважение			0,714
Безопасность			0,664
Образование и обучение			0,616
Личностный рост и развитие			0,531

Примечание. *Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: вари- макс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за четыре итерации.

в данный момент ориентации на гедонизм, получение удовольствий (52,8%) и достижение статуса и общественного признания (66,2%).

В исследовании был применен метод факторного анализа. КМО-статистика (критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина) для представленных данных равна 0,701, что подтверждает применимость факторного анализа для описания связей между переменными в данной выборке. Объясненная совокупная дисперсия – 55,41%. Значения факторных нагрузок для каждого ценностного представления приведены в таблице 2.

Изучив содержание факторов, возможным следующим образом описать смысловую связь переменных, которые вошли в каждый перечисленный фактор. *Первый фактор* лишь на первый взгляд объединил эклектичные компоненты, а именно ценности, которые условно определяются как «ориентиры идентичности». Этот фактор характеризует патриотичность и гражданственность, традиционализм семейных ценностей и духовность. *Второй фактор* определяет переменные, описывающие стремление достичь социального признания и общественно значимых статусов, авторитета, желания достичь карьерного роста и получить все от жизни (удовольствие, азарт). *Третий фактор* объединяет ценностные представления, которые можно оценивать как компоненты личностного развития и благополучия, включая самореализацию, образование и безопасность.

Анализ данных факторов позволяет сделать ряд обобщений и выводов. По первому фактору – «ориентиры идентичности» – статистически значимые различия сильнее проявляются в разрезе национальностей ($p < 0,001$): среди молодежи казахской национальности сильнее, чем среди других национальностей. Второй фактор «социальные статусы» сильнее проявляется среди молодежи ($p = 0,007$), оценившей свое материальное положение как плохое или очень плохое. Фактор личностного развития (третий фактор) более выражен ($p = 0,016$) у респондентов со средним материальным положением, а также среди тех, кто утверждает, что ($p = 0,009$) эпидемиологическая ситуация оказала на них значительное влияние.

Делая обобщения, можно отметить постепенное нарастание тревожных настроений среди студенчества. Так, если осенью 2019 г. «уверенность в завтрашнем дне» была подтверждена почти у половины опрошенных, то к весне 2020 г. этот процент снизился до 25,2%; «отсутствие каких-либо существенных изменений в образе жизни» отметили 28,4%,

что на 10% меньше весеннего уровня. По итогам ежегодного мониторинга⁴ качества образования в казахстанских вузах наметилось снижение общего уровня удовлетворенности студентов. По данным очередного среза (октябрь – ноябрь 2021 г.) уровень удовлетворенности профессиональным образованием снизился до 62,7% (34,9% – полностью удовлетворен и 27,8% – скорее да, чем нет). Тогда как в 2020 г. этот показатель составлял 74,4%, что на 2% ниже результата 2019 г.

Политическая и гражданская активность казахстанских студентов. Казахстанскую молодежь в целом можно охарактеризовать как аполитичную. Данные свидетельствуют о том, что политические амбиции казахстанской молодежи еще не сформированы и участие молодых в политике незначительно. Профиль политических ценностей и несколько поверхностный идеологический выбор молодых людей не зависит от значимых социально-демографических признаков и экономического статуса. Фрустрация идеологических воззрений происходит в возрастном диапазоне от 23 до 29 лет. Традиционные объяснения низкой политической активности среди молодежи исходят из того, что молодые люди сталкиваются с некоторыми так называемыми проблемами «начинаний», такими как поиск работы, жилья и создание семьи, что означает, что у них меньше времени и интереса к участию в политике, чем у старших возрастных групп.

Мониторинг политических ориентаций в проекции на региональную идентичность, по сравнению с исследованиями прошлых лет, проявил несколько заметных различий: молодежь «западного» и «южного» регионов с тенденцией «неспокойного» восприятия политической ситуации, тогда как респонденты «центрального» и «восточного» регионов с оценкой «нейтральности» и с высокой степенью политической толерантности и проявления способности к политическому дискурсу.

Из данных опроса 2020 г. следует, что политикой интересуется 29% студентов, из них только 13% внимательно следят за информацией о политических событиях в стране. Сравнительно невысокий интерес молодежи к политике во многом обусловлен иными жизненными интересами, ограничениями в приобретении социального опыта и направленностью на межличностные и внутрисемейные коммуникации. Но в то же время отмечается высокая активность в волонтерстве: 65% молодых людей участвовали в период пандемии COVID-19 в доставке первых необходимых товаров и продуктов для одиноких и пожилых людей, сборе средств, вещей для людей, попавших в тяжелые жизненные условия, и еще 52% на протяжении двух лет принимали участие в подписании обращений и петиций по поводу значимых событий в жизни страны. Наибольшую активность проявляет молодежь Алматы и Нур-Султана.

Ожидания и страхи казахстанского студенчества. Позитивный настрой преобладает в ответах приблизительно половины респондентов, столько же опрошенных высказали различные опасения и сомнения относительно благополучия их семей в настоящем и ближайшем будущем. По данным второго этапа исследования (2020), 49% респондентов отметили, что их семья уверена в завтрашнем дне и «смотрит с надеждой на будущее» (тогда как опрос первого этапа 2019 г. демонстрировал показатель выше 60%), 38,8% также утверждают, что каких-либо изменений в их деятельности и образе жизни не произошло.

Среди тревожных настроений преобладает констатация объективных материальных, финансовых трудностей (17,7%), в числе которых 4,6% опрошенных оценили материальное положение своей семьи как «очень плохое». Далее следуют психологические проблемы (11,8%), нарастание факторов социальной несправедливости (11,6%), ощущение нестабильности, неуверенность в завтрашнем дне (11,4%).

⁴ Центром социологических исследований КазНУ им. аль-Фараби совместно с МОН РК начиная с 2017 г. ежегодно проводится социологический мониторинг удовлетворенности студентов качеством профессионального образования. В опросе 2019 г. приняло участие 19 270 респондентов и в 2020 г. – 19 800 респондентов из 98 вузов страны. По итогам опроса 2021 г. выборка составила 20 774 студента из 91 вуза Казахстана.

Поскольку во многих регионах наблюдалось изменение привычных форм деятельности, повседневных практик, то ожидалось и соответствующее влияние этих факторов на динамику социального самочувствия населения, в том числе студенчества. В ходе опроса предполагалось оценить мнение респондентов о вероятности появления определенных проблем (вопрос: «Как вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в вашей жизни?»), прямо и косвенно связанных с эпидемиологической ситуацией в Казахстане и в мире (опрос 2020 г.). Анализ ответов показывает превалирование беспокойства о последствиях влияния на свою жизнь глобальных социальных процессов, а именно ухудшения «эпидемиологической ситуации в стране и в мире» (46,6%). На втором месте – снижение уровня экономического благосостояния семей и проблемы, связанные с обучением, отмеченные третьей респондентов. 26,6% казахстанских студентов обеспокоены потенциальными проблемами со здоровьем и работой системы здравоохранения (трудности с получением медицинской помощи, лекарств и т.д.). Вероятность потери работы отмечают 18,6% студентов, 17% тревожит международная напряженность. Только 5,5% студентов обеспокоены проблемами в семье и ссорами с близкими. Для сравнения отметим, что в 2019 г. предметом беспокойства казахстанских студентов являлись «внутренние» для страны, текущие проблемы, такие как инфляция, безработица (34,7%), низкие социальные гарантии для молодежи (28,9%), проблемы здравоохранения (24,1%) и политические проблемы (отсутствие свободы слова и т.д.) (12,1%).

Полученные данные в целом подтвердили одну из гипотез исследования о взаимозависимости удовлетворенности материальным положением и индикаторами жизненных стратегий, страхов и др. Опрос в период начала пандемии в 2020 г. выявил, что процент тех, кто обеспокоен здоровьем своей семьи, почти вдвое выше среди респондентов, оценивающих материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее (33,5%), в сравнении с малообеспеченными семьями (16,9%) (от числа опрошенных в каждой экономической подгруппе).

Опрос показал, что многие молодые казахстанцы стремятся уехать за рубеж в поисках «лучшей жизни». Наиболее предпочтительными для эмиграции регионами являются страны Европы и США. Число желающих учиться и работать в России в 2019 г. составило только 2,4%, и в 2020 г. этот показатель остался практически неизменным – 2,2%. В то же время в условиях пандемии доля тех, кто предпочитает остаться в Казахстане, возросла с 35,8% (2019) до 46,7% (2020). Соответственно, процент тех, кто хотел бы уехать в другие страны, равномерно снизился. Частотный анализ ответов на вопрос «Что привлекает вас в другой стране» как в 2019 г., так и в 2020 г. показывает важность таких критериев, как «качество и уровень жизни» (2019 г. – 65,3%, 2020 г. – 57,4%), «качество образования» (2019 г. – 42,7%, 2020 г. – 47%), «безопасность и уровень медицинского обслуживания» (2019 г. – 20,3%, 2020 г. – 37,4%).

Общая оценка социальных ожиданий и уверенности в завтрашнем дне оценивается как позитивная, однако и здесь отмечается некоторое снижение показателей. Доля «уверенных» в завтрашнем дне составила 56,5% в 2020 г. (69,0% – 2019 г.); вариант ответа «скорее да» отмечен у 21,9% студентов (33,3% – 2019 г.). Суммарный процент тех, кто выражает критическую оценку, составил в 2020 г. – 13,2% (нет – 5,9% и скорее нет – 7,24%). Этот параметр незначительно изменился в сравнении с 2019 г. – 11,8% (нет – 5,2% и скорее нет – 6,6%).

Выводы. Основные исследовательские вопросы, сформулированные в статье, исходя из предположения, что социальные следствия пандемии COVID-19 усилили традиционные для казахстанской молодежи проблемы, а также способствовали выявлению и легитимизации изменений таких социальных процессов современного казахстанского общества, как интенсивное реформирование высшего образования, рост темпов урбанизации, ценностный разрыв поколений и др. Результаты исследования подтверждают, что изменившиеся социально-экономические условия периода пандемии усилили данные тенденции посредством роста числа работающих студентов (в основном в сфере неквалифицированного труда), а также актуализировали трудности профессиональной

подготовки и входа на рынок труда молодых специалистов. Существует устойчивая корреляция между выбором отрицательных вариантов ответа, демонстрирующих снижение социального настроения молодых казахстанцев, и самооценкой уровня экономического благосостояния домохозяйств.

Исследования казахстанского студенчества показали, что детерминанты удовлетворенности жизнью, социальные убеждения и самовосприятие студенческой молодежи определенным образом сопряжены с академической удовлетворенностью как отражением того, насколько студенты благополучны в основной сфере своей деятельности. Кроме того, академическая удовлетворенность также является ценным предиктором для других индикаторов социального настроения. Большинство молодых людей сталкивается с проблемой приспособления к изменившимся социальным условиям, что приводит к фрустрации, особенно усилившейся в период пандемии.

Важно отметить, что именно пандемия определила и акцентировала приверженность казахстанской молодежи к семейным ценностям. Несмотря на существующие в общественном сознании стереотипы о молодежном мейнстриме в виде отказа от традиционных ценностей, результаты исследований ценностей молодежи Казахстана в 2013–2015 гг. стабильно показывали, что для подавляющего большинства молодых казахстанцев наиболее важной ценностью является семья. Значительную роль в превалировании ценностей семьи подтвердил и опрос 2020 г., наряду с ростом гражданственности и всплеском интереса к волонтерству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. [Toshchenko Zh.T., Harchenko S.V. (1996) *Social mood*. Moscow: Academia. (In Russ.)]
Cummins R.A., Mellor D., Stokes M., Lau A.L. (2010) Measures of subjective well-being. In: Mpofu E., Oakland T., eds. *Rehabilitation and health assessment: applying ICF guidelines*. New York: Springer Publishing Co.: 409–426.

Статья поступила: 24.08.21. Финальная версия: 07.09.22. Принята к публикации: 04.10.22.

EVALUATION OF SOCIAL WELL-BEING OF KAZAKHSTAN'S STUDENTS

ABDIRAIYMOVA G.S.*, VEREVKIN A.V.*, LIFANOVA T.Y.*

*Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Gulmira S. ABDIRAIYMOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. Head of the Department of Sociology and Social Work (gulmira.abdiraiymova@kaznu.edu.kz); Aleksey V. VEREVKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Department of Sociology and Social Work (aleksey.verevkin@kaznu.edu.kz); Tatiyana Y. LIFANOVA, Cand. Sci. (Philos.), Department of Philosophy (tatiana.lifanova@kaznu.edu.kz). All – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Abstract. The article offers an analysis of the social well-being of Kazakhstani student youth during the pandemic. Based on materials of research in Kazakhstan in 2019–2021 it has been found that the level of student satisfaction depends on the degree of social optimism/pessimism and well-being of society showing signs of instability. Over the past three years, high levels of social well-being are correlated with students who are confident about their future. The study also revealed a low assessment of social well-being by students experiencing material and psychological difficulties, as well as lacking social integration. Low assessment is also associated with fear of more long-lasting impact of the crisis. Particular attention in this study is paid to the issues of changing the social well-being of students and assessing the nature of social expectations, the possibility of certain problems in the near future, fears and confidence/uncertainty in the future and rethinking the social goals of young people before and after the COVID-19 pandemics.

Keywords: social well-being, student youth, social optimism/pessimism, values, social frustration.

Received: 24.08.21. Final version: 07.09.22. Accepted: 04.10.22.

© 2023 г.

Н.А. ГОЛОВИН

СОТРУДНИЧЕСТВО П.А. СОРОКИНА И Р. ТУРНВАЛЬДА В ЖУРНАЛЕ “SOCIOLOGUS” (К публикации деловой корреспонденции и рецензий)

ГОЛОВИН Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (n.golovin@spbu.ru).

Аннотация. Сотрудничество российско-американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968) с немецким социологом, социальным антропологом и этнологом, главным редактором «Журнала народной психологии и социологии» Р. Турнвальдом (1869–1954) приходится на 1927–1933 гг. и 1951–1954 гг., представляя собой важный и малоизвестный эпизод в его творческой биографии. Публикуемая корреспонденция, журнальные рецензии, а также выходившие в основанном Р. Турнвальдом немецком журнале статьи и рецензии П.А. Сорокина поясняют изменения в методологии его социологии, полнее раскрывают его деятельность по институционализации общей социологии, его деловые и личные отношения с немецкими социологами.

Ключевые слова: П.А. Сорокин • Р. Турнвальд • институционализация социологии • методология социологии • история социологии • немецкая социология • политическая этика

DOI: 10.31857/S013216250021527-2

Вводные замечания. Журнал «*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*» (Журнал народной психологии и социологии) был основан в 1925 г. немецким социологом, культур-антропологом, этнологом и основателем немецкой школы этносоциологии Р. Турнвальдом (1869–1954). С 1929 по 1933 г. Журнал... опубликовал 4 статьи и 13 книжных рецензий Сорокина, содержащих оценки 21 книжного издания, а также поместил на своих страницах 21 рецензию немецких специалистов на книги Сорокина. Начиная с журнального тома 6 (1930) Сорокин являлся членом редакции издания в качестве профессора Гарвардского университета. В 1932 г. (т. 8) к названию журнала добавилось наименование «Социологус»: он стал именоваться «*Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*». После захвата власти в Германии нацистами журнал закрылся и был восстановлен в 1951 г. как «*Sociologus. Zeitschrift für empirische Soziologie, sozialpsychologische und ethologische Forschung*» («Социологус. Журнал эмпирико-социологических, социально-психологических и этнологических исследований»). Известно, что П.А. Сорокин в 1950-е гг. планировал продолжить сотрудничество с «Социологусом».

В других немецких журналах, прежде всего в «*Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie*» («Кёльнский ежеквартальник социологии»), далее – «Кёльнский ежеквартальник», издаваемом социологом Л. фон Визе (1876–1969), публикации Сорокина межвоенного периода и немецкие отклики на его книги распределились следующим образом: 1) в «Кёльнском ежеквартальнике» – три статьи и шесть рецензий немецких специалистов на книги Сорокина;

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451.

2) в других философских, правоведческих, экономических, искусствоведческих журналах, а также в «Социологическом ежегоднике», издаваемом Г. Саломоном, – две статьи и 11 рецензий немецких специалистов. Следовательно, публикации в журнале Р. Турнвальда сыграли особую роль в осуществлении научных связей П.А. Сорокина с немецкими социологами. Эти его контакты изучены мало, их значение для общей социологии не выяснено. Введению материалов о них в научный оборот и их изучению будет, надеюсь, способствовать эта первая в России публикация переводов писем П.А. Сорокина Р. Турнвальду и его книжных рецензий в рассматриваемом периодическом издании социологов и этнологов.

После Второй мировой войны редакционный архив журнала оказался в США, где и была обнаружена часть публикуемой здесь корреспонденции П.А. Сорокина и Р. Турнвальда. Ее дополняют материалы научного архива П.А. Сорокина в Канаде, всего 11 его писем. Оригиналы его довоенных писем Р. Турнвальду, если они были в документации Немецкого социологического общества, погибли в конце войны в ходе англо-американских бомбардировок Лейпцига. К источникам данного исследования относятся и редакционная корреспонденция о подготовке статей П.А. Сорокина к публикации, о выполнении им заказов журнала на рецензии социологических книжных новинок.

Особенности редакционной подготовки рукописей статей П.А. Сорокина к публикации. П.А. Сорокин опубликовал в изданиях Р. Турнвальда четыре статьи. Две из них: «Эксперименты в социологии» (1928) и «Социология как специальная наука» (1930) посвящены перспективным направлениям развития общей социологии [Сорокин, 2022a; Сорокин, 2022b]. Еще одна статья, подготовленная им в соавторстве с К. Циммерманом, «Политические установки фермеров и крестьян» (1929) обращена к социологии села и основана на электоральной статистике с проведением широких обобщений, типичных для П.А. Сорокина. Далее журнал опубликовал его статью «Исследования по социологии искусства: последовательность видов искусства в жизненном процессе культуры» [Sorokin, 1933], которая стала первой его публикацией среди материалов, положенных им в основу замысла будущей книги «Социальная и культурная динамика» (далее – «Динамика», см. том 1, гл. 5). Этот материал также входит и в более позднюю его книгу «Социальные философии в век кризиса» (1950), что подчеркивает большое значение этой статьи в отношении методологии. В ней, например, зафиксировано некоторое влияние Лигети (венгерский художник и искусствовед) на логико-смысловой метод «Динамики» П.А. Сорокина, пусть и небольшое. При таких обстоятельствах наиболее показателен ход редакционной подготовки статей П.А. Сорокина на ее примере.

Начало сотрудничества П.А. Сорокина с журналом Р. Турнвальда совпало с ростом его научного авторитета после выхода в свет книг: «Социальная мобильность» (1925); «Социология революции» (1925, немецкое издание – 1928) и «Современные социологические теории» (1928, далее – «Теории»). В письме к П.А. Сорокину от 27.06.1927 г. Р. Турнвальд благодарит его за присланные ему книги, планирует поместить в журнале рецензию на книгу «Социальная мобильность» и сообщает: «Несколько дней назад я с удовольствием познакомился с Вашей книгой “Современные социологические теории”. Майор Касполь¹ любезно дал мне такую возможность. Особо поздравляю Вас с этим трудом. Уверен, он окажет большое влияние на социологию в целом». Тут же сообщается, что Турнвальд вместе с господином Касполем запланировал подготовку сокращенного немецкого издания «Теорий» для студентов, которым книга в 900 машинописных страниц будет не по карману. «Надеюсь, что Вы поймете и согласитесь с моими и д-ра Касполя доводами»². П.А. Сорокин согласился: краткое немецкое издание вышло в 1931 г.

¹ О майоре в отставке Х. Касполе известно мало. В 1919 г. он защитил диссертацию в Университете Кёнигсберга, которая была единственным его исследованием, остальное – его рецензии на политическую литературу.

² The Pitirim Sorokin Collection at University Archives & Special Collections, University Library at the University of Saskatchewan. Здесь и далее вся архивная корреспонденция до 1932 г. цитируется по копиям материалов указанного архива. Корреспонденция 1932 г. цитируется по материалам архива Manuscripts and Archives Yale University Library.

и получило негативный отзыв фон Визе, заявившего, что г-н Касполь, препарируя оригинал, искажает мысли Сорокина [Wiese, 1931].

С этого момента П.А. Сорокин начинает регулярно публиковать статьи и рецензии в данном журнале. 8.05.1928 г. Р. Турнвальд пишет ему: «Рад, что журнальный том этого года открывается Вашей прекрасной статьей...»³. Иногда случались примечательные затруднения с переводом его рукописей с английского на немецкий язык. Например, получив из редакции для согласования перевод рукописи статьи по социологии искусства, П.А. Сорокин, просмотрев его, вернул из-за своего недостаточного знания немецкого языка, «чтобы судить о деталях», и попросил Р. Турнвальда самому сделать окончательные стилистические исправления, см. публикуемое ниже письмо № 5 от 15.12.1932 г.

В подготовке к публикации рукописей П.А. Сорокина участвовал переводчик. 22.08.1932 г. Р. Турнвальд пишет переводчику д-ру П. Киршхофу в Лондон: «...Теперь у журнала "Социологус" есть большая потребность в переводе, в основном, с английского на немецкий. Может быть, Вы возьмете на себя такие переводы? Гонорар 30–50 рейхсмарок за издательский лист (16 страниц). Если, как это обычно бывает у американцев, автор отказывается от гонорара, то тогда мы платим 50 марок. Сейчас у нас как раз есть рукопись статьи Сорокина, которая выйдет с 3–4 продолжениями. Речь идет о серии статей по социологии искусства».

Изучение редакционной корреспонденции и других материалов показывает, что двуязычие журнала стало частью редакционной политики Р. Турнвальда и издательства К.Л. Хиршфельда (Verlag von C.L. Hirschfeld, Лейпциг), которое издавало этот журнал. В письме от 15.12.1932 г. Р. Турнвальд сообщает сотруднику издательства В. Мюльману⁴: «Я думал о двуязычии уже несколько лет назад, но лишь когда приехал в Америку, возникла возможность осуществить этот план после того, как прояснилось, как следует реализовать двуязычие. Рид Бейн⁵ дал правильный совет публиковать немецкие статьи в переводе на английский, а английские – в переводе на немецкий язык... Я за то, чтобы считать этот принцип перспективным направлением журнала. Предпосылкой должен быть отказ автора от гонорара... Тогда переводчик получал бы гонорар автора». 14.09.1932 г. издательство сообщает Р. Турнвальду о готовности выпускать в свет статьи П.А. Сорокина в журнале «Социологус» по-немецки с учетом его отказа от авторского гонорара (который при обменном курсе валют 1\$=4 рейхсмаркам был бы незначительным для американского профессора).

Однако у переводчика Киршхофа возникали затруднения: он сообщает Турнвальду (через издательство), что английский язык Сорокина – не английский и не американский, «наверное он – русский» (цит. по письму Мюльмана к Турнвальду от 11.11.1932 г.). Если сопоставить это сообщение с заключением современного издателя и переводчика сочинений Сорокина В.В. Сапова, что его сочинения переводить с английского на русский язык нетрудно, учитывая стилистические и терминологические особенности его текстов российского периода [Сапов, 2020: 763], то можно оценить глубину влияния петербургской научной социализации на все творчество П.А. Сорокина. Обычно издательство привлекало к работе профессиональную переводчицу М. Лебедеву (Мюнхен)⁶, а не П. Киршхофа, но с ней контакт в тот момент был временно утрачен.

Остается лишь привести замечание по существу сотрудника издательства социолога Мюльмана, высказанное Турнвальду в письме от 4.09.1932 г.: «Эссе Сорокина читал и нахожу его весьма интересным, хотя не вполне ясно, почему он свой подход считает социологией искусства, а не историей культуры». Замечание свидетельствует о высокой компетентности сотрудника.

³ Речь идет о статье «Эксперименты в социологии» [Сорокин, 2022a].

⁴ Вильгельм Мюльман (Mühlmann, 1904–1988) – немецкий социолог и этнолог, редактор журнала.

⁵ Рид Бейн (Bain Read, 1893–1972) – американский социолог.

⁶ Ею же переведены с английского языка на немецкий четыре публикуемые рецензии, пятая рецензия опубликована на английском языке.

Публикуемая деловая корреспонденция Сорокина и Турнвальда охватывает 1927–1931 и 1951–1954 гг., то есть довоенную работу П.А. Сорокина в университете штата Миннесота, затем в Гарварде, и послевоенную его деятельность как директора Гарвардского центра изучения творческого альтруизма. Довоенная корреспонденция относится к контексту подготовки «Динамики». В письмах № 2–5 подчеркивается важность обсуждения ее метода с немецкими социологами. Послевоенная часть раскрывает некоторые подробности восстановления научных связей в социологии.

Корреспонденция включает обращения журнала к П.А. Сорокину как к авторитетному независимому рецензенту книжных новинок. В качестве общего контекста отметим, что немецкие научные публикации того времени выходили в свет в Веймарской республике в необычайно напряженной политической ситуации идеологических столкновений. Так, в письме от 18.09.1932 г. Турнвальд сообщает Мюльману: «Мне стыдно за политические события в Германии. Сначала казалось, что теперь взят здравый политический курс... Одни только речи Шляйхера или демонстрация "Стального шлема" были бы не столь большим злом. Но принять Гитлера, Шляйхера и "Стальной шлем" вместе – это уж слишком»⁷.

20.11.1932 г. Р. Турнвальд в письме к П.А. Сорокину сообщает об обеспокоенности поступившей в редакцию инициативной рецензией на одну нашумевшую книгу. «Вы знаете, что я иногда с подозрением отношусь к непрошеным обзорам, особенно от тех, чья партийная принадлежность мне известна. Не хочу, чтобы журнал "Социологус" использовали для пропаганды», – сообщает он. Речь шла о книге А. Йохана «Америка: Закат в изобилии» (1932), посвященной безработице в США во время Великой экономической депрессии (1929–1939). Сообщив о своем опасении, Турнвальд попросил Сорокина высказать «непредвзятое мнение американского специалиста». Сорокин сам не взялся за рецензию, но организовал ее подготовку специалистом – экономистом проф. Э. Мейсоном (Edward C. Mason), см. публикуемые письма № 4 и 6. Он отказывал в рецензировании книг не по социологии, см. письмо № 3, а также первую из публикуемых рецензий.

Ограничившись лишь этими примерами, отметим, что в научных журналах отражалась конкуренция социологических теорий и школ: Р. Турнвальд в письме издателю К.Л. Хиршфельду от 22.08.1932 подчеркивает, что статьи П.А. Сорокина подготовлены «не в предпочтительном сейчас для Вас марксистском смысле»⁸. Некоторые из публикуемых рецензий Сорокина являются сводными, сочетающими редакционный заказ и личную инициативу рецензента. Такой компоновкой объяснимы бинарные оценки: некоторые книги «должен прочесть каждый социолог», другие – «читать не стоит».

Рецензия о новых книгах по «философской» и «эмпирико-индуктивной социологии» содержит именно такие оценки. Сформулировав прежде всего свое видение насущных задач социологии, рецензент рассматривает сочинения некоторых сегодня бесспорных классиков социологии: Л. фон Визе, Х. Фрайер, Л.Т. Хобхаус, также психолог Ф. Огборн и авторы некоторых прикладных исследований тех лет. Первая часть обзора отведена второму тому «Общей социологии» Л. фон Визе, вторая часть – шести другим книгам.

Рецензент разделяет замысел фон Визе «сформировать социологию как внутренне связанную, системную дисциплину со своим предметом, методом и логической структурой», поддерживает тезис о свободе социологии от этических оценок и об изучении социальных процессов по фактам – все это «выдерживает любую критику». Что касается недостатков тома, то рецензент уже ранее высказал их в адрес формальной школы [Sorokin, 1929: 365]. В рецензии они еще раз указаны в обобщенном виде.

⁷ Речь идет о последних месяцах демократии в Веймарской республике перед приходом нацистов к власти. К. фон Шляйхер с июня 1932 г. – военный министр Германии. «Стальной шлем» – военизированная организация немецких ветеранов Первой мировой войны.

⁸ Издательство К.Л. Хиршфельда (г. Лейпциг) одновременно выпускало в свет «Журнал социальных исследований», основанный неомарксистом М. Хоркхаймером.

Первая часть рецензии носит заметно хвалебный характер, не свойственный оценкам Сорокина: он почти «полностью согласен» с разработкой теории социальных агрегатов фон Визе, усматривает в ней «замечательный вклад в социологию», называет сочинение «сокровищницей ценнейшего анализа и размышлений». Такие оценки вполне объяснимы лишь с учетом места первой части рецензии в продолжительной теоретической дискуссии рецензента и рецензируемого автора.

В 1928 г. выходит в свет книга П.А. Сорокина «Современные социологические теории», где подробно изложены критические оценки недостатков формальной школы при поддержке стремления фон Визе институционализировать социологию «как самостоятельную науку...» (следует ссылка П.А. Сорокина на первый том «Общей социологии» фон Визе) [Сорокин, 2021: 442]. Там фон Визе представлен как лидер «постзиммелианства», доведший до логического конца методологический тезис формальной школы о разделении формы и содержания исследуемых социальных процессов [Сорокин, 2021: 438]. В классификации социальных отношений фон Визе Сорокин насчитывает около 650 таких форм [Сорокин, 2021: 442] и заявляет, что рецензируемый автор «более систематично, чем кто-либо другой, довел формальную концепцию социологии до ее логического конца. Чтобы предотвратить загрязнение "чистой социологии" "содержанием" социальных связей, он разорвал все узы между социальными "формой" и "содержанием"». Сорокин считает это грубой ошибкой, не верит, что социальная «форма» может существовать независимо от «содержания» [Сорокин, 2021: 438–447]. Он дает итоговую оценку: «Если работы фон Визе, Тённиса, Зиммеля... не стали подобным схоластическим каталогом, то лишь потому, что они сами не следовали "формальным претензиям". Лучшие части их работ именно те, где они забывают об этих претензиях и углубляются в исследование "содержания" явлений» [Сорокин, 2021: 458]. 20.10.1929 г. именно вышеизложенный фрагмент «Теорий» с учетом цитируемого ниже письма фон Визе от 27.04.1927 г. дал основание Сорокину в письме Н.Е. Шаповалу заявить, что он «разнес его форм[альную] школу» так, что это признает сам фон Визе. «Я реценз[ировал] его II том в Zeitschrift für Völkers Турнвальда в только что вышедшей книге...» – добавляет он [Сорокин, 2005: 575].

Действительно, фон Визе в письме 27.04.1928 г. деликатно сообщает Сорокину: «В последние дни я начал с надлежащим вниманием читать Ваш труд "Современные социологические теории". Как раз перед этим получил из Америки два письма, в которых мое внимание обращено, как указано в письмах, на Ваши якобы "нападки" на мои разработки. Так как Вы не только в Вашем любезном предисловии, но и вне его благожелательно отзываетесь о моих трудах, не могу согласиться со словом "нападки". Однако, откровенно говоря, я все-таки болезненно задет Вашими неожиданными для меня суждениями о том, что Вы называете школой формальной социологии. ...Не могу признать Вашу критику верной... Хотел бы вскоре письменно изложить свои соображения на этот счет», – далее он мягко критикует Сорокина за его недостаточное различение подходов к исследованию социальных отношений в социологии и в правоведении. «Позвольте мне сегодня выразить – не личное, а скорее чисто деловое и дружеское возражение», – завершает он письмо. Затем в «Кёльнском ежеквартальнике» была опубликована деликатная рецензия «Теорий» фон Визе с «дружеским возражением» [Wiese, 1929]. В свою очередь П.А. Сорокин значительно смягчил свою критику формальной школы в первой части публикуемой рецензии по сравнению с ее оценками в «Теориях».

После того, как в 1931 г. вышло в свет немецкое издание «Теорий» в обработке майора Касполя, фон Визе раскрыл основание своей толерантности в 1929 г.: «Стремлением тогда (как и сейчас) было сделать все от меня зависящее, чтобы собрать и поддерживать творческие силы нашей науки, легко доступной дешевым губительным нападкам, а не рознить и противопоставлять их... Тогда во мне победило желание отметить то, что заслуживает одобрения в работе Сорокина, а ошибочное, не игнорируя, оставить на втором плане, – пишет Л. фон Визе и поясняет: – Незадолго до этого, во втором томе моей "Общей социологии"... я также разобрался с ложными обвинениями со стороны

Сорокина, которые он выдвинул против (воображаемой, на самом деле не существующей) "формальной школы"..., объективно ответил на каждый из пяти пунктов его критики, пусть кратко, но вполне ясно» [Wiese, 1931: 540–541].

Именно поэтому в публикуемой рецензии критика «Общей социологии» Л. фон Визе является смягченной и даже хвалебной. Важнее общая цель дисциплинарной интеграции социологии. П.А. Сорокин не раз подчеркивал ее на страницах журнала Турнвальда. Например, его понятие социологии охватывает почти все социологические школы и «обеспечивает им пространство для органически связанного параллельного мирного сосуществования». «Поэтому не вижу причин возражать против какого-либо из них... Моя "миролюбивость" не является эклектикой, а идет от логической природы изложенного здесь определения и его требований» [Сорокин, 2022а: 109]. Таким образом, первая часть сводной рецензии иллюстрирует общие усилия по институционализации социологии, а критика формальной школы в социологии в ней отходит на второй план.

Во второй части этой рецензии речь идет об отграничении теоретической социологии, опирающейся на факты и статистику, от философского умозрения. П.А. Сорокин, словно подтверждая замечание фон Визе в письме от 27.04.1928 г. об отождествлении им правоведческого и социологического подхода, постоянно настаивает на том, что социология обязательно включает «исследование причинности», использует экспериментальные, статистические и другие методы естествознания. Она остается «эмпирической наукой, основанной на индуктивном методе, подлинный интерес которого состоит в охвате причинных и функциональных связей в широком поле человеческих отношений и социальных процессов» [Sorokin, 1929: 367–368]. Поэтому книги Леви⁹, Лемана¹⁰ и Фрайера¹¹, Хобхауса¹² при всех их достоинствах «очень слабо связаны с социологией» и даже находятся за ее пределами.

Он формулирует методологическую норму, которой точно следует в «Динамике» (1937): если социолог «желает провести социологическое исследование своей проблемы, то должен обработать статистический и прочий количественный материал по проблеме, проанализировать его согласно требованиям индуктивных и статистических методов, создать кривую динамики своего предмета и связать либо соотнести его с "переменными", как они представляются в фактах и в их анализе. Тем самым выполнена научная разработка проблемы» [Сорокин, 1929: 369]. Рецензируемые социально-философские сочинения «поразительно "свободны" как от статистики, результатов экспериментов, данных наблюдений, так и даже от исторических фактов, – пишет Сорокин и заключает: – Хороши или нет эти философии, нам все равно. Что касается нас, так это констатация того, что данные сочинения и уже рассмотренные труды Лемана, Фрайера, Леви и Хобхауса в принципе не относятся к социологии» [Сорокин, 1929: 370–371]. Соответственно, высоко оценены прикладные исследования об американском браке, «Социология города» Андерсона и Линдемана. Книги не по социологии исключены из рассмотрения [Сорокин, 1929: 370]. Таким образом, композиция данной сводной рецензии сочетает научные интересы Сорокина и редакционный заказ.

Рецензия на брошюрованный доклад Отмара Шпанна¹³. Весьма показательно обсуждение П.А. Сорокиным данного доклада во второй из публикуемых рецензий, содержащего тезис о том, что индивида следует рассматривать как часть социально-смыс-

⁹ Фриц Леви (Lewy, 1901–1990) – немецкий социолог и статистик, автор книги «Социологический метод» (1927).

¹⁰ Альфред Леман (Lehmann, 1858–1921) – датский психолог, один из основателей экспериментальной психологии.

¹¹ Ханс Фрайер (Freyer, 1887–1960) – немецкий социолог, президент Немецкого социологического общества (1933–1934).

¹² Леонард Хобхаус (Hobhouse, 1864–1929) – британский философ, социолог, политический теоретик.

¹³ Австрийский философ, экономист и социолог О. Шпанн (1870–1950) являлся социальным теоретиком, публицистом и идеологом правых сил в Германии (так называемая «консервативная революция») в межвоенный период. Рецензируемый доклад относится к данному идейному контексту. Рецензия свидетельствует о высокой чувствительности Сорокина к смешиванию идеологии и науки.

ловой целостности. Внимание рецензента привлек соответствующий тезису «универсалистический метод». Согласно Сорокину, в «богатом мыслями» докладе звучит доказательная «критика недостатков индивидуалистических, натуралистических, количественных и механистических принципов в гуманитарных науках». Однако Шпанн «в своей критике заходит слишком далеко и потому впадает в другую крайность», допуская недоказанные (умозрительные) суждения. «Во-первых, не следует, как предлагает Шпанн, исключать из исследования социальных явлений принципы каузальности (или функционального отношения)» – они работают. Во-вторых, если «многие социальные и экономические феномены не могут быть исследованы количественными методами, то другие, напротив, уже исследованы именно так и могут быть исследованы так и дальше». Шпанн, согласно рецензенту, впадает в крайность, противоположную радикальным «количественникам», считающим, что все социальные феномены могут быть исследованы количественно и что лишь количественное исследование по-настоящему научно [Sorokin, 1931: 481]. В этом критическом замечании можно усмотреть составную часть будущего логико-смыслового метода, требующего доказательства причинных связей социальных явлений. Как и следовало ожидать, требование об этической оценке социальных и экономических феноменов, высказанное Шпанном, в научном исследовании неприемлемо.

Рецензия на книгу социолога Т. Гайгера интересна тем, что в ней, во-первых, критикуется крайность в методе понимающей социологии. Согласно Гайгеру, «мы можем говорить о “понимающей социологии”, правда, не совсем в смысле Макса Вебера... Понимающая социология устанавливает типы, она полностью абстрагирует идеальный образ от вещных явлений...» Этот гештальт или тип «возникает посредством акта внутреннего созерцания – а именно: для этого нужно лишь одно-единственное переживание».

Вместо крайностей рецензент предлагает интеграцию методов: «Социология должна быть одновременно каузальной и понимающей социологией. Я не вижу ни малейшей причины, почему эти вещи невозможно совместить; они взаимно дополняют друг друга» [Sorokin, 1930: 115], что в дальнейшем и реализовано в «Динамике», в ее логико-смысловом методе. Здесь же он явно дистанцируется от бихевиоризма, рекомендуя бихевиористам изучать труды по понимающей социологии, а последователям Гайгера – ознакомиться с трудами бихевиористов (в связи с этим см. также публикуемую рецензию трудов харьковских физиологов).

Методологическая норма Макса Вебера о свободе социологии от моральных, политических и религиозных оценок интерпретируется Сорокиным в рецензии на книгу Шпанна не как разграничение научных и жизненных ценностей, а как их соотношение: жизнь богаче науки и содержит важные ненаучные ценности: Бог, добродетель, религия, красота и другие ценности. Это не означает, что их следует ввести в науку, как не следует пытаться сделать поэзию научной. «...Тогда поэзия перестала бы быть поэзией и все-таки не стала бы наукой. Также и морализирующую науку больше нельзя было бы считать наукой», – утверждает рецензент [Sorokin, 1931: 281]. Науку с ее ценностями познания можно поставить на службу общественным ценностям.

Дистанцирование от бихевиоризма: сводная рецензия трудов харьковских физиологов. Сорокин относит себя к тем, «кто следил за развитием деятельности школы Павлова», и отмечает, что за последние 10–15 лет теория условных рефлексов стала намного точнее, но потеряла первоначальную простоту. «Чем больше изучают условные рефлексы, тем очевиднее их изменчивость, сложность и многие “отклонения” от прежней простой классической формулы» [Sorokin, 1932: 457]. В связи с этим немного предыстории: в Петрограде П.А. Сорокин вместе акад. И.П. Павловым участвовал в создании «Общества объективных исследований человеческого поведения», и они «крепко сдружились» [Сорокин, 1992: 15, 138]; он руководил в Институте мозга В.М. Бехтерева отделом рефлексологии социальных групп. В 1927 г. он, изучив книгу «Лекции о работе больших полушарий головного мозга», полученную с дарственной надписью Павлова, был весьма подготовленным социологом – рецензентом трудов харьковских физиологов.

Действительно, в сборнике 1932 г. указано, что «Отдел условных рефлексов Украинского Психоневрологического института является отпрыском школы И.П. Павлова» [Фольборт, 1932: 15]. В издании делается обобщение о том, что учение Павлова об условном рефлексе становится все более сложным и разветвленным, наступает своего рода предел возможностей его физиологических описаний. Несколько упрощая, его можно сформулировать так: рефлексы спинного мозга довольно просты, их можно охватить исследовательским инструментарием физиологов, а реакции головного мозга сложны, выходят за пределы возможностей физиологов. Обозревая этапы развития исследования поведения на основе учения Павлова, редактор сборника Г.В. Фольборт указывает пределы, которыми ограничены возможности физиологов: это реакции на символы с культурным значением, не связанные с пространством и временем (с конкретной ситуацией) [Фольборт, 1932: 12–13]. На это обстоятельство обращает внимание и рецензент. Оно представляет собой, на наш взгляд, важнейший этап на пути к разработке логико-смыслового метода: дистанцирование от бихевиоризма. Действительно, десятилетие спустя в описании своей гносеологической позиции и логико-смыслового метода «Динамики» со ссылкой на учение Павлова говорится об ограниченности чувственного познания [Сорокин, 2020: 716].

Ранее некоторые сомнения П.А. Сорокина в отношении бихевиористского понимания личности отметил социолог и историк Н.И. Кареев на защите его магистерской диссертации (1920). О сложности процесса трансформации внутренних переживаний в «словесное одевание» Сорокину было давно известно от одного из его любимых авторов – В. Парето. Однако окончательный отказ от бихевиоризма произошел на основе заключения физиологов как последних авторитетов в учении об условных рефлексах, что и зафиксировано в публикуемой рецензии.

Довоенная ситуация в общей социологии в 1930-е гг.: рецензия «Словаря-руководства по социологии». Публикацию избранных журнальных рецензий Сорокина в журнале «Социологус» завершает оценка немецкого «Словаря-руководства по социологии». Поддерживая научный жанр издания, которое не является ни словарем, ни энциклопедией социальных наук, ни справочником, а содержит «лишь важные, хотя и сравнительно немногочисленные статьи, посвященные фундаментальным концепциям, принципам и категориям социологии», Сорокин усматривает в издании «научный учебник по социологии» [Sorokin, 1932: 126–127].

Недостатки издания отражают характерные пробелы в немецкой социологии: «пренебрежение индуктивным методом; чрезмерная скудость эмпирического материала; отсутствие каких-либо серьезных попыток проверить умозрительные выводы экспериментальными, количественными, историческими и другими эмпирическими данными; чрезмерный упор на умозрительную разработку концепций, категорий и классификаций, которые часто не открывают новых перспектив», недостаточное знание социологических работ других стран, особенно Соединенных Штатов, Италии и России, а иногда и Англии и Франции». Недостатки немецкой социологии почти противоположны таковым в американской социологии. П.А. Сорокин заключает: «Если бы элементы немецкой и американской социологии можно было бы соединить, синтез, вероятно, привел бы к трансформации недостатков в научные достоинства. Поэтому “Словарь-руководство” весьма полезен американским социологам и рекомендуется им» [Sorokin, 1932: 127–128]. Данная оценка углубляет наши знания об истории общей социологии.

Значение сотрудничества с журналом Р. Турнвальда для П.А. Сорокина. Немецкий коллега был для П.А. Сорокина не только издателем научного журнала, но и авторитетным ученым. Р. Турнвальд на основе собственного опыта культурно-антропологических исследований полагал, как и П.А. Сорокин, что имеет место тесная связь человека с его сообществом, что действуют общие принципы социальной жизни (принцип взаимности и принцип распределения). Это представление созвучно доказательству эмерджентной связи, доказанной П.А. Сорокиным в книге «Общество, культура и личность». Сотрудничество с Турнвальдом имеет общую мировоззренческую основу. Можно было бы

указать и на другие параллели в их социологической мысли, но это – самостоятельные исследовательские вопросы.

Рецензии в журнале «Социологус» способствуют пониманию методологической эволюции творчества Сорокина от бихевиоризма к интегральному логико-смысловому методу в «Динамике». Они раскрывают конкретику его деятельности по институционализации общей социологии, подтверждают значимость методологической нормы разделения научных и жизненных ценностей, иллюстрирует борьбу с псевдосоциологией, которую еще предстоит исследовать.

Заметки от публикатора. Корреспонденция и рецензии приводятся в хронологическом порядке. В комментариях к ним библиографические описания книг приведены в соответствие с современными нормами их оформления. Сохранены элементы технического оформления писем и рецензий: подчеркивание названий книг П.А. Сорокиным, разреженный шрифт в рецензиях. Приписки от руки в машинописных текстах писем оформлены курсивом. Письма Р. Турнвальда, редакционная корреспонденция цитируются в сносках и примечаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сапов В.В. Комментарии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академ. проект, 2020. С. 762–918.
- Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А.В. Липского. М.: Терра; Московский рабочий, 1992.
- Сорокин П.А. Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу (1922–1931) // Сорокин П.А. Социология революции. М.: Территория будущего, 2005. С. 546–583.
- Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академ. проект, 2020. С. 762–918.
- Сорокин П.А. Социология как специальная наука // Социологические исследования. 2022а. № 1. С. 108–113.
- Сорокин П.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции // Социологические исследования. 2022b. № 1. С. 93–98.
- Фольбольт Г.В. Основные черты современного состояния учения об условных рефлексах // Условные рефлексы: [Сб. ст.] / Под ред. Г.В. Фольборта. Харьков: Гос. мед. изд-во Украины, 1932. С. 9–16.
- Sorokin P.A. Conditioned Reflexes / Ed. by Volborth G.W. Charkiv, 1932; Labour and the Nervous System / Ed. by Heymanovich A.J. Charkiv, 1930; The Problems of General and Social Psycho-Neurology / Ed. by Heymanovich A.J. Charkiv, 1930 // Sociologus: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. H. 4. S. 457–459.
- Sorokin P.A. Einige der neuen Werke auf dem Gebiet der „philosophischen“ und „empirisch-induktiven“ Soziologie: Wiese L. v. Allgemeine Soziologie. Teil II. Gebildelehre. München u. Leipzig: Verlag Dunker & Humblot, 1929 [et al.] // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. Jg. 5. H. 1. S. 364–371.
- Sorokin P.A. Geiger T. Die Gestaltung der Gesellung. Wissen und Wirken. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1928: Rezension // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1930. Jg. 6. H. 1. S. 113–115.
- Sorokin P.A. Handwörterbuch der Soziologie / Hrsg. von A. Vierkandt [et al.]. Stuttgart: F. Enke, 1931: Rezension // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. H. 1. S. 126–128.
- Sorokin P.A. Spann O. Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre (Verwaltung, Interessenvertretung und Forschung). Heft 3. München: Verlag Dunker & Humblot, 1930: Rezension // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1931. Jg. 7. S. 479–482.
- Sorokin P.A. Studien zur Soziologie der Kunst: Die Reihenfolge der Künste im kulturellen Lebensprozeß // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1933. Jg. 9. H. 1. S. 45–65.
- Wiese von L. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London: Harper & Brothers, 1928: Rezension // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1929. Jg. 8. H. 1. S. 109–115.
- Wiese von L. Sorokin P. Soziologischen Theorien im 19. und 20. Jahrhundert / Deutsche Bearbeitung von H. Kasspohl. München: Beck, 1931: Rezension // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1931. Jg. 9. H. 4. S. 540–546.

P.A. SOROKIN AND R. THURNWALD: Collaboration in the Journal "Sociologus": Toward the Publication of Business Correspondence and Journal Reviews

GOLOVIN N.A.

St. Petersburg State University, Russia

Nikolay A. GOLOVIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (n.golovin@spbu.ru).

Acknowledgements. The research was funded by RFBR, project № 20-011-00451.

Abstract. The collaboration between the sociologist P.A. Sorokin (1889–1968) and the founder of "A Journal of Sociology and Social Psychology", cultural anthropologist and sociologist R. Thurnwald (1869–1954) in 1927–1933 and in 1951–1954 is an important, but little known episode of Sorokin's creative biography. The published correspondence, journal reviews, and journal articles by Sorokin record changes in his sociology's methodology, reveal more fully his efforts to institutionalize general sociology, and touch on the personal and business motives behind these contacts.

Keywords: P.A. Sorokin, R. Thurnwald, institutionalization of sociology, methodology of sociology, history of sociology, German sociology, political ethics.

REFERENCES

- Sapov V.V. (2020) The Comments. In: Sorokin P.A. *Contemporary Sociological Theories (Through the First Quarter of the Twentieth Century)*. Transl. from Engl. by A.K. Konyukhov, V.V. Sapov; introd. art. and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur: 689–741. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1932a) Conditioned Reflexes. Ed. by Volborth G.W. Charkiv, 1932; Labour and the Nervous System. Ed. by Heymanovich A.J. Charkiv, 1930; The Problems of General and Social Psycho-Neurology. Ed. by Heymanovich A.J. Charkiv: Rewiev. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [Sociologus. A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 8: 457–459.
- Sorokin P.A. (1929) Einige der neuen Werke auf dem Gebieten der „philosophischen“ und empirisch-induktiven“ Soziologie [Some of the new works in the field of "philosophical" and empirical-inductive" sociology]: Wiese L. v. Allgemeine Soziologie. Teil II. Gebildelehre. München u. Leipzig: Verlag Dunker & Humblot, 1929 [et al.]. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 5: 364–371. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1930) Geiger T. Die Gestaltung der Gesellung. Wissen und Wirken. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1928: Review. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [Sociologus. A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 6: 113–115. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1931) Spann O. Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre (Verwaltung, Interessenvertretung und Forschung). Heft 3. München: Verlag Dunker & Humblot, 1930: Review. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [Sociologus. A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 7. S. 479–482. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1932b) Handwörterbuch der Soziologie. Hrsg. von A. Vierkandt [et al.]. Stuttgart: F. Enke, 1931. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [Sociologus. A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 8: 126–128. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1933) Studien zur Soziologie der Kunst: Die Reihenfolge der Künste im kulturellen Lebensprozeß. *Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie* [Sociologus. A Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 9: 45–65. (In Germ.)
- Sorokin P.A. (1992) *A Long Journey: The Autobiography of Pitirim Sorokin*. Transl. from Eng., Common. ed., compos., foreword and comments by A.V. Lipsky. Moscow: Terra; Moskovskiy rabochiy. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2005) P.A. Sorokin's Letters to N.E. Shapoval (1922–1931). In: Sorokin P.A. *The Sociology of Revolution*. Moscow: Territoriya budushchego: 546–583. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2020) *Social and Cultural Dynamics*. Transl. from Eng., introductory art. and comments by V.V. Sapov. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2021) *Contemporary sociological theories (Through the First Quarter of the Twentieth Century)*. Transl. from Engl. by A.K. Konyukhov and V.V. Sapov; the Introd. art. and Comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur LLC. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2022a). Sociology as a Special Science. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No 1: 108–113. (In Russ.)

- Sorokin P.A. (2022b) Experiments in Sociology: About the Intensity of Certain Social Phenomena that are Evident in Actions and Words (Altruism) in Connection with Social Distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 1: 93–98. (In Russ.)
- Volborth G.W. (1932) Osnovnye cherty sovremennogo sostojaniya uchenija ob uslovnyh refleksah [The main Features of the Current State of the Science of Conditioned Reflexes]. In: *Uslovnye refleksy*: [Conditioned Reflexes]. Ed. by Volborth G.W. Charkiv: Gos. med. izdatelstvo Ukrainy, 1932: 9–16. (In Russ.)
- Wiese L., von. (1929) Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London: Harper & Brothers, 1928: Review. *Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie* [Cologne Quarterly Bulletins of Sociology]. Vol. 8: 109–115. (In Germ.)
- Wiese L., von. (1931) Sorokin P. Sociological Theories in the 19th and 20th Century: Review. *Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie* [Cologne Quarterly Bulletins of Sociology]. Vol. 9: 540–546. (In Germ.)

Received: 08.08.22. Accepted: 14.12.22.

© 2023 г.

ИЗБРАННАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ П.А. СОРОКИНА И Р. ТУРНВАЛЬДА (1928–1954)

Аннотация. Публикуется личная и деловая корреспонденция П.А. Сорокина (1889–1968) и Р. Турнвальда (1869–1954), основателя журнала «Социологус. Журнал социальной психологии и социологии». Корреспонденция охватывает период с 1928 по 1954 г., свидетельствует о признании научного авторитета Сорокина в Германии, раскрывает его работу в редакции журнала в качестве рецензента книжных новинок, детали подготовки его научных статей к публикации. В комментариях к корреспонденции используется редакционная переписка, которая хранится в Йельском университете (США). Ответные письма Р. Турнвальда П.А. Сорокину цитируются и комментируются в сносках.

Ключевые слова: П.А. Сорокин • Р. Турнвальд • немецкая социология • американская социология • история социологии

DOI: 10.31857/S013216250021531-7

Довоенная корреспонденция

№ 1. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 29.09.1932 г.¹

Дорогой профессор Турнвальд,

рад, что Вы и г-жа Турнвальд так хорошо устроились на лето. Работа здесь началась, первые два – три дня, конечно, очень насыщенные². В этом году у нас очень много весьма перспективных студентов и выпускников. Г-жа Сорокина и я надеемся увидеться с Вами, когда Вы будете проездом в Бостоне.

С наилучшими пожеланиями г-же Турнвальд и Вам.

Искренне Ваш П. Сорокин.

P.S. Мисс Кэрролл (Carroll) просила передать, что моя книга, которую Вы взяли с собой, возвращена в библиотеку. Спасибо за ее возврат.

Перевод с английского и немецкого языков по копиям из архивов, примечания и комментарии Н.А. Головина. Перевод подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451, публикуется по разрешению Фонда Питирима Сорокина (The Pitirim A. Sorokin Foundation). Письма № 1–6 исполнены на пишущей машинке на бланке: Гарвардский университет. Департамент социологии. Эмерсон-Холл, Кембридж, Масс., США. Приписки от руки выделены курсивом, подчеркивание названий книг сделано Сорокиным. Эти письма хранятся в архиве университета Йеля, США (Manuscripts and Archives Yale University Library). Письма № 7–11 являются вторыми машинописными копиями, хранящимися в Архиве П.А. Сорокина в Канаде: The Pitirim A. Sorokin Collection at University Archives & Special Collections, University Library at the University of Saskatchewan. См. рисунок ниже.

¹ Данное письмо является ответом на письмо Турнвальда от 26.09.1932 г. из Нью-Йорка, написанным по приезде туда с супругой для подготовки культурно-антропологической экспедиции, что отражено в корреспонденции. Помимо вопросов обустройства быта на новом месте в письме содержится просьба о рецензировании рукописей журнальных статей.

² Речь идет о начале осеннего семестра в Гарвардском университете.

№ 2. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 1.11.1932 г.

Дорогой профессор Турнвальд, благодарю за Ваше письмо³. Рад, что Вам нравится жить в горах, даже немного завидую, что у Вас нет учебных занятий и тому подобного, что Вы можете немного отдохнуть и посвятить время книге об Африке.

Сегодня отправляю несколько рецензий Мюльману⁴. Доктор Тойбер (Taeuber) сообщает, что уже отправил Вам свои рецензии; отдал несколько книг об управлении учебным-политологам на рецензирование. Надеюсь завершить две следующие статьи по «Искусству»⁵ в этом месяце; как только они будут готовы, сразу же отправлю их Вам на рассмотрение.

Мы надеемся увидаться с Вами, когда Вы будете проездом в Кембридже. Не знаю, смогу ли поехать на ежегодное собрание Социологического общества в этом году. Попрошу г-на Олпорта⁶ прорецензировать книги по социальной психологии, сообщу Вам, что он скажет.

С наилучшими пожеланиями. Искренне Ваш П. Сорокин.

P.S. Благодарю за книгу. Пока не получил, но, возможно, скоро получу её.

№ 3. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 15.11.1932 г.

Дорогой профессор Турнвальд, благодарю за репринт. Один из наших молодых ученых отправит Вам свою рецензию. Надеюсь, что она Вас устроит.

Два дальнейших эссе по искусству почти готовы⁷. Однако прошу Вас не требовать их раньше конца января либо февраля, потому что широкое исследование живописи, скульптуры, архитектуры и музыки в разных отношениях в египетской, греко-римской, христианской, арабской и европейской культурах еще не завершено. Сейчас располагаю результатами лишь по ранним христианским, итальянским, византийским и французским произведениям живописи и скульптуры. Поскольку другие исследования крайне важны и будут завершены примерно к январю, а так как первая статья еще не выйдет в свет до марта, планирую включить эти результаты в две мои следующие статьи⁸. Если так и получится, то эти материалы будут гораздо ценнее. Надеюсь, что Вы согласитесь со мной и позволите мне отправить эти две и, вероятно, третью, статьи позже. Будьте уверены, что в любом случае не допущу задержки позже первой половины февраля. В случае необходимости смогу представить следующее эссе в любое время после первой половины декабря, но без этих данных.

³ Данное письмо является ответом на письмо Р. Турнвальда от 30.10.1932 г., в котором сообщается, что он направил Сорокину свою книгу «Примитивная экономика» (Primitive Economics), что его исследовательская поездка в Австралию откладывается, а ближайшее время будет потрачено на работу над книгой об Африке. Планируется редакционная подготовка ряда статей Сорокина об искусстве. «Позвольте узнать, – пишет Турнвальд, – когда будут готовы другие статьи по искусству? Первая скоро будет переведена. Она появится в мартовском выпуске журнала», см.: Sorokin P. Studien zur Soziologie der Kunst: Die Reihenfolge der Künste im kulturellen Lebensprozeß // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1933. Jg. 9. H. 1 S. 45–65. В письме содержится просьба о рецензировании рукописей статей для журнала.

⁴ Вильгельм Мюльман (Mühlmann, 1904–1988) – немецкий социолог и этнолог, редактор журнала «Социологус», основанного Турнвальдом.

⁵ Речь идет о серии статей, в дальнейшем вошедших в первый том «Социальной и культурной динамики» Сорокина (1937), из которой до закрытия журнала нацистами была опубликована только первая статья, см.: Sorokin P. Studien...

⁶ Флойд Олпорт (Allport, 1890–1978) – американский психолог.

⁷ Данное письмо является ответом на письмо Р. Турнвальда от 12.11.1932 г., в котором отправитель просит Сорокина предоставить рукописи других статей по социологии искусства. Турнвальд сообщает, что обращался к проф. Олпорту за рецензией новых книг по социальной психологии, но не получил ответа. Поэтому Сорокин организовал данное рецензирование.

⁸ См. выше примечание в сноске 5.

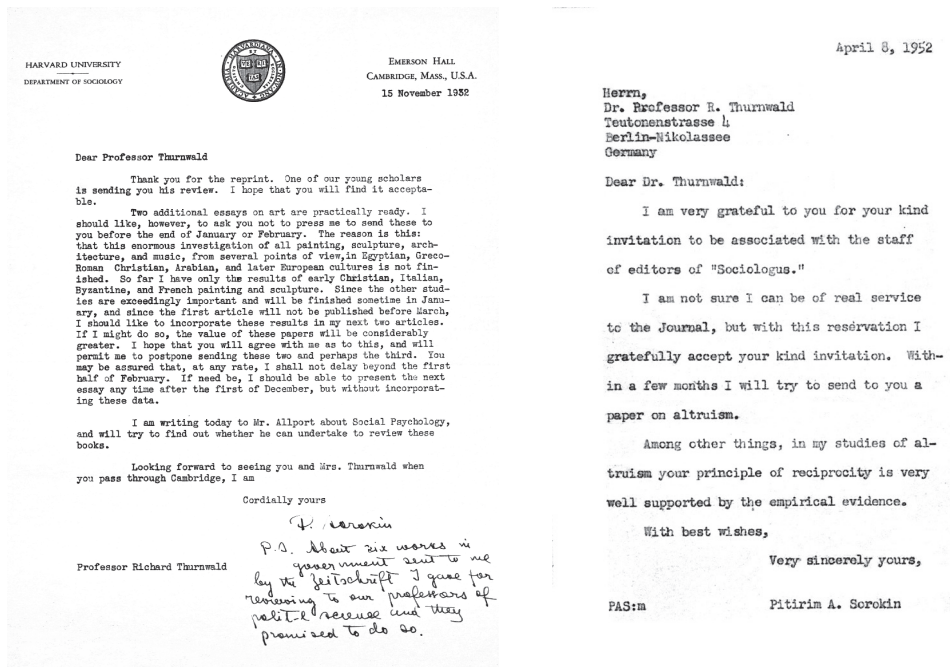

Рис. Письмо № 3 П.А. Сорокина от 15.11.1932 г. с обсуждением его статьи по социологии искусства для журнала «Социологус» (слева). Его же письмо № 10 от 8.04.1952 г. с согласием вновь войти в редакцию журнала. Уменьшенные копии.

Напишу сегодня г-ну Олпорту по поводу «Социальной психологии», постараюсь узнать, сможет ли он прорецензировать эти книги.

С нетерпением жду встречи с Вами и г-жой Турнвальд, когда Вы будете проездом в Кембридже.

Искренне Ваш П. Сорокин.

P.S. Примерно шесть работ о государственном управлении, направленных мне журналом «Zeitschrift»⁹, передал на рецензирование нашим профессорам политологии, они обещали все сделать.

№ 4. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 28.11.1932 г.

Дорогой профессор Турнвальд,
очень рад получить Ваше письмо¹⁰ и узнать, как идет австралийский проект. Не сомневаюсь в том, что смогу закончить второе и третье эссе даже раньше срока, указанного в Вашем письме.

⁹ Полное название журнала: Sociologus: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie (Социологус. Журнал этнопсихологии и социологии).

¹⁰ Данное письмо является ответом на письмо Турнвальда от 20.11.1932 г., в котором продолжено планирование публикации очерков Сорокина об искусстве и даже сообщается о замысле издать их отдельной книгой: «Ваша первая статья об искусстве появится в мартовском выпуске журнала "Социологус"... Ваша вторая статья запланирована на июнь, третья – на сентябрь следующего года. Следовательно, мы можем ждать вторую до конца февраля, третью статью – до конца мая. Также и с четвертой... Хиршфельд объединит их в книгу» (Карл Луис Хиршфельд (Hirschfeld C.L., 1801–1873) – немецкий издатель, г. Лейпциг).

Передал рукопись и машинопись рецензии книги «Amerika: Untergang am Ueberfluss»¹¹ профессору Мейсону¹², который не только хорошо знает экономику в целом, но и является специалистом по проблемам труда и современных рабочих движений. Прилагаемое письмо содержит его мнение. Лично я склонен согласиться с ним в целом. Надеюсь увидеть Вас и г-жу Турнвальд здесь.

Искренне Ваш П. Сорокин.

№ 5. Сорокин – Турнвальду, 15.12.1932 г.

Профессору Рихарду Турнвальду
Big Shanty Camp
North River
Warren County, N.Y.

Дорогой профессор Турнвальд,
доктор Мюльман отправил мне на просмотр немецкий перевод моего эссе, но я недостаточно хорошо знаю немецкий язык, чтобы судить о деталях, отправляю его Вам для дальнейших исправлений. В переводе нет серьезных отклонений от текста. Если у Вас найдется время просмотреть его, то прошу Вас внести любые нужные правки¹³.

Есть лишь одна просьба, если Вас это не слишком обременит: чтобы Вы или кто-то другой на первой странице немецкой рукописи перевели слова благодарности, которые я написал по-английски, а на странице 11 – добавленный маленький абзац. Если его перевод почему-то будет неудобен, эти фразы можно опустить¹⁴.

Надеюсь, что Вы и г-жа Турнвальд в добром здравии и хорошем настроении, что мы увидимся с Вами, когда Вы будете проездом в Кембридже. С наилучшими пожеланиями Вам и г-же Турнвальд, веселого Рождества и счастливого Нового года.

Искренне Ваш П.А. Сорокин.

№ 6. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 19.12.1932 г.¹⁵

Дорогой профессор Турнвальд,
сообщаю, что профессор Мейсон готовит рецензию на книгу Йохана, но у него нет времени рецензировать другие издания. Знаю, что у него много дел, а жена ждет ребенка, так что он, конечно, очень занят.

Искренне ваш П. Сорокин.

P.S. Предложенное вами название очень хорошее. Спасибо за ваши исправления. Я видел [неразборчиво]. Ev. Post и спасибо за вырезку о пророчестве Керенского.

¹¹ Речь идет о рецензировании книги журналиста и путешественника А. Йохана (псевдоним) «Америка: Закат в изобилии» (1932), в которой есть посвящение немецкому социологу А. Фиркандту, у которого он учился. Турнвальд считает, что Сорокин был бы наиболее объективным рецензентом этой на шумевшей книги. Однако Сорокин не взялся за рецензию, попросив об этом более знающего проблему экономиста Э. Мейсона.

¹² Эдвард Мейсон (Mason, 1899–1992) – американский экономист, профессор Гарвардского университета.

¹³ Турнвальд сам отредактировал немецкое название очерка Сорокина, текст рукописи и в письме от 18.12.1932 г. задал вопрос: «Согласны ли Вы с названием “Studien zur Soziologie der Kunst. Erster Teil [Исследования по социологии искусства. Часть 1]”? По-моему, это звучит по-немецки лучше, чем “эссе (Essay)”. Конечно, несколько слов в начале и на странице 11 переведены». Судя по опубликованной статье и письму № 6 (см. ниже), Сорокин согласился с предложенным названием.

¹⁴ Просьба Сорокина была удовлетворена. В опубликованной журнальной статье на первой странице указано: «Автор благодарит Гарвардский комитет по исследованиям в социальных науках за финансовую поддержку данного исследования». См.: [Sorokin, 1933: 45]. Речь идет о субсидии на 4 года для исследования социальной и культурной динамики общества.

¹⁵ Адрес получателя не указан.

Послевоенная корреспонденция

№ 7. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 22.01.1951 г.

Профессору Рихарду Турнвальду
через Издательство «Вальтер де Грюйтер» (Walter de Greyter & Co)
Берлин, W35, Германия.

Дорогой профессор Турнвальд,
благодарю Вас и поздравляю с Вашей последней книгой, любезно направленной мне.
Очень рад, что Ваша научная деятельность успешно продолжается.

Прилагаемый проспект даст Вам представление о моей нынешней деятельности¹⁶.
Если Вы хотели бы получить некоторые мои работы, указанные в проспекте, сообщите,
пожалуйста, с удовольствием вышлю Вам эти книги¹⁷.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Питирим Сорокин.

№ 8. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 5.03.1951 г.

Профессору Турнвальду
Берлин-Николазее
Тевтоненштрассе 4
Берлин, Германия

Дорогой профессор Турнвальд,
признателен за Вашу любезную записку. Одновременно с этим письмом прошу моего издателя выслать Вам книгу *«Rekonstruktion of Humanity»* (Восстановление человеческого достоинства) и *«Social Philosophy of an Age of Crisis»* (Социальные философии в век кризиса). Надеюсь, что Вы и госпожа Турнвальд здоровы, рад, что Германия быстро возрождается, а если на человечество не обрушится катастрофа третьей мировой войны, то не сомневаюсь, что великая немецкая нация быстро вернет себе творческое лидерство в науке, философии, изобразительном искусстве, технике, этике и политике.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Питирим Сорокин.

№ 9. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 21.03.1952 г.

Д-ру Рихарду Турнвальду
Гераниенштрассе 2
Берлин-Лихтерфельде
Германия

Мой дорогой д-р Турнвальд,
благодарю Вас за номер журнала «Социологус». Поздравляю Вас с возобновлением выпуска этого важного издания.

Примите мои наилучшие пожелания полного успеха журналу¹⁸ и Вашей творческой деятельности.

Искренне Ваш Питирим А. Сорокин.

¹⁶ Речь идет о работе П.А. Сорокина директором Гарвардского Центра по изучению созидательного альтруизма, открытого в 1949 г.

¹⁷ После долгого перерыва в контактах во время войны Германии и США (1941–1945) – часть Второй мировой войны, Турнвальд в письме от 8.12.1951 г. сообщает, что наслышан о новых изданиях Сорокина и хотел бы иметь книгу «Восстановление человеческого достоинства» (1948) (при переводе названия книги учтен его немецкий вариант, см.: Sorokin P. Die Wiederherstellung der Menschenwürde [Rekonstruktion of Humanity]. Frankfurt am Main: Henrich, 1952).

¹⁸ В ответном письме от 1.04.1952 г. Турнвальд просит Сорокина войти в редакцию возобновленного журнала и сообщает, что д-р Орбон уже дал такое согласие. Он просит подготовить статью об альтруизме, так как, по его мнению, «у немцев следует развивать альтруистические установки».

№ 10. П.А. Сорокин – Р. Турнвальду, 8.04.1952 г.

Господину д-ру профессору Р. Турнвальду
Тевтоненштрассе 4
Берлин-Николазее
Германия

Дорогой д-р Турнвальд,
признателен Вам за любезное приглашение войти в редакцию журнала «Социологус».

Не знаю, смогу ли я действительно быть полезен журналу, но с этой оговоркой признательно принимаю Ваше любезное приглашение¹⁹. Через несколько месяцев постараюсь направить Вам статью об альтруизме.

Помимо всего прочего, в моих исследованиях альтруизма Ваш принцип взаимности (principle of reciprocity)²⁰ прекрасно подтверждается эмпирическими данными.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Питирим А. Сорокин.

№ 11. П.А. Сорокин – Х. Турнвальд, 27.01.1954 г.

Фрау Хильде Турнвальд²¹
Тевтоненштрассе 4
Берлин-Николазее
Германия

Дорогая фрау Турнвальд,
примите мои глубочайшие соболезнования в связи с кончиной моего глубокоуважаемого друга и одного из самых выдающихся ученых нашего времени. Ваша утрата – это и моя утрата, и большая потеря для мировой социологии.

Счастье и особая привилегия лично знать д-ра Турнвальда и быть в контакте с ним все эти годы.

Желаю Вам стойко перенести утрату, уверен, что так и будет. Мы с госпожой Сорокиной желаем Вам всего самого доброго.

Искренне Ваш Питирим А. Сорокин²².

Перевод Н.А. ГОЛОВИНА

¹⁹ В коротком письме от 17.4.1952 г., оказавшемся последним, Турнвальд благодарит Сорокина за согласие войти в состав редакции журнала и напоминает о статье об альтруизме.

²⁰ Турнвальд полагал, что человек как существо социальное тесно связан со своим сообществом, что к общим принципам социальной жизни относится взаимность и принцип распределения. См. об этом подробнее: Seiser G., Mader E. (2022) Theoretische Grundlagen der ökonomischen Anthropologie [Theoretical Foundations of Economic Anthropology]. URL: <https://www.univie.ac.at/ksa/elearning/cp/oeku/theogrunderlagen/theogrunderlagen-104.html> (дата обращения: 19.06.2022).

²¹ Хильда Турнвальд (1890–1979) – супруга Р. Турнвальда, немецкий социолог и антрополог, участвовала в издании журнала «Социологус».

²² В ответном письме от 13.02.1954 г. супруга Р. Турнвальда благодарит семью Сорокиных за искреннее соболезнование и сообщает, что планирует и дальше издавать журнал «Социологус». Она пишет: «Надеюсь, что Вы согласны с тем, чтобы Ваше имя было указано среди сотрудников редакции? Наверное, я могу в дальнейшем попросить вас о статье? ... Хорошо помню наш визит в ваш прекрасный дом под Кембриджем летом 1932 г.».

SELECTED BUSINESS CORRESPONDENCE OF SOCIOLOGISTS P.A. SOROKIN AND R. THURNWALD (1928–1954)

Abstract. Correspondence between sociologist P.A. Sorokin (1889–1968), a professor at the University of Minnesota, then at Harvard University and head of the Harvard Center for the Study of Creative Altruism, and the German sociologist and cultural anthropologist R. Thurnwald (1869–1954), the founder of “Sociologus. A Journal of Social Psychology and Sociology” for 1928–1954 shows the recognition of Sorokin’s scientific authority in Germany, reveals his work in the magazine’s editorial board as a reviewer of book novelties, and details the preparation of his scientific articles for publication.

Keywords: P.A. Sorokin, R. Thurnwald, German sociology, American sociology, history of sociology.

Acknowledgements. This publication was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-011-00451, The Pitirim Sorokin Foundation, University Archives & Special Collections, University Library at the University of Saskatchewan, and the Yale University Library, USA (Manuscripts and Archives Yale University Library). The correspondence comments use editorial correspondence held at Yale University. R. Thurnwald’s reply letters to P.A. Sorokin are quoted and commented on in footnotes.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

© 2023 г.

От публикатора. Представленные пять рецензий П.А. Сорокина отобраны с учетом их методологической значимости для его творчества. Впервые были опубликованы в немецком журнале «Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie» (Социологус. Журнал народной психологии и социологии) в 1929–1932 гг. Они раскрывают участие Сорокина в работе немецкого социологического сообщества, в институционализации общей социологии как международной научной дисциплины, позволяют проследить методологические изменения в его социологии. Элементы оформления текста: разреженный шрифт, курсив и другое сохранены.

П.А. СОРОКИН

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ КНИГИ ПО «ФИЛОСОФСКОЙ» И «ЭМПИРИКО-ИНДУКТИВНОЙ» СОЦИОЛОГИИ: СВОДНАЯ РЕЦЕНЗИЯ¹

DOI: 10.31857/S013216250021532-8

К некоторым важнейшим сегодняшним задачам общей социологии относятся: во-первых, систематизация ее основ; во-вторых, определение ее содержания; в-третьих, как можно более точное суммирование ее признанных научных обобщений, в-четвертых, удаление всех тех гипотез и обобщений, которые либо дают повод для ложных выводов, либо являются чисто риторическими, расплывчатыми, «пустыми» результатами, вводящими в заблуждение. Эти задачи, конечно, не исключают дальнейших исследований, нацеленных на поиск и описание новых причинных связей между разными классами социальных явлений. Однако это в меньшей степени дело общей социологии, чем специальных социологических исследований.

¹ Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Einige der neuen Werke auf dem Gebiete der „philosophischen“ und „empirisch-induktiven“ Soziologie // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. Jg. 5. H. 1. S. 364–371. После названия рецензии следует список рассмотренных книг: Wiese von L. Allgemeine Soziologie. Teil II. Gebildelehre. München und Leipzig: Verlag Dunker & Humblot, 1929; Lewy F. Die soziologische Methode. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1927; Lehmann G. Das Kollektivbewusstsein. Berlin: Verlag Junker & Dünhaupt, 1928; Freyer H. Theorie des objektiven Geistes. Leipzig, Berlin: Verlag B.G. Teubner, 1928; Werner K. Oppenheimers System des liberalen Sozialismus. Jena: Verlag G. Fischer, 1928; Hobhouse L.T. Die metaphysische Staatstheorie. Leipzig: Verlag F. Meiner, 1924; Groves E.R., Ogburn W.F. American Marriage and Family Relationships. New York: Henry Holt & Co., 1928; Anderson N., Lindeman E.C. Urban Sociology. New York: A. Knopf, 1928.

Первые четыре сочинения посвящены решению четырех вышеуказанных задач современной социологии. Два сочинения, Курта Вернера² и Л.Т. Хобхауса³, пребывают между социологией и такими конкретными социальными науками, как политэкономия, этика и конституционное право. Работы Гроувза⁴ и Огборна⁵, Андерсона и Линдмена⁶ относятся к специальной области социологического исследования конкретных социальных феноменов. Сделаем краткий обзор того, как первая группа книжных изданий решает вышеназванные задачи общей социологии.

Несомненно, самым значительным из этих сочинений является второй том профессора Л. фон Визе⁷. Известно, что этот выдающийся социолог возложил на себя трудную задачу оформить общую социологию как самостоятельную науку, четко отделенную от других научных дисциплин, единую и строго систематизированную (*Allgemeine Soziologie*, часть I, стр. VIII). В первом томе представлены наиболее существенные компоненты понятия социологии фон Визе в качестве его «учения о социальных отношениях и их надындивидуальных образованиях». В данном томе он определяет социологию как науку о формах социальных процессов и дает их подробную классификацию⁸. Содержание первого тома его сочинения общеизвестно в социологии и поэтому нет необходимости рассматривать его здесь.

Его второй том продолжает и расширяет понятие социологии. Если первый том направлен на анализ и классификацию человеческих отношений, выступающих в социальных явлениях, то второй том содержит «анализ социальных образований» (S. 17). Под социальными образованиями он понимает «множество существующих отношений, связанных между собой таким образом, что они воспринимаются как единое целое» (S. 18). В таком смысле социальные образования являются формой и одновременно результатом социального процесса, в то время как социальные процессы «являются результатом персональной позиции (H) и ситуации (S)». Отсюда следует формула: $P=H-S$, которая далее точнейшим образом разлагается на ее компоненты (S. 14 и далее). После такой разработки понятия «социального образования» автор представляет нам их классификацию. Он демонстрирует возможность множества разных классификаций и останавливается на классификации социальных образований по «социальной дистанции, с которой мы рассматриваем данное социальное образование». Отсюда следует разделение всех социальных образований на три класса: массы, социальные группы и абстрактные коллективы. Каждый из этих классов затем делится на ряд подклассов и ответвлений. В дальнейшем автор точнейшим образом анализирует особый смысл каждого из этих классов и ответвлений. Он описывает способ их возникновения, развития и обеспечения их устойчивости, изменения и распада. В анализе группы мы обнаруживаем наглядную «анатомию» пары, трех ее членов, малых и больших групп. Особенно интересен и ценен анализ пары. В классе абстрактных коллективов

² Курт Вернер (Werner, 1899–1985) – немецкий статистик, специалист по промышленной статистике.

³ Леонард Трелони Хобхаус (Hobhouse, 1864–1929) – британский философ, социолог, политический теоретик.

⁴ Эрнст Гроувз (Groves, 1878–1946) – американский социолог.

⁵ Уильям Огборн (Ogburn, 1866–1959) – американский психолог.

⁶ Нэлс Андерсон (N. Anderson, 1889–1986), Эдуард Кристиан Линдмен (E.C. Lindeman) – американские социологи.

⁷ Фон Визе Леопольд (von Wiese, 1876–1969) – немецкий социолог, организатор науки, друг П.А. Сорокина. В рецензии речь идет о втором томе двухтомного издания «Общая социология. Учение о социальных образованиях», см.: *Wiese von L. Allgemeine Soziologie als Lehre von den Beziehungen und Beziehungsgebilden der Menschen. Beziehungslehre und Gebildelehre. 2 Bde. München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1924, 1929.*

⁸ Фон Визе классифицирует социальные отношения по разным основаниям и сводит их описание в «таблицу человеческих отношений». Сорокин в книге «Современные социологические теории» (1928) подробно рассматривает учение фон Визе и насчитывает в его классификации около 650 видов социальных отношений, но отказывает учению в оригинальности, см.: *Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2021. С. 442–452.*

внимание направлено главным образом на государство и церковь как важнейших типов таких образований. Книга завершается обобщением взаимосвязей между разными социальными образованиями. Такова ее структура. Вышеизложенное никак не касается богатого фактического материала этой книги и множества проанализированных автором частных проблем, например, проблемы «целого и части», проблемы «Я» (Ichheit), индивидуума и общества и так далее. Автор также представляет ряд чисто методологических теорий, подробно останавливаться на которых здесь нет возможности.

В общем и в целом книга является заметным вкладом в социологию. Каждый социолог должен ее прочесть. Особенно ценны следующие мысли, изложенные в книге, с которыми рецензент полностью согласен: опыт формирования социологии как внутренне взаимосвязанной, систематической дисциплины со своим предметом, методом и логической структурой. Далее, примечательно, что автор настаивает на необходимости освобождения социологии от этических и иных подобных оценок; его метод изучать социальные процессы по фактам и по их существу выдерживает любую критику. Его формула социального процесса очень неплоха. Многие его суждения о природе массы, групп и абстрактных коллективов способствуют прояснению этих феноменов. Короче говоря, сочинение является сокровищницей ценнейшего анализа и размышлений, не говоря уже о строгой логике автора. Эти утверждения означают высокую оценку книги рецензентом. Ниже будет указано на отдельные недостатки книги, касающиеся лишь некоторых моментов, представляющихся рецензенту сомнительными и слабыми, что никоим образом не умаляет ее ценности.

Прежде всего, из обоих томов автора невозможно с уверенностью понять, считает ли он, что посредством анализа «форм и структуры» человеческих отношений и основанных на них социальных образований, как он их себе представляет, исчерпано содержание и контуры общей социологии, или же это не так. Если он так считает, то с ним трудно согласиться. По мнению рецензента, в двух томах фон Визе рассматривается лишь часть общей социологии, но никак не ее общее содержание. Пользуясь сравнением, можно утверждать, что это соответствует систематике и отчасти анатомии (с гистологией) в ботанике и зоологии. Однако в составе этих наук имеются и другие дисциплины, например физиология. Аналогичным образом и общая социология должна иметь свою физиологию, которую она фактически и имеет, о которой, однако, в обоих томах нет и речи. Исследование причинных и функциональных взаимосвязей между разными классами социальных феноменов, а также между социальным и несоциальным (географическим, биологическим и т.д.), исследование движущих сил человеческих отношений и динамики социальных процессов, каузальное и индуктивное исследование динамики возникновения, развития, смены и распада социальных образований – всё это и ряд других проблем образуют собственный предмет общей социологии как формального анализа человеческого общества. Это представляется тем важнее, что собственные теории рецензента в области формального анализа (представлены в двух русских томах «Системы социологии», Петроград, 1920) довольно точно совпадают с теориями Л. фон Визе. Включение «общей социальной психологии» в общую социологию никак не помешало бы ни ее характеру как науки, ни ее логической взаимосвязанности и ее теоретико-познавательной системе (см. мое определение социологии как науки в моей работе «Contemporary Sociological Theories», р. 760–762 и след.⁹ и, в основном, гл. I в «Principles of Rural-Urban Sociology» Сорокина-Циммермана, Нью-Йорк, 1929 г.¹⁰). Без включения «физиологической» части в сочинение по общей социологии оно похоже на рассуждения, состоящие лишь из введения без основной части, к которой всякое введение должно, так сказать, служить лишь введением.

Кроме того, рецензент уже обозначил свое критическое отношение к недостаткам «формальной школы в социологии» (как она представлена Зиммелем и другими), к которой фон Визе в первом томе ближе, чем к какой-либо иной социологической школе (см.

⁹ См.: Сорокин П. А. Современные... С. 667–668.

¹⁰ См.: Sorokin P., Zimmerman C. Principles of Rural-Urban Sociology. New York: H. Holt, 1929.

Сорокин, «Современные социологические теории», гл. IX). Здесь нет необходимости повторять эту критику. Однако рецензент с удовлетворением констатирует, что фон Визе признает, по меньшей мере частично, обоснованность этой критики и поэтому в своем втором томе уже свободнее от недостатков «формальной социологии», чем в первом, но они всё еще есть¹¹.

Ниже следует указать еще на ряд слабых мест, не имеющих особого значения. Например, автор придает большое значение теории четырех желаний У. Томаса¹². Эта теория, как и многие аналогичные (пять классов интересов А. Смолла¹³, теория Ратценхофера¹⁴, Э. Росса¹⁵, Ч. Эллвуда¹⁶ и т.д.), вряд ли имеет практическое значение и, наверное, представляет собой наихудшую классификацию желаний, влечений, инстинктов или интересов. Ее включение в систему фон Визе даже менее необходимо, чем теория четырех желаний, которая находится лишь в механической, а не в логической связи с учением фон Визе и вовлекает его в противоречия между психологией и теорией познания.

В авторском определении государства также есть недостатки. Его главная слабость состоит в двойственности. С одной стороны, фон Визе пытается представить государство как своего рода особое образование в соотношении его с другими социальными коллективами, а с другой стороны, он приписывает ему характерные качества (социальное расслоение, господство сильного над слабым и так далее) практически всех организованных общественных групп, будь то государство, политическая партия, гильдия, банда разбойников или религиозная община и т.д. Такое определение не может удовлетворить ни социолога, ни юриста¹⁷. Неясно и определение церкви, и ее отличие от государства. Рецензент сомневается в том, что классификация «социальных образований» фон Визе является наилучшей. Ее *fundamentum divisionis*¹⁸ представляется довольно неясным. Понятие «абстрактные коллективы» в основном является неполным. Деление всех социальных групп на элементарные и кумулятивные с дальнейшей разбивкой, как это сделал рецензент в своей «Системе социологии», представляется логически более связанным и научно продуктивным.

Однако эти и подобные недостатки не мешают книге быть одним из наиболее систематических опытов упорядочения классификации социальных процессов и групп.

¹¹ См. подробнее: Сорокин П.А. Современные... С. 437–458.

¹² Согласно взглядам американского социолога У. Томаса (Thomas, 1863–1947) «Неприспособленная девушка» (1923) источником активности человека являются четыре желания: желание нового опыта, безопасности, ответной реакции, признания. Сорокин в книге «Современные социологические теории» (1928) критически оценивает эту теорию, а Л. фон Визе в письме от 04.10.1929 возражает ему: «Не могу согласиться с тем, что теория Томаса о четырех желаниях не имеет практического значения. Правда, не понимаю, почему именно Вы об этом заявляете. Считаю эту теорию весьма полезной для конкретных исследований. Она близка к жизни и основана на хорошем знании природы человека» (The Pitirim A. Sorokin Collection, University Archives & Special Collections. University Library at the University of Saskatchewan). Возражение фон Визе связано с данной рецензией Сорокина.

¹³ Смолл Альбион (Small, 1854–1926) – американский социолог, выдвинул теорию шести классов интересов: справедливость, общение, познание, красота, благосостояние и здоровье, в процессе реализации которых возникает социальная жизнь. Сорокин допустил арифметическую ошибку в количестве классов.

¹⁴ Ратценхофер Густав (Ratzenhöfer, 1842–1904) – австрийский социолог, социал-дарвинист.

¹⁵ Росс Эдвард (Ross, 1866–1951) – американский социолог и психолог, теоретик социального поведения.

¹⁶ Эллвуд Чарлз (Ellwood, 1873–1946) – американский социолог.

¹⁷ Противоречие в воззрениях Л. фон Визе имеет отношение к резонансной теоретической дискуссии между немецким юристом и политическим теоретиком, автором книги «Понятие политического» (1927) К. Шмиттом (это сочинение выдержало в Веймарской республике десятки изданий) и английским либералом Г. Ласки о том, является ли государство лишь одной из общественных организаций наряду с партиями и профсоюзами, церковью и другими общественными объединениями либо оно занимает особое положение среди них.

¹⁸ *Fundamentum divisionis* (лат.) – основание разделения, классификации.

* * *

Работы Леви¹⁹, Лемана²⁰ и Фрайера²¹ очень слабо связаны с социологией. Они представляют собой в первую очередь эпистемологические (теоретико-познавательные) исследования некоторых понятий и методов социологии. Существо выводов Леви видно по следующим цитатам: «Социология не является исследованием причинности... Естественная истина должна быть подтверждена точным измерением в эксперименте, социологическая истина находит свое подтверждение в мировой истории и посредством нее... Однако автономия социологического метода существует также и несмотря на все попытки ее этизации, ее обоснования ценностными категориями» (S. 44–47).

Отсюда можно заключить, что автор лишь немного знаком с социологией (в своей работе он не использует каких-либо социологических исследований и не цитирует их). Если бы он ознакомился с современной социологией, то увидел бы, что она была и есть «исследование причинности» и использует экспериментальные, статистические и другие методы естествознания. Однако время от времени там на удивление появляются «философы», не имеющие понятия о социологии, но определяющие, чем социология должна быть, а чем нет, наделяя ее основными признаками, которых нет, и отказывая ей в тех, которые у нее есть. Автор вышеуказанной книги является «философом» такого типа. Так как в «теоретико-познавательных» выступлениях автора еще и нет особо строгой логики, достаточно констатировать, что социологу не стоит читать эту книгу.

Книга Лемана является теоретико-познавательным исследованием понятий коллективного сознания, используемых некоторыми социологами, психологами и философами. Автор демонстрирует всеобъемлющее знание литературы по предмету. Он дает исторически и логически упорядоченный обзор индивидуалистского, реалистического, органического, онтологического и метафизического понятий коллективного сознания, различий отдельных понятий и теоретико-познавательных предпосылок и противоречий, связанных с понятиями данных типов. В итоге констатируется, что каждому из этих типов понятий присущи свои недостатки и слабые места. Автор высказывает свою точку зрения по данному вопросу. Для социолога книга ценна как вследствие представленного в ней обзора, так и предложенными рекомендациями для употребления таких словосочетаний, как коллективное сознание, общественное мнение, душа масс и так далее. Однако для социолога, считающего ее эмпирической наукой, основанной на индуктивном методе, подлинный интерес которого состоит в охвате причинных и функциональных связей в широком поле человеческих отношений и социальных процессов, книга не принесет особой пользы. Как и большинство теоретико-познавательных публикаций по социологии, данная работа слишком сильно привязана к словам, слишком мало – к эмпирической реальности социальных феноменов. То, что автор считает неразрешимыми противоречиями в понятиях коллективного сознания, кажется нам большим преувеличением. По нашему мнению, методологически безразлично, какое понятие кладется в основу исследования так называемого коллективного сознания, будь то чисто индивидуалистическое как взаимоотношение сознаний индивидуумов, либо, как по Гегелю, – понятие собственной сущности; все зависит от тщательности разработки точки зрения и ее применения к определенному предмету исследования. Иными словами, мы рассматриваем проблему скорее как технико-методологическую, а не как теоретико-познавательную.

Сочинение Фрайера имеет подзаголовок «Введение в философию культуры». На стр. 133 читаем, что философия культуры является учением о принципах объективно-духовного мира, что является изящным повтором гегелевской философии объективного духа. В еще более тесной связи вся система Фрайера находится с неогегельянской социальной

¹⁹ Леви Фриц (Lewy, 1901–1990) – немецкий социолог и статистик.

²⁰ Леман Альфред (Lehmann, 1858–1921) – датский психолог, специалист по экспериментальной психологии.

²¹ Фрайер Ханс (Freyer, 1887–1960) – немецкий социолог, президент Немецкого социологического общества (1933–1934).

философией Бозанкета²². Она лишь немногим отличается от них. В ней тоже выдвигается постулат бытия объективного духа. Культурные и социальные феномены считаются объективацией духа. Основными формами объективации духа являются структуры, устройства, знаки, социальные формы и образование. Как следствие автор анализирует объективный дух как процесс и систему. Все это делается со вкусом и привлекательно. Однако нужно ли делать из книги вывод о том, что социологам следует заимствовать эту теорию объективного духа или что она есть нечто жизненно необходимое для социологов?

Ответ на этот вопрос дан в сочинении Хобхауса. Основным предметом его книги является острая критика гегельянского и неогегельянского понятия объективного духа. То, что Хобхаус утверждает о теориях Гегеля и Бозанкета, можно по аналогии отнести к теории Фрайера. Хобхаус убедительно обнаруживает дефицит этих теорий как в логическом, так и в теоретико-познавательном отношении и дает своего рода индивидуалистскую интерпретацию социальных и культурных феноменов, но означает ли это, что логические и теоретико-познавательные принципы Хобхауса лучше неогегельянских и что социологам следует принять их? никоим образом. Обе теории остаются, так сказать, вне социологии как индуктивной и эмпирической науки. Это же можно утверждать и о большинстве социально-философских и социально-эпистемологических сочинений. Перенимает ли социолог философию объективного духа или рассматривает конкретные социальные феномены как результат активных связей между отдельными участниками группы, для изучения конкретных проблем в их причинной и эмпирической действительности, роли не играет. Если он желает провести социологическое исследование своей проблемы, то должен обработать статистический и прочий количественный материал по проблеме, проанализировать его согласно требованиям индуктивных и статистических методов, создать кривую динамики своего предмета и связать либо соотнести его с «переменными», как они представляются в фактах и в их анализе. Тем самым выполнена научная разработка проблемы. Ни гипотеза объективного духа, ни индивидуалистская или какая-либо иная философия не могут внести ничего существенного в научный результат, полученный указанным выше способом. Все, что могут дать подобные философии – лишь удовлетворение философских воззрений автора. Такая установка оправдана, но не относится к необходимым элементам социологического исследования и не влияет на него. Установка остается в стороне от них, точно так же, как эстетические вкусы и антипатии социолога. По этой и аналогичным причинам рецензент не считает нужным полемизировать с этой приятной социальной философией, точно так же, как он не берется за оценку поэзии любого рода. У философии и поэзии нет ничего общего с нашей наукой, с социологией. Если они хороши, то обладают самостоятельной ценностью, отличающейся от научной, но к социологии они не относятся, не могут быть отнесены к ней и никак не могут влиять на вид и характер эмпирического, реалистичного и индуктивного социологического исследования. По этим причинам (которые приведены здесь довольно кратко и отчасти догматично, но которые можно подробнее найти в работе профессора Турнвальда «Индуктивная социология»²³ в сентябрьском номере 1927 г. «Журнала этнопсихологии и социологии») рецензент полагает, что не только данные, но и многие другие книги, например, изданные в последнее время сочинения Т. Литта²⁴, О. Шпанна²⁵ и К. Бринкмана²⁶, мало связаны с социологией. В принципе это социально-философские, теоретико-познавательные, психологические и иные, но не социологические труды. Они мало что дают, если вообще что-либо дают, для понимания причинных и функциональных связей

²² Бернард Бозанкет (Bosanquet, 1848–1923) – британский философ-неогегельянец.

²³ Следует: «Проблемы эмпирической социологии» [Die Probleme einer empirischen Soziologie].

²⁴ Теодор Литт (Litt, 1880–1962) – немецкий философ и педагог.

²⁵ Отмар Шпанн (Spann, 1878–1950) – австрийский философ, социолог и экономист.

²⁶ Карл Бринкман (Brinkman, 1885–1954) – немецкий социолог и экономист.

в области конкретных социальных феноменов; они не предлагают описание динамических процессов этих феноменов в их конкретной реальности, основанное на фактах. Они поразительно «свободны» как от статистики, результатов экспериментов, данных наблюдений, так и даже от исторических фактов. Они именно философские. Хороши или нет эти философии, нам все равно. Что касается нас, так это констатация того, что данные сочинения и уже рассмотренные труды Лемана, Фрайера, Леви²⁷ и Хобхауса в принципе стоят вне социологии и что социолог, как таковой, к ним почти не имеет отношения. По этому пункту всё.

Что касается книги Хобхауса, то необходимо помимо всего прочего констатировать, что она в некоторых деталях несет на себе приметы последней войны и ее ненормальных условий. Например, в ней скорее вводит в заблуждение то, что философия Гегеля объявляется ответственной за последнюю войну, как будто она могла быть основной причиной войны и как будто еще до Гегеля не было философии о божественной природе государства, как например в Англии («Левиафан» Гоббса) и в других странах. В книге известного английского социолога и социального философа много других подобных оплошностей.

Монография Курта Вернера является критикой основных учений в экономической теории Оппенгеймера²⁸. Выводы автора негативны. Ни теория стоимости Оппенгеймера в целом, ни его теория прибыли, ни теория дифференциальной ренты и его основные методологические положения не принимаются. Критика ведется очень тщательно; однако рецензент не может дать верную оценку ее достоинств; приходится оставить это политэкономам.

Монография Огборна и Гроувза об американском браке представляет собой эссе по конкретной социологии. Наибольшая и по-настоящему ценная часть книги содержит статистическое изучение Огборном американских брачных отношений по результатам переписи населения в США, очень тщательное и превосходное по использованию статистического метода и техники. Книга является наиболее полным и подробным изданием о браке и сопутствующих ему явлениях в Америке. Некоторые из важнейших заключений автора этой книги следующие:

1. Количество умерших среди состоящих в браке примерно вдвое меньше, чем среди не состоящих, разведенных и овдовевших.

2. Процент преступников среди состоящих в браке намного меньше, чем среди не состоящих в браке.

3. Процент душевнобольных и бедных среди состоящих в браке намного меньше, чем среди не состоящих в браке.

4. С 1890 по 1920 г. количество вступивших в брак в 15 лет и старше выросло на 4,6%.

Также представляют интерес ряд других выводов профессора Огборна. Помимо этого, он весьма тщательно попытался причинно определить найденные корреляции. Это сделано весьма деликатно и мастерски. Недостаток места не позволяет представить здесь дальнейшие заключения и установленные причинные связи. Каждому, кто интересуется социологическими исследованиями брака и сопутствующими явлениями, не следует оставлять данную книгу без внимания. Она представляет собой одно из лучших в мире социологических исследований связей, относящихся к проблеме брака.

Книга «Социология города» Андерсона и Линдмена является учебником для университетов, в которых читается курс социологии города. В качестве такового он, пожалуй, наилучший в данной области. Авторы дают систематический анализ всех важных аспектов города: город как географический факт, как экологический факт, как совокупность разных профессиональных групп. Вторая часть книги описывает социальные функции города: приток, «выгорание» людей, транспорт, мобильность и технизированные условия жизни. В третьей части рассматривается психология городского населения и его типы. Последняя часть посвящена анализу основных учреждений, явлений культуры и признаков упадка города.

²⁷ Фриц Леви (Lewy, 1901–1990) – немецкий социолог и статистик.

²⁸ Франц Оппенгеймер (Oppenheimer, 1864–1946) – немецкий социолог и экономист.

На основе этих ограниченных данных видно, что исследования двух авторов охватывают все характерные качества города. Такая всеобъемлющая характеристика весьма уместна в книге, претендующей на учебник для высших учебных заведений. Стиль изложения и разъяснения отвечают этой цели: авторы не вдаются в мелкие подробности и часто ограничивают свои интерпретации общими характеристиками важнейших черт города.

Книга является прекрасной основой преподавания, но как монография имеет, конечно, много недостатков. Причина тому отчасти в ее учебном характере. Во-первых, авторы редко обращаются к первоисточникам. Во-вторых, в списке рекомендуемой литературы нет ряда основополагающих работ о городе (например, «Das Wachstum der Städte» E. Weber²⁹), в то время как цитируются много малоизвестных и даже популярных изданий. В-третьих, некоторые из заключений авторов сомнительны. Короче говоря, в качестве научной монографии у книги много недостатков, но как учебник она отличная, а если учесть, что литературы о городе пока очень мало и что книга является в некотором смысле пионерской работой, эти недостатки большей частью простительны.

Перевод с немецкого Н.А. ГОЛОВИНА

SOME OF THE NEW WORKS IN THE FIELD OF "PHILOSOPHICAL" AND "EMPIRICAL-INDUCTIVE" SOCIOLOGY: CONSOLIDATED REVIEW

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

© 2023 г.

П.А. СОРОКИН

ОТМАР ШПАНН. КРИЗИС В ПОЛИТЭКОНОМИИ (ДОПОЛНЕННЫЙ ДОКЛАД): РЕЦЕНЗИЯ

DOI: 10.31857/S013216250021533-9

В данном докладе профессор О. Шпанн¹ описывает кризис в политической экономике, его внутренние причины, его характер, показывает нам путь его преодоления. Происхождение кризиса следует искать в том, что механистично-каузальный и индивидуально-атомистический характер, до сих пор присущий политической экономике, оказался неверным и бесплодным. В этом смысле кризис, имеющий здесь место, является лишь одной из форм нынешнего общего кризиса гуманитарных наук. Все они сделали ошибку, взяв структуру естествознания в качестве образца для своей собственной структуры. Результатом для всех стало отсутствие какого-либо прогресса во всем этом направлении. Отсюда и реакция против материалистической, механистической, каузальной, количественной,

²⁹ «Рост городов» Э. Вебера. (Das Wachstum der Städte, издание не установлено.)

Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Spann O. Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre (Verwaltung, Interessenvertretung und Forschung. Heft 3). München, Leipzig: Dunker und Humblot, 1930 // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1931. S. 479–482.

¹ Шпанн Отмар (Spann, 1878–1950) – австрийский философ, социолог и экономист, идеолог политического консерватизма. В 1919 г. возглавил кафедру политэкономии в Венском университете, но преподавал в основном «учение об обществе» и «экономике целостности» («ganzheitliche Ökonomie»). Являлся «ключевой фигурой правых» [Kranebitter, 2019: 25]. Рецензируемое П.А. Сорокиным издание представляет собой доклад О. Шпанна, прочитанный 04.05.1929 г. в Германии на собрании Имперского союза немецких экономистов (Reichsverband der Deutschen Volkswirte e.V.).

безбожной и «свободной от ценностей» науки, свидетелями которой мы сейчас являемся. Данная реакция выражается в философии в форме развития неокантианских, неоаристотелевских и других неопозитивистских школ; в психологии – в защитной реакции против бихевиористских и механистических теорий; в социологии – в том, что были дискредитированы натуралистические теории Конта и Спенсера, и т.д. Аналогичное явление наблюдается в экономической науке. Она во всех основных отраслях – в неоклассическом направлении, в математической школе, в теории предельной полезности², в марксистском учении, в исторической школе – придерживалась лишь одной точки зрения о том, что она должна быть механистично-каузальной и, следовательно, количественной наукой, как, например, физика и химия. Однако гуманитарные науки как по своей структуре, так и в принципе полностью отличаются от физико-химических наук, а их принципы и категории не могут быть в ней использованы. «Раньше желали знания без бога и без добродетели. Но такого знания в духовных и общественных предметах не бывает». Естественнонаучные основоположения не могут быть применены к исследованию экономических феноменов. «Экономическое учение – не наука о внешних материальных благах..., не теория предпринимательского дела (Geschäftigkeit), а теория жизни».

После того, как профессор Шпанн таким вот образом показал природу кризиса и его причины, он предлагает путь возможного преодоления кризиса. Это должно происходить посредством усвоения его универсалистского понимания системы (Systemgedanken) и, в частности, исключения каузальных, механистических, индивидуалистических, материалистических, количественных, свободных от ценностей и безбожных принципов, на которых до сих пор пытались строить политэкономия. Вместо этого должны действовать принципы универсализма, а именно: принципы целостности (вместо атомизма) с их спутниками: порядком вычленения (Ausgliederungsordnung), достижительности, приоритета, оценкой целесообразности и этической оценкой. «Экономика представляет собой здание, то есть нечто целостное, отдельные части которого существуют в нем лишь как составные части». Однако индивидуализм и универсализм в системном подходе несовместимы, политическая экономия должна выбрать один из них.

«Индивидуализм приводит к либерализму, либерализм ведет к капитализму, капитализм ведет к марксизму, марксизм ведет к большевизму. Это один путь. Другой путь – это универсализм. Универсалистское понимание экономики и общества означает отказ от механистического и обоснование осмысленно-целостного подхода (sinnvoll-ganzheitliche Betrachtung)».

По мнению рецензента, доклад профессора Шпанна является действительно свежим, богатым мыслями и увлекательным. Его критика многих недостатков индивидуалистических, натуралистических, количественных и механистических принципов в гуманитарных науках с показом того, как они применялись, представляется в значительной мере верной. Его анализ неприемлемости значительного числа этих категорий в гуманитарных науках является, по большей части, логичным; а некоторые принципы универсализма, которые он поддерживает, не следует отвергать. Короче говоря, доклад заслуживает внимательного изучения, в частности, ярыми приверженцами механистического, материалистического, количественного и бихевиористского понимания гуманитарных наук.

Признав это, одновременно хотелось бы выразить опасение, что Шпанн в своей критике заходит слишком далеко и потому впадает в другую крайность. На некоторые слабые места его универсализма указано в обсуждениях доклада Ф. Оппенгеймером³, К. Ландауэром⁴, В. Зомбартом. Само собой разумеется, невозможно в кратком обсуждении подробно рассмотреть все пункты теории, разработанной Шпанном. Я хотел бы лишь

² Теория предельной полезности является политико-экономической теорией потребительной стоимости и экономического поведения потребителя, разработанной в австрийской экономической науке во второй половине XIX в.

³ Франц Оппенгеймер (Oppenheimer, 1864–1943) – немецкий социолог и политэконом, критик теории капитализма К. Маркса.

⁴ Карл Ландауэр (Landauer, 1891–1983) – немецкий экономист.

кратко (и догматично) назвать те пункты, доказательность которых мне представляется недостаточной.

Во-первых, если принципы каузальности (или функционального отношения) для исследования социальных и экономических феноменов представляются недостаточными, то они все-таки применимы и незаменимы в научном исследовании целого ряда таких феноменов. Шпанн, несомненно, заходит слишком далеко, когда полностью исключает их.

Во-вторых, если даже одни социальные и экономические феномены не могут быть исследованы количественными методами, то другие, напротив, уже исследованы именно так и могут быть исследованы так и дальше. Шпанн, как мне кажется, впадает здесь в крайность, противоположную радикальным «количественникам», считающим, что все социальные феномены могут быть исследованы количественно и что лишь количественное исследование «по-настоящему научное».

В-третьих, требование Шпанна о том, что научное исследование социальных и экономических феноменов должно одновременно содержать их этическую оценку, представляется мне неприемлемым. Верно, что каждое научное суждение имеет значимость (Geltung), даже если речь идет лишь о категории «ценности», «правильности» или «нормы». Однако логическая и научная значимость, правильность или норма очень отличаются от этической. Констатации типа « $2+2=4$ »; закон всемирного тяготения Ньютона; «Ленин умер в 1924 г.» либо: «все люди смертны», «Сократ – человек, следовательно, он смертен»; «в известных рамках психосоциальная изоляция повышает количество самоубийств»; эти и тысячи других подобных суждений сохраняют научную верность и научную и логическую значимость, хотя у них нет никакого этического значения. И наоборот, у требований типа «Люди должны любить друг друга»; «Социальное неравенство должно быть устранено» есть, пожалуй, этическое, но никак не научное значение, потому что они не дают нам объяснения того, как дело обстоит в реальности, как оно обстояло прежде или как будет обстоять в будущем (см. об этом мою статью «Sociology and Ethics» в «Social Sciences and their Interrelations», Бостон, 1926⁵). Так же, как эстетическая значимость и правильность отличаются от значимости и ценности в логико-научном и моральном смысле (нет «научной и ненаучной поэзии»), этическая значимость совершенно отличается от логико-научной. Поэтому желающий внести этические оценки в научное исследование отождествляет совершенно разные вещи и тем самым несправедливо относится как к научным, так и к моральным ценностям. Жизнь является гораздо более широким понятием, чем наука, и включает другие важные ценности: Бога, добродетель, религию, красоту и другие ненаучные ценности. Однако это не говорит о том, что в науку следует внести этические ценности, либо, к примеру, что поэзию следует сделать «научной». Тогда она перестала бы быть поэзией, так и не став наукой. Морализирующую науку тоже больше не следовало бы считать наукой.

В-четвертых, Шпанн считает принцип индивидуализма и атомизма гораздо более пагубным, нежели на самом деле. По-моему, к исследованию социальных феноменов следует подходить как с «индивидуалистской», так и с «универсалистской» или «групповой» точки зрения, и одна не обязательно должна противоречить другой. Какой из подходов лучше, полностью зависит от того, как, в какой области и при каких особых условиях проводится исследование. Платон, Аристотель и многие другие великие мыслители подходят к проблемам с обеих сторон и рассматривают одну точку зрения как дополнение к другой. Мне также кажется, что они в научном и логическом отношении были более правы, чем радикальные приверженцы «индивидуалистического» или «группового» исследования социальных феноменов. Фактом является то, что и та и другая точка зрения внесли ценный вклад в социальные науки, и что обе отмечены в истории наук. Таким образом, у нас нет серьезного основания отклонять какую-либо из них.

⁵ См.: Сорокин П.А. Социология и этика // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 158–162.

В-пятых, некоторые второстепенные предметные констатации Шпанна не лишены недостатков. Например, его изображение «отказа» от социальных наук, устанавливающих причинно-следственные связи, явно преувеличено, потому что они ни в коей мере не мертвы, а в высшей степени живы, несмотря на передержки и недоразумения, допускаемые здесь разными исследователями. Если Шпанн утверждает, что в эпоху Просвещения в социальных науках преобладали атомистические, индивидуалистические и механистические принципы, то это просто не соответствует фактам. Достаточно лишь указать на такие имена, как Э. Бёрк, Ж. де Местр, де Бональд⁶, на большинство органических теорий общества и на теорию самого О. Конта, которого Шпанн так сильно критикует, кроме того, на теории таких социологов, как Дюркгейм, и еще многих других, чтобы убедиться в том, что созданная Шпанном картина не соответствует действительности. Более того, весьма критикуемый Конт с его позитивизмом, выраженным в его «Позитивной политике»⁷, на самом деле в своих ведущих основоположениях почти совпадает с универсализмом Шпанна. Конт, как и Шпанн, универсалист, оба они антииндивидуалисты; оба рассматривают общество и его членов как целостность, вносят в науку этические оценки, являются религиозными и т.д. Это означает, что диагноз Шпанна в отношении причин сегодняшнего кризиса в политической экономии и в социальных науках в научном отношении нельзя считать верным.

Однако эта критика не мешает мне еще раз подчеркнуть, что обсуждаемый здесь доклад известного венского экономиста, социолога и философа следует признать богатым идеями, интересным, ценным и увлекательным сочинением, которое во многих отношениях поучительно и заслуживает поддержки.

Перевод с немецкого Н.А. ГОЛОВИНА

OTMAR SPANN. CRISIS IN POLITICAL ECONOMY (SUPPLEMENTED REPORT): A REVIEW

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

© 2023 г.

П.А. СОРОКИН

ТЕОДОР ГАЙГЕР. ОБРАЗЫ ТОВАРИЩЕСТВА. ЗНАНИЕ И ВЛИЯНИЕ: РЕЦЕНЗИЯ

DOI: 10.31857/S013216250024200-3

Основное содержание книги Гайгера¹ заключается в логической и эпистемологической классификации основных форм объединения людей (*Gesellung*²). Поэтому она

⁶ Родоначальники идеологии консерватизма.

⁷ Речь идет о сочинении О. Конта «Система позитивной политики, или Трактат, устанавливающий религию человечества» в четырех томах (1851–1854).

Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Geiger T. Die Gestaltung der Gesellung. Wissen und Wirken. Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1928 // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1930. H. 1. S. 113–115.

¹ Теодор Гайгер (Geiger, 1891–1952) – немецкий теоретик и исследователь социальной структуры общества, социолог политики.

² Немецкий термин «*Gesellung*» многозначный и может быть переведен на русский язык как «товарищество», означающий позитивную оценку социальных отношений (подробнее см.: Сорокин П.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 93–98). Здесь с учетом контекста он переведен на русский язык менее оценочным термином «объединение».

является одной из работ по формальной социологии. По классификации Гайгера основными формами объединения являются, во-первых, взаимные связи между людьми, во-вторых, предметные образования или объективации, созданные людьми. Взаимные связи людей делятся на: группы («такие объединения, которые воплощают непосредственную, сущностную сплавленность людей в познавательном опыте»); пары; толпу; социальный слой. Объективации делятся на системы творчества и смысловые структуры (экономика, техника, религия, искусство, наука) и учреждения (целевые организации и их аппарат). Далее в книге дается тщательное деление каждой из этих форм объединения, их вариаций и промежуточных форм. Книга завершается очень интересным и убедительным исследованием сущности социологии как науки и ее методов.

Немецким читателям уже известна социологическая позиция Гайгера. Гайгер с его учением находится где-то между формальной и понимающей социологией или, по его терминологии, недалеко от общественно-исторического способа рассмотрения социальных феноменов, примером которого являются сочинения Т. Литта и некоторых других авторов. Базовую позицию Гайгера можно проследить по следующей цитате из его книги: «Социологи старшего поколения и по большей части современные ищут социальные законы... Но не подлежит никакому сомнению, что общественные явления не могут быть предметом точного каузального исследования именно так... В области социологии... на место принудительной причинности заступает "мотив". Кто требует "точных объяснений" социальных фактов и явлений их причинами, не найдет их в современной немецкой социологии... Обществоведение прежде всего задает вопрос не "почему", а "что" и "как"? Поэтому мы можем говорить о "понимающей социологии", правда, не совсем в смысле Макса Вебера... Понимающая социология устанавливает типы, она полностью абстрагирует идеальный образ от вещных явлений». (Образ социальной группы, семьи, народов, объединений и так далее.) Этот гештальт или тип «получается актом внутреннего созерцания, а именно: для него достаточно лишь одного-единственного переживания. Чтобы понять, что такое "любовь", мне не нужно выводить понятие любви из массы любовного опыта, лишь по одному характерному переживанию, называемому "любовью", я могу со всей отчетливостью определить сущность "любви" – и лишь посредством него» (S. 132–135).

Вот основополагающее воззрение Литта и Гайгера. Пусть его лишь с трудом можно назвать новым, но все-таки оно ясное и убедительное. В основе этого метода старая связь формальной логики Аристотеля и столь же старого метода интроспекции в психологии.

Рецензент не может вполне серьезно воспринимать радикальное направление понимающей или интроспективной социологии, равно как и противоположную им «бихевиористскую» социологию, которая часто радикально отрицает всякую полезность метода интроспекции и даже логику. Мне кажется, что оба эти радикальные направления с успехом борются друг с другом. Бихевиористы не правы в своей попытке понять сущность психосоциальных феноменов без интроспекции. Понимающая социология типа Литта–Гайгера неправа, отрицая, что между объективациями или транссубъективными формами социальных феноменов возможны и необходимы причинные связи (см. подробнее об этом мою книгу «Современные социологические теории», гл. XI и XII)³. Если действительно для познания любви, ее последствий и влияния, ее связи со многими другими транссубъективными и субъективными феноменами достаточно одного любовного опыта, то тогда всякое научное исследование любви излишне. Почти у каждого есть свой опыт любви и поэтому он разбирается в любви не хуже д-ра Гайгера или любого пишущего о любви либо пытающегося объяснить ее. То же самое можно сказать и о любом другом социальном феномене. Если судить так, то социология вообще не нужна: любой человек является таким же толковым социологом, как и социолог-профессионал.

³ См.: Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2021.

Это говорит о том, что точка зрения Гайгера логично приводит к упразднению социологии как таковой. С другой стороны, мы все-таки можем признать правоту Гайгера, когда он утверждает, что причинные и функциональные закономерности в социальных феноменах, если они нам ясны, являются гораздо менее застывшими и единообразными, чем это имеет место в области неорганических и органических феноменов (еще Монтень очень красиво писал об этом в своей первой книге⁴). Но отсюда не следует, что эти закономерности (и изменчивость) являются равными и равносильными во взаимосвязях разных социальных феноменов. Мы знаем, например, что степень взаимосвязи между самоубийством и психосоциальной изоляцией, между жизнью в сельской местности и высоким уровнем рождаемости, между распадом семьи и молодежной преступностью менее изменчива, чем между формами искусства и формами преступности либо между модой на брюки и плотностью населения. Чтобы выяснить, насколько сильна связь данных феноменов, насколько велика изменчивость или что стало с факторами или причинами данного феномена, мы должны придерживаться объективного изучения транссубъективных психосоциальных феноменов согласно методам исследования естественных наук. Метод интроспекции здесь нам не очень-то поможет. Короче говоря, оба метода – интроспекции и бихевиористский – необходимы в социологии. Социология должна быть одновременно каузальной и понимающей социологией. Не вижу ни малейшей причины, почему эти вещи невозможно совместить; они взаимно дополняют друг друга.

Односторонность Гайгера демонстрирует его книга. Систематика форм объединения, несомненно, необходима для социологии. Но достаточно ли этого? Не содержит ли классификация Гайгера ошибки? По-моему, любая социологическая систематика является лишь преддверием к своим областям социологии, как систематика в зоологии или в ботанике является лишь их малой частью. Помимо классификации форм социальных объединений мы должны также что-то знать о «физиологии» или о «динамике» социальных феноменов, об их транссубъективной структуре или организации, об их изменениях, колебаниях, циклах, направлениях, закономерностях и функциональных связях при этих изменениях, этой динамике и структуре. Что из этого дает нам социология Гайгера? Ничего. В своей книге о массовых социальных движениях⁵ он упускает из виду свои же указания и нарушает свои же правила.

Кроме того, его классификация форм социальных объединений в логическом отношении весьма слаба; у нее нет логического *fundamentum divismnis*⁶, она касается лишь некоторых форм социальных объединений, в некоторые классы попадают весьма разные формы. Она ничем не лучше десятка других классификаций, возникших до Гайгера.

Несмотря на эту критику, книга интересна. От всего сердца особо рекомендую ее всем «бихевиористам» в социологии; с другой стороны, также от всего сердца я рекомендую ее радикальным последователям социологии, подобной гайгеровской, критикующим сочинения бихевиористов.

Перевод с немецкого Н.А. ГОЛОВИНА

THEODOR GEIGER. IMAGES OF COMRADESHIP. KNOWLEDGE AND INFLUENCE: A REVIEW

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

⁴ Речь идет о сочинении М. Монтеня «Опыты» (1580, 1588), состоящем из трех «книг».

⁵ Речь идет о книге: Geiger T. Die Masse und ihre Aktion: ein Beitrag zur Soziologie der Revolutionen. Stuttgart: Enke, 1926.

⁶ *Fundamentum divismnis* (лат.) – основание деления.

© 2023 г.

П.А. СОРОКИН

**ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОНЕВРОЛОГИИ /
ПОД РЕД. А.И. ГЕЙМАНОВИЧА; ТРУД И НЕРВНАЯ
СИСТЕМА / ПОД РЕД. А.И. ГЕЙМАНОВИЧА;
УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ / ПОД РЕД. Г.В. ФОЛЬБОРТА:
СВОДНАЯ РЕЦЕНЗИЯ**

DOI: 10.31857/S013216250024201-4

Эти три книги (на русском языке) являются публикациями советского Украинского Психоневрологического института. Первая книга включает серию исследований в области условных рефлексов. Помимо вступительной статьи редактора, описывающей развитие и современное состояние проблематики условных рефлексов, изученных И.П. Павловым и представителями его школы, в сборник вошли около двадцати статей Воробьева, Линдберга, Семеркиной, Приходьковой, Гуреева, Склярова, Мухиной, которые касаются процесса образования условных рефлексов при внешнем подавлении, формирования отрицательных условных рефлексов, изменения выраженности условных рефлексов и скорости их образования, периодической активности слюнных желез и тому подобного. В отличие от двух других выпусков сборников, данный сборник состоит только из научных статей без какой-либо политической пропаганды коммунизма.

Те, кто следил за развитием деятельности школы Павлова в этой области, не могут не заметить, что за последние десять-пятнадцать лет теория Павлова претерпела весьма существенные изменения. С одной стороны, она стала намного точнее, чем в первоначальной теории условных рефлексов, более того, она распространилась на многие новые области (явления гипноза, сна, психической патологии, наследования приобретенных качеств и проч.), с другой стороны, она во многом утратила свою первоначальную простоту. Чем больше изучают условные рефлексы, тем очевиднее их изменчивость, сложность и многие «отклонения» от прежней простой классической формулы. В этом сборнике статей представлены новые доказательства данной тенденции. Большинство представленных работ показывают, что подобные условные рефлексы предположительно очень различны в зависимости от многих условий и факторов: они разные по интенсивности, величине, скорости образования и угасания, по форме и направленности образования, взаимосвязи стимулирования и подавления и проч. Общая ситуация в этой области изменилась так сильно, что большинство характеристик условных рефлексов, приведенных в нерусских текстах по психологии, социологии, образованию, психоневрологии и проч., – характеристик, соответствующих первоначальной теории Павлова, значительно упрощавших и искажавших ее, – в свете последних исследований Павлова и его школы кажутся неточными и ненаучными. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить этот сборник статей, а также другие последние публикации Павлова и его сотрудников. Всем, кто интересуется этой проблемой, данный сборник будет полезен.

Что касается других сборников «Труд и нервная система», «Вопросы общей и социальной психоневрологии», то одни статьи сборников представляют собой научные исследования, другие – коммунистическую пропаганду, облеченную в форму «новой» коммунистической

Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Heymanovich A.J. (Ed.) The Problems of General and Social Psycho-Neurology. Kharkov, 1930; Heymanovich A.J. (Ed.) Labour and the Nervous System. Kharkov, 1930; Volborth G.W. (Ed.) Conditioned Reflexes. Kharkov, 1932: Review // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. N. 4. S. 457–459. После названия рецензии следует библиографическое описание рецензируемых сборников: Условные рефлексы: Сборник статей / Под ред. Г.В. Фольборта. Харьков: Гос. мед. изд-во Украины, 1932. 232 с.; Труд и нервная система [Сб.] / Под ред. А.И. Геймановича. Харьков: Украинский работник, 1930. 340 с.; Вопросы общей и социальной психоневрологии: [Сб.] / Под ред. проф. А.И. Геймановича. Харьков: Юрид. изд-во Украины, 1930. 198 с.

«теологии». В таких работах вместо здоровой логики – скверная или лживая логика; вместо эрудиции – невежественные манипуляции несколькими случайными именами; вместо научных доказательств – «теологические» ссылки на коммунистические «божественные откровения» и цитаты из них – из сочинений Маркса, Ленина и других «авторитетов». Такие писатели, кажется, считают, что достаточно найти подходящую цитату из Маркса, Энгельса или Ленина, чтобы их суждение считалось «научно доказанным». Похоже, что даже настоящие ученые делают некоторые уступки этой «теологии» ради того, чтобы их работы были напечатаны: в нескольких научных трудах, наряду с фактическими и экспериментальными данными, часто встречаются ссылки на «Священное коммунистическое писание (Sacred Communist Scripture)». Цель таких ссылок состоит, по-видимому, в том, чтобы показать, что их результаты не противоречат «Священному коммунистическому писанию», следовательно, их авторы не виновны в какой-нибудь опасной антикоммунистической «ереси».

В сборнике «Труд и нервная система» большинство научных исследований посвящено психофизиологии усталости и труда. Таковы исследования Кудрявцева, Денисенко, Чучмарева, Журавлева, Воробьева, Лаврова. Они публикуют интересные результаты в этой исследовательской области. Основными недостатками этих исследований являются их слишком сильная зависимость от достоверности «ментальных тестов» и других тестов механического характера, а также «статистического метода корреляции». Если несколько лет назад, особенно в Америке, эти методы и тесты были очень популярны, то в настоящее время к ним относятся с гораздо большей осторожностью, сдержанностью и критикой.

Наиболее ценные статьи третьего сборника статей посвящены феноменам взрослой преступности, преступности несовершеннолетних, детского бродяжничества и личности членов этих социальных групп. Особенно интересны работы Штермана «Хулиганство на Украине» и Приходивного о несовершеннолетних преступниках в украинских тюрьмах и допра¹, Гольденберга и Вольфовского о психотравматизме сотрудников тюрем. Наряду с некоторыми фактами, приведенными в других работах, о стремительной деградации коммунистов, они представляют довольно мрачную картину. Они показывают, что доля душевнобольных и психически нездоровых среди членов коммунистической партии, а также среди чиновников и сотрудников коммунистических тюрем и допросов исключительно высока; что пеницилентический режим для молодых бродяг и правонарушителей довольно ужасен (например, 98,4% из них считают, что он «очень плохой», 1,6% – «сносный» и никто – «хороший»); что скорость, с которой молодое поколение коммунистов истощается умственно и биологически, ужасает; что в деморализующих условиях революции преступность процветает и часто принимает самые бесчеловечные формы, и проч.

Мы часто слышим от «скороспелых зарубежных экспертов по России» самые восторженные сообщения о замечательных достижениях Советского Союза в области пеницилентики, образования детей, работы с несовершеннолетними преступниками и проч. Для тех, кто действительно что-то знает о Советской России, все эти восторженные сообщения из этих или любых других областей представляют собой просто «нонсенс» таких «экспертов» из-за их невежества, а иногда и нечестности. Достаточно изучить данные советские публикации, другие публикации советских институтов криминологии и пеницилентологии, чтобы увидеть мрачную, ужасную и трагическую реальную ситуацию. Это не имеет ничего общего с «фантастическим раем», нарисованным «скороспелыми зарубежными экспертами».

Перевод с английского Н.А. ГОЛОВИНА

**ISSUES OF GENERAL AND SOCIAL PSYCHONEUROLOGY / ED. A.I. GEIMANOVICH;
LABOR AND THE NERVOUS SYSTEM / ED. A.I. GEIMANOVICH; CONDITIONED
REFLEXES / ED. G.V. VOLLBORT: A CONSOLIDATED REVIEW**

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

¹ Допр – дом общественно-принудительных работ. Помещение в допр – вид уголовного наказания.

© 2023 г.

П.А. СОРОКИН

**СЛОВАРЬ-РУКОВОДСТВО ПО СОЦИОЛОГИИ /
ПОД РЕД. А. ФИРКАНДТА И ДРУГИХ: РЕЦЕНЗИЯ**

DOI: 10.31857/S013216250024202-5

Появление данного «Словаря-руководства по социологии», первого специализированного словаря по данной тематике, который планируется издать в нескольких томах, является событием в истории научной дисциплины. То, что проект реализуется частной издательской фирмой во время нынешней депрессии¹, – весьма обнадеживающий знак. Представляется, что это указывает не только на заметный общественный интерес к социологии, но и на удовлетворительный уровень развития этой восходящей научной области. Не менее важно, что многие выдающиеся немецкие ученые, работы которых во многих отношениях разные, объединились ради создания словаря. Такое сотрудничество было бы невозможно, если бы не было общих принципов, которые одинаково понимаются и интерпретируются социологами. Все это означает, что в социологии есть система общепринятых принципов и категорий.

«Словарь-руководство» не является ни словарем в обычном смысле, ни энциклопедией типа «Американской энциклопедии социальных наук (American Encyclopaedia of Social Science)», ни справочником. Например, в нем нет биографических очерков об отдельных социологах; очень мало таблиц, рисунков, дат и других конкретных справочных сведений. Он даже не претендует на включение бесчисленных статей о социальных явлениях и социологических теориях, которые ожидаемы в словаре. В нем представлены лишь важные, хотя и сравнительно немногочисленные статьи, посвященные фундаментальным концепциям, принципам и категориям социологии. Таким образом, «Словарь-руководство» является скорее научным учебником по социологии, подготовленным рядом ученых, тематически упорядоченным по алфавиту, нежели словарем или энциклопедией. Это видно из нижеследующего перечня статей, содержащихся в четырех томах:

История социологии; Социология: ее задачи, методы, школы; Социография; «Социология социальных отношений (Beziehungssoziologie)»; Социальная группа; Основные формы социальной жизни человека; Социальная психология; Общность и общество; Общество; Лидерство; Брак и семья; Народы и нации; Массы; Проблема народонаселения; Социология культуры; Типы и этапы культуры; Исторические и социальные законы; Материалистическое понимание истории; Раса; Классы и сословия; Мода; Революция; Техника; Экономика; Социология предприятия (Betriebssoziologie); Сельские и городские поселения; Капитализм; Пролетариат; Государство; Политические партии; Патриотизм; Империализм; Большевизм; Фашизм; Война; Право; Собственность; Язык; Музыка; Религия; Нравы; Искусство и литература; Наука; Педагогическая социология; Социологическое образование; Культура и общество Китая, Средневековья, эпохи Возрождения, Просвещения, девятнадцатого и двадцатого веков; Социальные реформы и дух нового времени (Sozialgeist). Данный перечень включает все статьи издания, кроме трех или четырех.

Отсюда видно, что издание весьма отличается от обычного словаря, энциклопедии или справочника. Вместо огромного количества кратких отрывочных статей в нем несколько статей аналитических и информативных, посвященных фундаментальным проблемам и категориям социологии. Со своей стороны я могу только поздравить редакцию

Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Handwörterbuch der Soziologie, hrsg. von A. Vierkant in Verbindung mit G. Briefs, E. Eulenburg, F. Oppenheimer, W. Sombart, F. Tönnies, A. Weber, L. v. Wiese. Stuttgart, 1931: Rezension // Sociologus. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg. 8. H.1. S. 126–128.

¹ Великая экономическая депрессия (1929–1939 гг.).

с таким выбором. Обычный словарь в четырех томах неизбежно был бы поверхностным и практически бесполезным. В нынешнем виде работа полезна не только дилетантам, но и специалистам. Есть содержание и система, что-то вроде творческого достижения. В сжатой форме приведен анализ основных концепций социологии и дается точное представление об основных направлениях современной немецкой социологии.

Кроме того, большинство статей представляют собой систематические обзоры некоторых предыдущих публикаций авторов, часто выходивших в свет в нескольких книгах. Для студентов, не имеющих возможность читать оригиналы, такие авторские обзоры предоставляют ценную возможность познакомиться с этими книгами. Авторы – выдающиеся социологи: Теннис, Зомбарт, Л. фон Визе, Фиркандт, А. Вебер, К. Мангейм, если указать некоторых германских социологов, а также двух негерманских: С. Штайнмеца² и Р. Михельса.

Таким образом, «Словарь-руководство» является важным вкладом в социологию. Каждый социолог, интересующийся общей или немецкой социологией, найдет в нем много полезной информации. В этом его характер и ценность.

К недостаткам «Словаря-руководства» относятся характерные недостатки всей немецкой социологии, а именно: пренебрежение индуктивным методом; чрезмерная скудость эмпирического материала; отсутствие каких-либо серьезных попыток проверить умозрительные выводы экспериментальными, количественными, историческими и другими эмпирическими данными; чрезмерный упор на умозрительную разработку концепций, категорий и классификаций, которые часто не открывают новых перспектив, а представляют собой простую переформулировку уже известного; недостаточное, а порой и неполное знание социологических работ других стран, особенно США, Италии и России, а иногда и Англии и Франции. Последний недостаток является общим для социологов почти всех стран; американцы мало знают европейскую социологию; французы в значительной степени пренебрегают социологией других стран и проч.

Недостатки немецкой социологии в целом почти прямо противоположны недостаткам американской социологии, хотя и чрезвычайно богатой эмпирическим материалом, но страдающей дефицитом хорошо продуманных концепций и категорий, логически последовательных систем и эпистемологически надежных методологических принципов. Если элементы немецкой и американской социологии можно было бы соединить, то синтез, наверное, привел бы к трансформации недостатков в научные достоинства. Поэтому «Словарь-руководство» весьма полезен американским социологам и рекомендуется им.

В рамках данного обзора невозможно сравнивать значимость статей «Словаря-руководства». Не все они одинаково хороши. Некоторые превосходны, другие явно уступают им. То же самое касается ссылок и библиографии. В некоторых статьях они уместны и дополняют содержание, в других указаны совершенно бесполезные работы, в то время как важнейшие труды в данной области опущены. Более того, библиография социологических работ в других странах к большинству статей недостаточна.

Несмотря на эти замечания, редакторов и участников «Словаря-руководства» можно поздравить с их трудом; они оказали заметную услугу развитию социологии и социологам всех стран.

Перевод с немецкого Н.А. ГОЛОВИНА

A HANDBOOK FOR SOCIOLOGY (Ed. By A. FIERKANDT et al.): A REVIEW

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

² Себальд Рудольф Штайнмец (Steinmetz, 1862–1940) – голландский социолог, историк права, этнолог.

© 2023 г.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (О XXIV ХАРЧЕВСКИХ ЧТЕНИЯХ)

Если в 2021 г. на Харчевских чтениях обсуждались вопросы общего состояния теоретической социологии в России, ее основные проблемы и перспективы развития, то тема Чтений-2022 была навеяна событиями года – начало СВО, изменившаяся актуальная повестка и риторика, быстро разворачивающееся противостояние со странами НАТО, санкционное давление, рост международной напряженности, мобилизация и пр. Эти события последних месяцев с начала СВО не только изменили многое в геополитическом масштабе, усилили противоречия между Западом и Востоком, но и сказались на жизненном мире россиян в целом, поэтому выбранная тема «Теоретическое осмысление новой социальной реальности» казалась актуальной. Журнал «Социологические исследования» как организатор Чтений ставил целью привлечь ученых-исследователей к поиску теоретической оптики для описания современности, обсудить познавательные и прогностические возможности социологии в условиях новых вызовов.

XXIV Харчевские чтения состоялись 24 октября 2022 г. при поддержке ФНИСЦ РАН, Научного совета Отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике». Успех научных мероприятий определяется составом участников – докладчиков и активной аудиторией слушателей. Зал Ученого совета ФНИСЦ РАН был заполнен, выделялись китайские студентки московских вузов, которые в последние месяцы стали регулярными слушателями научных конференций института. Смешанный формат (использование онлайн-технологий) позволил принять участие ученым из Москвы, С.-Петербурга, Екатеринбургa, Воронежа, Минска, Луганска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Читы и др. Всего в зале присутствовало 30 человек, и 55 участников подключились к обсуждению онлайн, среди них как иногородние члены редколлегии и редсовета журнала, так и авторы и читатели из разных городов России, ряда соседних государств. Заслушаны 15 докладов программы, выступления участников дискуссии.

Формируя повестку конференции, программный комитет исходил из того, что складывающаяся социальная реальность требует обновления теоретических подходов, методов и др. Открывая конференцию, **Г.А. Ключарев** (ФНИСЦ РАН) подчеркнул, что Указом Президента РФ объявлено Десятилетие науки и технологий, в рамках которого могут быть поддержаны научные исследования и мероприятия. Отметил приближающиеся юбилеи – в 2023 г. исполняется 25 лет Харчевским чтениям и в 2024 г. – 50 лет журналу «Социологические исследования». Он предложил коллегам готовить концептуальные статьи, подводящие некоторые итоги и заглядывающие в будущее.

По традиции формат Чтений не предполагает развернутого обсуждения выступлений, организаторам важна новизна теоретических идей и вопросов, попытка акцентировать актуальные методологические проблемы и обозначение способов их решения, расширение поля научного поиска. Что в плане развития социологической теории принесло обсуждение на Чтениях в 2022 г.?

Жесткий академизм суждений члена редсовета журнала **А.В. Яковенко** (Луганский университет), находящегося на прифронтовых территориях, оттенил драматизм и самих происходящих событий, и их концептуализации в социальных науках, и восприятия затронутых событиями людей. Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН) и чл.-корр. РАН, **Ж.Т. Тощенко** (РГТУ) подчеркнули, что события 2022 г. предъявили к теоретической работе социологов требования более высокого уровня и нового содержания. Неясные, противоречивые, не вполне сложившиеся

тенденции в реальном мире сопровождаются многоголосием в международном сообществе социологов. Ряд дискуссионных проблем и подходов к их решению породили в социологии XXI в. спорные, частью неприемлемые трактовки – вплоть до нацистских и русофобских. Не реагировать на происходящее в мировой и в «западной» социологии недопустимо.

М.Ф. Черныш акцентировал важность сохранения цементирующей роли теоретического наследия классиков современной социологии, бережного отношения к их общечеловеческим подходам. Такой акцент диктует сдержанность в практических действиях, казалось бы, естественных на фоне разговоров о девестернизации социологии, ее «суверенизации» или «нейтивизации» (от англ. native – местный). При обсуждении новой реальности докладчики, касаясь подобных понятий (вокруг них были построены доклады профессоров **Л.Г. Титаренко** (БГУ, Минск) и **С.А. Кравченко** (МГИМО)), отмежевались от идей национальной замкнутости, изоляционизма, как, впрочем, и новой волны подражательства («примыкательства», по мысли Р.С. Рывкиной) – к примеру, «повороту на Восток» или замыканию в узкой специализации. «Необходимость сохранения российской социологии в лоне мирового сообщества бесспорна, однако четкая артикуляция ведущих национальных идей в контексте новой социальной реальности позволит авторам сфокусироваться на специфике российского социума как альтернативы Западу, не тождественной постколониальным версиям», – подчеркнула Л. Г. Титаренко.

Акцентируя интегративное осмысливание всех образовавших новую социальную реальность процессов мировой социологии, ряд докладчиков (**Ж.Т. Тощенко**, **В.К. Левашов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН), **С.Г. Кирдина-Чэндлер** (ИЭ РАН) и др.) констатировали наличие в отечественной теоретической социологии надежных основ, заложенных трудами российских ученых. В этом контексте докладчики назвали имена П.А. Сорокина (**В.В. Козловский**, **Р.Г. Браславский** – оба СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, СПб.), Т.И. Заславской, Н.И. Лапина (**И.В. Картерный** – МГИМО), А.И. Ахизера, Т.М. Дридзе (**А.П. Давыдов**, ИС ФНИСЦ РАН) и др.

Многогранность складывающейся социальной реальности и объемы привлекаемой её исследователями информации объективно требуют от ученых наращивания междисциплинарных усилий. **Г.Г. Татарова** (ИС ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что для успеха подобных исследований, требующих интеграции знания, важна «когерентность коллабораций». В этом контексте она подчеркнула «арочную роль» теоретической программы Ж.Т. Тощенко «Социология жизни» и теории «институциональных матриц» С.Г. Кирдиной-Чэндлер.

Поднимались и вопросы этики и ответственности социолога в новой кризисной реальности (**С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН)): имеет ли моральное право социолог на выражение личного мнения; возможно ли в новых условиях оставаться на нейтральной позиции, которой требует научный анализ; можно ли опираться на прямые опросы общественного мнения о поддержке и отношении к травмирующим событиям и озвучивать эти данные, которые могут быть средством манипуляции в руках других интерпретаторов; имеет ли право в своей деятельности ученый-социолог легитимировать не только научную значимость своих исследований, но и общественную. Опираясь на позиции М. Вебера, П. Бурдьё, М. Буравого, П. Штомпки, были актуализированы эти проблемы. На материале эмпирических и аналитических работ российских социологов 2022 г. о СВО и последующих событий докладчик показала, что в среде социологов нашей страны, в студенческой аудитории перед каждым остро встала проблема личного отношения к происходящему. Обостренно дебатировался известный тезис о «Wertfreiheit» (свобода от ценностей, оценок) М. Вебера; в своем выступлении и А.В. Яковенко упомянул факт противоположности позиций Э. Дюркгейма и М. Вебера в условиях Первой мировой войны. Выбор позиции требует от каждого напряженной внутренней работы по самоопределению и личного понимания роли этой сложной теоретической проблемы для успеха научной работы социолога. По мнению С.Ю. Демиденко, ученый-социолог должен максимально стараться объективировать описание социальных событий, но не выступать политическим активистом.

Участники Чтений (С.Г. Кирдина-Чэндлер, С.А. Кравченко, В.К. Левашов, **Н.В. Романовский** (РГГУ) и др.) показали в своих выступлениях, что факторы, сформировавшие на глобальном уровне новую социальную реальность, уходят корнями в историю веков, в менявшееся

соотношение экономического могущества потенциала стран и коалиций, в отраженные историей социологии смены теорий, парадигм, концепций. Влияние этих перемен на исследования социологов проявляется в их тематике, в используемых данных и их концептуализации (оценках) социологической и смежных наук. Ряд докладчиков, оперируя материалом истории социологии, показывали историческую протяженность таких процессов, как появление новых сил (игроков) на мировой арене, формирование новых агентностей (**П.С. Сорокин** (НИУ ВШЭ), **И.В. Катерный** (МГИМО), **В.И. Игнатьев** (НГТУ, Новосибирск) и др.), социально-экономические подвижки и социальная справедливость (**Ю.С. Волков** (ЮФУ)), перемены в международной политике и международных отношениях (С.А. Кравченко, Р.Г. Браславский) и др. Проявления неопределенностей, конфликтов, поисков обозначились ближе к концу минувшего века, а перспектива их развертывания, видимо, затронет обозримые годы, возможно десятилетия текущего столетия.

Обсуждалась конфликтность новой социальной реальности. Даже идеологическое противостояние превращено усилиями США, НАТО и ЕС в неприкрытую психологическую войну. **А.Б. Гофман** (НИУ ВШЭ) в докладе «О господстве дискурса господства» показал, что идеи современного западного мейнстрима в социологии используются как оружие психологической, идеологической войны, подыгрывая – в частности – русофобии. Власть такова, каково общество, а мир без господства невозможен, и даже сопротивление господству также является одной из его форм. Мода в исполнении современных социальных технологов приобретает тотализующие качества запрограммированного воздействия на массовое социальное и политическое сознание и поведение. В данном случае акценты на личности служат прикрытию корыстной позиции «коллективного» Запада по отношению к Российской Федерации и к ее политике – внешней и внутренней.

Этот тренд требует от наших ученых расставания с некой наивностью (особенно очевидной в 1990-х гг.) по поводу мнимой беспристрастности «западных» наук об обществе, включая социологию. Не первый год и в поле социологической теории наблюдаются подмены, или демонстративное игнорирование сущности современных социальных явлений (капитализм, колониализм, расизм, империализм), прикрытые поверхностными аналогиями или полунамеками – в расчете на слабую информированность аудитории, уход от центральной проблематики социальной жизни и ее качества – под завесой шумных кампаний по поводу ЛГБТ+, БЛМ, квир-проблем и т.п. Побочными признаками прикрывается суть ключевых социальных проблем, несущественные признаки (обстоятельства, факторы) ставятся выше существенных, внимание общественности уводят от практической агентности. На место капитализма, тем более колониализма, в историю человечества предлагают ставить модерн и пост(пост)модерн; на место марксизма – пост(или анти)марксизм. И т.д.

Во многих выступлениях участников Чтений затрагивались интересные проблемы и важные задачи самой социологии, порожденные новыми условиями, как отражение и составные части изменившейся реальности. Это мощное воздействие цифровой составляющей на обсуждаемую реальность и новые виды социальной информации, ставшие доступными благодаря цифровизации: средства наблюдения за действиями, перемещениями, поведением людей, растущее использование искусственного интеллекта, робототехники, данных космических аппаратов и т.п. Сумма воздействий, которым подвергается в этом смысле современная социология, преобразует нашу науку. При подготовке Чтений 2022 г. этой стороне проблем социологии организаторы уделили внимание. Рекомендуем познакомиться со статьей В.И. Дудиной¹, где теоретизирован фактор цифры в социологии как отражение революции в производительных силах общества первых десятилетий XXI в. и новой социальной реальности. Предложенный концепт «паттерн» позволяет не-иерархически теоретизировать социальную активность (и социальную реальность), по-новому решая проблемы микро/макро и структура/действие.

¹ Дудина В.И. Концептуализация социальной активности в условиях общественной нестабильности: между микро- и макроуровнями // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250021526-1.

Иерархическое представление о социальной реальности, давно и прочно укорененное в социальных науках, преодолевается на базе этого концепта благодаря появлению цифровых исследовательских инструментов, а также больших данных.

В ряде выступлений по конкретным проблемам исследований современного общества (Н.П. Сащенко (ИСПИ ФНИСЦ РАН), В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, А.П. Давыдов и др.) демонстрировалась тесная связь проблем, порождаемых новой социальной реальностью, с изучаемыми докладчиками вопросами. Д.А. Давыдов (ИФИП УрО РАН, Екатеринбург) рассмотрел поиск альтернатив будущего в западном мейнстриме в связи с кризисом капитализма и формированием «посткапиталистических» представлений о будущем. Он, а также И.В. Картерный и П.С. Сорокин говорили о важности понимания сути западного дискурса. Н.В. Романовский, говоря о «повороте на Восток», охарактеризовал повышение роли не-европейской и североамериканской частей мировой социологии; последствия этого «поворота» заметны в социологии стран Востока, в «южной», де- и постколониальной социологии; зафиксированы попытки применять «постколониальную» риторику в психологической войне против России.

Подводя итоги, отметим присутствие анализа различных сторон современной реальности. Чтения показали вовлеченность социологов в анализ актуальной повестки, при этом важно отметить критичность оценок, отсутствие пресмыкательства, попытку объективного взгляда на реальность. Разнообразие тематики продемонстрировало, что в своих поисках социологи пытаются соблюдать интеграционный подход.

Несколько слов о будущих юбилейных Чтениях. Уже намечаются перспективные темы для обсуждения, о чем вы можете прочесть в приветственном слове к читателям главного редактора журнала. Не полагаясь на самотек, редакция в постоянном контакте с активом журнала определится с формулировкой темы. Следите за объявлениями на нашем сайте. В свете начавшегося Десятилетия науки и технологий имеет смысл обратиться в рамках социологии к «научоведению», к достижениям философии науки и социологии науки, к теоретическим аспектам научной работы ученых, к стандартам понимания того, какими должны быть «наука», «теория» в современном мире.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ, С.Ю. ДЕМИДЕНКО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – д. ист. н., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, проф. Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования» (socis@isras.ru); ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, отв. секр. журнала «Социологические исследования» (demidsu@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

‘THE NEW SOCIAL REALITY’ (ON THE XXIV A. KHARCHEV’ READINGS)

DOI: 10.31857/S013216250024199-1

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor of the journal “Sociological Studies” (socis@isras.ru); Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, The Institute of Sociology FCTAS RAS, Executive Secretary (editor) of the journal “Sociological studies” (demidsu@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

К 100-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В.Г. АФАНАСЬЕВА

17 ноября 2023 г. отмечался Всемирный день философии. Символично, что в этот день 100 лет назад родился будущий академик АН СССР (РАН) советский философ Виктор Григорьевич Афанасьев. В Доме ученых на Пречистенке состоялся симпозиум, посвященный этому юбилейному событию. Само название симпозиума «К 100-летию академика В.Г. Афанасьева: жизнь и наследие ученого, журналиста, общественного деятеля» говорит о многогранности его личности и необычайно успешном восхождении к вершинам научного и политического Олимпа советского общества, которых своей целеустремленностью, умом и талантом достиг безвестный русский мальчишка из небольшого татарского села.

Можно без преувеличения сказать, что не так много ученых в истории отечественных общественных наук, оставивших столь значимый след, как В.Г. Афанасьев. Талант и позиция ученого позволили внести Виктору Григорьевичу вклад в развитие таких направлений науки, как социология, философия, теория социальной информации, научное управление обществом, системное видение социальной реальности и ряд других. Исследовательский стиль академика Афанасьева отличали целостность восприятия научных проблем и постоянный поиск механизмов развития общества как системы.

Из-под пера В.Г. Афанасьева вышло около 500 научных работ. Книги блестящего советского философа изданы на шестидесяти языках мира. Его монографии по проблемам управления и прежде всего по социально-ориентированному управлению востребованы до сих пор и переживают очередную волну популярности в нашей стране и за рубежом.

Помимо науки, он достиг высоких статусных позиций: член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, тринадцать лет (больше, чем кто-либо) возглавлял главную газету страны «Правда», руководил Союзом журналистов СССР, Всесоюзной федерацией воднолыжного спорта. В его деятельности всегда преобладал подход, основанный на научных выводах. Добросовестность, служение истине и нежелание «делать науку» по рецептам власти – такая позиция важна для науки и общества, хотя и не всегда удобна для власти.

Отдать дань памяти ученому, вспомнить об его уроках и заветах, еще раз подчеркнуть непреходящую силу и актуальность научных идей В.Г. Афанасьева пришли его ученики, последователи, коллеги-журналисты, известные спортсмены, друзья и близкие. Была развернута выставка из 12 книг академика, переизданных в 2022 г. издательской группой URSS специально к юбилею.

Торжественное заседание открыл президент Международной академии инновационных социальных технологий, проф. **В.И. Патрушев**, огласив приветственное письмо симпозиуму от ректора Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (бывший Челябинский педагогический институт) Т.А. Чумаченко. В этом университете, где с 1953 по 1960 г. трудился В.Г. Афанасьев, а также в Забайкальском государственном университете (бывший Читинский педагогический институт), который ученый заочно с отличием окончил в 1950 г., ко дню рождения философа открылись юбилейные выставки.

Во вступительном слове проф. В.И. Патрушев остановился на роли В.Г. Афанасьева в становлении отечественной социологической науки, подчеркнув, что ученый был первопроходцем, совершившим прорыв в информационное общество, а его работа «Социальная информация и управление обществом», изданная в 1975 г., стала одной из самых первых в мире глубоких работ по социальной информатике.

О жизненном пути отца, о трудностях и их преодолении рассказал его сын **А.В. Афанасьев** (ИФХЭ РАН). Он подчеркнул: краеугольной работой, перевернувшей жизнь неведомого доцента провинциального вуза, стала книга «Основы марксистской философии: популярный учебник» (1960). Этот учебник под названием «Основы философских знаний» выдержал 25 изданий и имел тираж только на русском языке несколько миллионов экземпляров. За эту книгу В.Г. Афанасьев в 1983 г. был удостоен Государственной премии СССР.

Продолжил тему социологии в творчестве академика Афанасьева представлявший на симпозиуме Отделение общественных наук РАН, член-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (в прошлом один из первых аспирантов В.Г. Афанасьева). Он подчеркнул, что многие работы академика, в особенности «Научное управление обществом. Опыт системного исследования» (1968, 1973) и «Человек и управление» (1982), заложили теоретические, методологические и прикладные основы изучения проблем общественного сознания и поведения. Ж.Т. Тощенко напомнил, что именно В.Г. Афанасьевым при кафедре философии Академии общественных наук в 1964 г. была организована одна из первых в СССР научно-исследовательских социологических лабораторий, где в течение 15 лет осуществлялись социологические исследования, востребованные не только учеными, но и политическим руководством страны. Остановился Ж.Т. Тощенко и на особенных качествах своего учителя – отличного педагога и популяризатора науки: он всегда поддерживал своих учеников, уважал их выбор научных тем, не претендовал в науке на их идеи, не терпел пустой болтовни, оценивал сделанную работу, а не прожектерство. Ну и наконец, В.Г. Афанасьев говорил и писал о философских вещах ясным и понятным языком, просто и доходчиво объяснял сложные вещи.

По мнению выступавшего на симпозиуме проф. **Д.Г. Евстафьева** (НИУ ВШЭ), академик Афанасьев по существу является социальным философом, основоположником отечественной школы изучения информационного общества как социально-технологической системы. Развивая свою мысль, он сослался на его книгу «Человек: общество, управление, информация. Опыт системного подхода». Написание этой работы наглядно продемонстрировало то, что в официальной постсоветской науке всячески отрицалось: в СССР вопросы, связанные с развивающимся феноменом информационного общества, прежде всего с социальными последствиями его развития, находились в центре внимания ученых. Он привел цитату из этой книги: «Избирательный, селективный подход человека к информации предполагает: совершенное знание человеком своей специальности, своей роли в коллективе, обществе и стоящих перед ним и обществом задач; умение ориентироваться в океане информации, отбирать и умело использовать ту информацию, которая ему необходима. Пути совершенствования информационной ориентировки человека практически неисчерпаемы». По мнению докладчика, в этой фразе сокрыт глубочайший методологический смысл, отделяющий ее от современного, крайне технократического и технологизированного понимания информационного общества. В «модели Афанасьева» информация – феномен групповой, интегрирующий социальное пространство, а не разобщающий его. И это, вероятно, принципиальная методологическая основа понимания информационного общества, сформулированная В.Г. Афанасьевым. В заключение Д.Г. Евстафьев выразил мысль, что именно В.Г. Афанасьева следует считать родоначальником отечественной теории социального управления. Управления, а не манипуляций, которые сейчас деликатно именуются политехнологиями и по существу являются антисоциальным управлением, не формируя реальных целей и перспектив развития, а заменяя их фиктивными, как сейчас принято говорить, фейковыми образами, ложными, содержательно ничтожными горизонтами планирования и развития.

На симпозиуме с коротким, но емким докладом выступила проф. **О.А. Уржа** (РГСУ). Она является вдохновителем и организатором проведения с 2003 г. научно-практических конференций под названием «Афанасьевские чтения», посвященных проблемам социального управления и научному наследию академика. С 2003 г. выходит журнал «Материалы Афанасьевских чтений», главным редактором которого является В.В. Бондалетов (ФУ при правительстве РФ).

Выступали и его коллеги-журналисты – те, с кем В.Г. Афанасьев в течение 20 лет, будучи сначала заместителем, а затем и главным редактором газеты «Правда», делил горести и радости тяжелейшего журналистского труда. Во всех выступлениях ветераны журналистики, вспоминая события и эпизоды прошедших лет, не переставали говорить об одном из самых главных качеств В.Г. Афанасьева – человечности. «Наш главный», как они называли

его, по-отечески относился к людям, буквально пестовал, растил их, передвигая вверх по служебной лестнице. Он находил интересных людей и предоставлял им возможность раскрыться. Не давал подчинённым в обиду, презирал интриги и доносы, защищал и не боялся взять вину на себя. На него сыпались жалобы от местных властей якобы на неточности в критических статьях, требования наказать, заменить корреспондента, но он не втягивал голову в плечи, мол, не в курсе дела, не давал в обиду, а выставлял грудь вперед, защищая работника. Как сказала в выступлении журналистка и в прошлом ответственный секретарь Федерации водных лыж СССР **Т.Н. Константинова**, В.Г. Афанасьев с военных времен усвоил главную солдатскую заповедь: «Своих не сдаем и защищаем, как можем...».

Как о государственнике, человеке, мыслящем прогрессивно, действующем в высоких государственных интересах, патриоте своей Родины высказался о В.Г. Афанасьеве ветеран-правдист, ныне профессор кафедры печатных и новых медиа Академии медиаиндустрии **А.В. Черняк**. Он подчеркнул, что собственно этому и была посвящена под руководством В.Г. Афанасьева вся деятельность «Правды». Своими воспоминаниями поделились бывшие аспиранты академика: **Е.А. Тимофеев**, заслуженный работник культуры РФ, возглавлявший долгие годы издательство «Мысль», профессор **С.Д. Мизеров**, до недавнего времени работавший первым проректором Академии медиаиндустрии. Ярким было выступление **Б.И. Пружинина** (ИФ РАН, журнал «Вопросы философии»). Он рассказал о роли В.Г. Афанасьева в своей научной судьбе, о том, что его старший брат – С.И. Пружинин был основным редактором всех трудов академика, выходивших в центральном издательстве политической и историко-партийной литературы в СССР «Политиздат».

Завершил симпозиум своим выступлением политический обозреватель, член редколлегии газеты «Правда», член ЦК КПРФ **В.С. Кожемяко**. Говоря о роли личности В.Г. Афанасьева как руководителя, он резюмировал: «Память свидетельствует: роль эта была огромной, что осознавалось и тогда, в разгар газетной, научной и общественной деятельности Виктора Григорьевича. По прошествии лет масштаб и значение его личности видятся еще крупнее. А во многом они даже стали символическими, поскольку новым поколениям дают возможность лучше понять, каким оно было – советское время, каких людей растило и воспитывало, какие личности особенно были востребованы и в первую очередь выдвигались на самые ответственные посты».

Симпозиум завершился награждением участников юбилейными медалями, выпущенными к 100-летию со дня рождения академика В.Г. Афанасьева.

А.В. АФАНАСЬЕВ

АФАНАСЬЕВ Андрей Викторович, к. хим. н., вед. науч. сотр., Институт физической химии и электрохимии им. А.Н. Фрумкина РАН, Москва, Россия (dir@phych.ea.ru).

TO THE 100th ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN V.G. AFANASYEV

DOI: 10.31857/S013216250024198-0

Andrey V. AFANASYEV, Cand. Sci. (Chemistry), Leading Researcher, Frumkin Institute of Physical Chemistry and Electrochemistry of RAS Moscow, Russia (dir@phych.ea.ru).

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

За последние три года перед нашей страной возникло целое множество новых вызовов, запустивших разнонаправленные социальные изменения, коснувшиеся практически всех групп и слоев населения. Для научного сообщества такие стремительные и комплексные трансформации являются, с одной стороны, поводом к осмыслению предшествующих состояний общества, а с другой стороны, предпосылкой к поиску новых подходов для анализа современных явлений. В контексте этих обстоятельств 22–23 сентября 2022 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Российское общество в период глобальной турбулентности»¹ в рамках 13 секций обсуждались вопросы о том, с какими вызовами столкнулось российское общество и какие уроки оно извлекло из уже практически трех лет турбулентного состояния. За два дня конференции было заслушано свыше 110 докладов участников из 19 субъектов РФ и трех стран.

Среди важных предпосылок к осмыслению глобальных вызовов, стоящих сегодня перед российским обществом, стоит выделить представленные докладчиками тезисы о принципе социальной справедливости как регуляторе барьеров и возможностей для различных групп населения (**А.В. Верещагина**, ИСиР ЮФУ), предельности резервов общества сохранять стабильность и выдерживать резкие и фундаментальные негативные изменения привычных жизненных условий (**Ю.В. Латов**, ИС ФНИСЦ РАН), а также способности международной информационной повестки оказывать значимое влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства (**Е.Ю. Березкина**, РЭУ им. Г.В. Плеханова). Они согласуются с выводами о необходимости поиска в современных условиях оптимальных управленческих моделей, направленных на снижение территориальных неравенств (**А.А. Мерзляков, В.С. Богданов, В.А. Шилова, К.Э. Гусейнова**, все – ИС ФНИСЦ РАН), значимости теории медиации, предполагающей ориентацию на некий срединный путь, приоритет которого – диалогическое партнерство всех заинтересованных участников (**А.П. Давыдов, В.В. Зотов, Л.А. Василенко**, все – ИС ФНИСЦ РАН).

Отдельным блоком стоит выделить итоги дискуссий о современных тенденциях и вызовах в ключевых сферах жизнедеятельности российского общества – демографии и миграции, на рынке труда, в образовании и др.

В частности, обсуждались вызовы, связанные с этнодемографическим замещением населения и ростом этнокультурного разнообразия (**Д.С. Григорьев**, ИС ФНИСЦ РАН). На данных международных исследований было продемонстрировано, что среди россиян, по сравнению с жителями других европейских стран, относительно чаще фиксируется негативное отношение к иммигрантам (хуже отношение только в Венгрии и Чехии), что является потенциальным риском роста социальной напряженности в российском обществе (**Н.С. Воронина, А.В. Жаворонков**, ИС ФНИСЦ РАН). На примере исследования языковой интеграции трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в Республике Саха (Якутия) было показано, что ключевые претензии к мигрантам чаще связаны с ощущением местным сообществом культурной дистанции во взаимодействии с ними (**Е.М. Арутюнова**, ИС ФНИСЦ РАН).

Другой блок демографических вызовов связан с вопросами современной семьи, которые не сводятся только к количеству семей и детей, хотя это, несомненно, стоит во главе угла. Важными представляются и обозначенные исследователями вызовы морального-нравственного и психологического толка, связанные, к примеру, с выработкой эффективных коммуникативных моделей в периоды нестабильности, как это было во время локдаунов в пандемию, (**Н.А. Любинарская**, ПСТГУ) или вопросами фамильной памяти, которая у россиян неглубока, но интерес к которой очень высок (**Р.Э. Бараш**, ИС ФНИСЦ РАН).

¹ Конференция проведена Советом молодых ученых ФНИСЦ РАН при поддержке РОС и ГАУГН. Подробнее см.: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3160

С серьезными вызовами столкнулся и современный российский рынок труда, ключевой которых очень емко охарактеризовал чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГТУ), обозначив его как необходимость кардинальной перестройки мира профессий. Перед социологией труда в этой связи также возникает свой научный вызов, связанный с необходимостью переосмысления базовых представлений о принадлежности труда работнику в современных реалиях, раскрытия нового содержания и состава участников (субъектов) трудовых отношений (**В.Ю. Бочаров**, СамГУ). С позиции трендов эти вызовы воплощаются в процессах трансформации занятости, которая характеризуется множеством рисков и возможностей для общественного развития (**А.В. Попов**, **Т.С. Соловьева**, ВНЦ РАН). Накладывает свой отпечаток и цифровизация, имеющая неоднозначные возможности и последствия (**Л.Г. Титаренко** (БелГУ, Минск), **Г.В. Ниорадзе** (РГТУ), **Ю.М. Пасовец** (КГУ)). Наряду с этим возрастает актуальность вопросов устойчивости региональных рынков труда, благополучия работников, специфики и распространенности неустойчивой занятости, поиска адекватных мер поддержки и стимулирования занятости.

Особое внимание привлекли обозначенные исследователями вызовы и возможности для российского образования. Они имеют многосоставную природу и мотивируются мировыми тенденциями в образовательной сфере, меняющимися условиями и давлением внешней среды, в том числе запущенным пандемией коронавируса в 2020 г., а также внутренними проблемами и сложностями в рамках самих образовательных систем (**Л.Б. Омарова** (ФУ при Правительстве РФ), **Д.А. Томасова** (НИУ ВШЭ), **Л.Г. Титаренко**). В этой связи широко обсуждались практики адаптации школьного и вузовского образования к дистанционному режиму и особое внимание уделялось неравенству возможностей семей в технологическом обеспечении, а также психолого-педагогическим и методическим аспектам дистанционного режима учёбы. В целом же процессам цифровизации на конференции была посвящена отдельная секция, на которой прицельно обсуждались вызовы, порождаемые этим явлением. Было отмечено, что цифровое неравенство дополняет и катализирует традиционные его формы, например гендерное или возрастное (**Н.С. Воронина**, **С.Г. Фокина** (СИ ФНИСЦ РАН)).

Вызовам, связанным с благополучием, здоровьем и качеством жизни россиян, было уделено отдельное внимание. Была обозначена актуальная исследовательская задача, связанная с поиском более измеряемых, узких и менее популистских концептов, отражающих реальное качество жизни населения (**В.В. Зырянов**, МГУ). Поставлены вопросы о соотношении возможностей и рисков для россиян в условиях последних «шоковых» с точки зрения уровня нестабильности и количества изменений лет. Рисков и лишений стало больше, причем во всех жизненно важных сферах – психологического состояния, доходов, занятости, социальной защищенности и др. (**Н.В. Латова**, **Е.Д. Слободенюк**, **Н.Д. Коленникова** – все ИС ФНИСЦ РАН). При этом диапазон адаптационных практик остается довольно узким, а подход к собственному здоровью – реактивным (**А.В. Каравай**, ИС ФНИСЦ РАН), несмотря на отдельные позитивные тенденции в этой сфере – сокращение употребления алкогольной и табачной продукции (**Ю.Ю. Белова**, **А.И. Бирюкова** – все НИУ ВШЭ).

Отдельный блок дискуссий был посвящен специфике положения групп населения, представляющих особую важность с точки зрения их человеческого потенциала и удельной численности среди всего российского населения. Это прежде всего довольно многочисленная группа пожилых людей, а также молодежь и волонтеры, представляющиеся одними из ключевых драйверов будущего развития.

В отношении пожилого населения было обозначено, что в современном мире происходит переосмысление старения (**О.Г. Цыплакова** (РГПУ им. А.И. Герцена), **И.А. Григорьева** (СИ ФНИСЦ РАН)). На секции сложилась конструктивная дискуссия между представителями научного сообщества и сотрудниками государственных организаций, которые непосредственно вовлечены в практическую реализацию различных решений. С одной стороны, было показано, что наряду с переосмыслением процесса старения в современных условиях пожилые люди нуждаются в обеспечении новых возможностей для адаптации к цифровой среде, получения эффективной социальной помощи, выработки конструктивных здоровьесберегающих практик и т.д. С другой – продемонстрированы конкретные практики на примере Центров

московского долголетия, которые уже создаются и являются довольно эффективным ответом на новые вызовы при их грамотном масштабировании (**В.Н. Каменских**, МСЦ).

Ключевыми вызовами для молодежи в современных условиях становится поиск функционирующих каналов социальной мобильности, позволяющих обеспечить справедливое и прозрачное распределение молодых людей по социальным позициям, закрепить их социальный статус (**М.С. Короткова** (НИУ ВШЭ), **П.В. Попов** (РИСИ), **В.И. Рязанцев** (независимый исследователь)). Значимым становится обеспечение беспрепятственного выхода молодежи на рынок труда и преодоление так называемых «квалификационных ям», означающих несоответствие между фактически имеющимися профессиональными компетенциями молодых людей и их реальной востребованностью на рынке труда, купирования процессов вынужденной «текучки» кадров и роста безработицы. Одним из векторов решения этих проблем может стать повышение социальной защищенности молодежи, расширение ее социальных гарантий, усиление ее переговорных позиций перед работодателями (**П.Е. Сушко**, ИС ФНИСЦ РАН). Вместе с этим процессы социализации молодежи происходят в нетипичных для прошлых поколений условиях, в новом ценностном и идеологическом поле, в ситуации изменившейся медийной реальности, что требует комплексного переосмысления роли указанных процессов в становлении личности (**Е.Е. Демидова** (МГУ), **А.В. Старикова** (ИГ РАН), **Д.Н. Карпова** (МГИМО), **А.А. Зайцева** (ИС ФНИСЦ РАН), **Ж.Т. Тумуров** (ЗабГУ)).

Отдельное внимание привлекли выводы о перспективах развития волонтерства и добровольчества в России. Ключевые вызовы в этой области, в которой чаще задействована современная молодежь, связаны с волонтерской «карьерой» и ее профессионализацией (**А.Ю. Станевич** (МГЛУ), **А.А. Атанасова** (ИС ФНИСЦ РАН)). На примерах волонтерства в сфере природоохраны и чрезвычайных ситуаций были показаны успешные практики трансформации добровольческих инициатив в полноценные предприятия, организованные социальными предпринимателями (бывшими волонтерами): как правило, это фонды и компании, занимающиеся сбором, сортировкой и переработкой отходов, вторичным использованием вещей. В рамках работы таких предприятий волонтеры часто приобретают статус сотрудника предприятия.

Широко дискутировались не только в рамках предметных дискуссий, но и на полях отдельной секции вопросы методологических и методических вызовов, которые для российского исследовательского сообщества во многом связывались с эвристическим потенциалом инструментальных средств познавательной деятельности социолога. Особый интерес вызвали доклады **А.В. Кученковой** (РГГУ) о логико-комбинаторном подходе в типологическом анализе, **М.В. Субботиной** (РУДН) о познавательных возможностях и ограничениях метода неоконченных предложений, **А.А. Михайлова** (ГАУГН) о методике «Потерянное письмо», **О.С. Гусаковой** (МГУ) об изучении образа «будущая Россия»; **А.В. Чирковой** (ИС ФНИСЦ РАН) о теоретико-методических проблемах типологического анализа по здоровьесберегающему поведению.

В завершение на пленарной дискуссии было отмечено, что конференция стала уникальной площадкой, объединившей не только представителей научной молодежи, но и привлекавшей внимание наиболее опытных и известных ученых и исследователей. Это стало важной предпосылкой не только для обеспечения преемственности знаний, но и синтеза оригинальных взглядов и идей.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна, к. социол. н., науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (kolennikova-nina@mail.ru).

RUSSIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF GLOBAL TURBULENCE: KEY CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

DOI: 10.31857/S013216250022957-5

Nina D. KOLENNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (kolennikova-nina@mail.ru).

О ПРОБЛЕМАХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

22 сентября 2022 г. в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Российское общество в период глобальной турбулентности» прошла секция «Цифровое неравенство в период пандемии COVID-19», посвященная проблемам цифровизации и различным аспектам цифрового неравенства. Руководителями секции выступили **Ю.Б. Епихина** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) и **Д.С. Попов** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва).

Н.С. Воронина (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) представила доклад «Цифровое неравенство интернет-пользователей в России: гендерный аспект». Она отметила, что чаще всего в научной дискуссии упоминается трехуровневая модель цифрового неравенства, предполагающая на первом уровне неравенство доступа, на втором – неравенство навыков, на третьем – неравенство возможностей. На базе данных онлайн-опроса Н.С. Воронина провела сравнение трех уровней цифрового неравенства среди мужчин и женщин. На первом уровне выявилось различие во владении редкими устройствами: доля мужчин, имеющих дома, например, экшн-камеру или голосового помощника, выше. При анализе второго отмечалось, что у мужчин лучше развиты навыки, связанные с работой компьютера (подключение новых устройств, установка программного обеспечения и др.), в то время как у женщин – с покупками, а также использованием офисных приложений (таблиц, презентаций, текстового редактора). Третий уровень оценивался через цели использования Интернета: женщины чаще совершают там покупки, делают платежи, пользуются офисными приложениями, мужчины чаще покупают комплектующие, посещают новостные сайты и сетевые игры. Было зафиксировано, что существующее гендерное неравенство в доходах сохраняется и воспроизводится в цифровой среде.

Е.В. Петрова (НИУ ВШЭ, Москва) выступила с докладом «Ранняя доместикация Интернета в России как фактор цифрового неравенства». Данные, собранные в экспедициях в российские деревни, позволили сделать вывод о том, что фактором, объединяющим респондентов как в городах, так и в сельской местности, становится пользование домашним Интернетом. Интернет меняет домашнее пространство, даже если респонденты прямо не заявляют о роли новой технологии в их жизни. Доместикация приводит к асимметричным отношениям между поколениями, очеловечиванию техники, изменению баланса жизненных сфер.

С.Г. Фокина (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) остановилась на вопросах доступности медицинской помощи при внедрении цифровых сервисов электронного здравоохранения. Концепция цифрового здравоохранения предполагает равенство доступа к цифровым медицинским услугам всех категорий граждан. Для этого пациенты должны иметь технику для выхода в Интернет и обладать навыками работы с ней, однако в старшей возрастной группе это является проблемой. Кроме того, барьером для людей старшего поколения становится в целом неприятие цифровизации и новых технологий в здравоохранении. Поэтому декларируемая доступная цифровая медицина на практике оказывается доступной не для всех.

Е.А. Григорьева (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) в докладе «Цифровой разрыв и дистанционное обучение: контуры проблемы» сосредоточилась на цифровых компетенциях учителей и учащихся. Результаты исследований указывают на недостаток цифровых навыков у школьников. **Ю.Б. Епихина** высказала мнение, что российская школа дает ученику определенные знания, однако не учит, как их применять на практике. Именно с этим связаны низкие результаты российских школьников в исследовании PISA, ориентированном как раз на практическое использование полученных знаний. С цифровизацией возникает похожая ситуация: ученики умеют пользоваться гаджетами в известных ситуациях, тем не менее при смене устройства или операционной системы они теряются. В контексте цифровизации школы встает вопрос об использовании информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения. **Д.С. Попов** отметил, что существует две противоположные

европейские традиции относительно использования телефонов во время учебного процесса. Немецкая традиция предполагает полный запрет, скандинавская, наоборот, выступает за активное применение гаджетов. Российское образование из-за пандемии вынужденно обращается к практике скандинавской школы, однако после возвращения к традиционным формам обучения ставится вопрос о целесообразности пользования телефонами во время уроков (вплоть до введения полного запрета на пользование смартфонами в школе). В таких условиях неопределенности цифровой разрыв учеников только усиливается.

Цифровизация вторгается как в общественное, так и в домашнее пространство, становясь источником изменений. Прорывной технологией в этом плане оказался смартфон. Интернет становится экстерриториальным, не привязанным к какому-то определенному пространству, что приводит к слому привычных практик. На секции обсуждалось, как цифровизация и «цифровая среда» усилили старые и спровоцировали новые социальные неравенства, по-разному ощущаемые и переживаемые социальными группами.

А.С. СМЕРНОВА

СМЕРНОВА Анастасия Сергеевна, мл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (nastyanestea812@gmail.com).

ABOUT THE PROBLEMS OF DIGITAL INEQUALITY DURING THE PANDEMIC

DOI: 10.31857/S013216250023440-7

Anastasiia S. SMIRNOVA, Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (nastyanestea812@gmail.com).

© 2023 г.

XI ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО ДЕМОГРАФИИ

С 18 по 20 октября 2022 г. прошли очередные XI Валентеевские чтения «Население и устойчивое развитие», организатором которой традиционно выступали экономический факультет и Центр по изучению проблем народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Конференция проходила в дистанционном формате и дала возможность объединить более 120 ученых России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, занимающихся исследованиями в области рождаемости и репродуктивного поведения, здоровья и самосохранительного поведения, смертности, матримониального поведения, миграции, расселения и пространственного развития территорий.

Текущий год для демографической научной школы МГУ оказался богат на юбилеи, к которым была приурочена конференция. В 2022 г. научное сообщество отметило 100-летие Д.И. Валентя, одного из основателей отечественной демографической науки, и 55-летие кафедры народонаселения, созданной по его инициативе.

Эти знаковые события не могли обойти в своих выступлениях участники пленарного заседания И.Е. Калабихина (МГУ им. М.В. Ломоносова), А.И. Антонов (МГУ им. М.В. Ломоносова), чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев (ИДИ ФНИСЦ РАН, РУДН), М.Б. Денисенко (НИУ ВШЭ), М.А. Клупт (СПбГЭУ), С.Д. Валентей (РЭУ имени Г.В. Плеханова). Участники вспоминали научную и просветительскую деятельность Д.И. Валентя, рассказывали о изданных им и под его редакцией учебниках и монографиях, подготовке и издании Демографического энциклопедического словаря (1985).

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Конференция получилась насыщенной и разнообразной как по тематике докладов, так и по формам их представления. В первый день на секции «Здоровье населения и самосохранительное поведение» докладчики особое внимание уделили региональным особенностям реализации практик самосохранительного поведения и влиянию немедицинских факторов, прежде всего экономических, на здоровье людей. На секции «Миграция и урбанистика, расселение населения» поднимались вопросы интеграции мигрантов разных поколений в принимающее общество, формирования новой карты расселения населения, обсуждались особенности миграционных процессов на пространстве ЕАЭС и в разных регионах России. Особый интерес вызвал доклад **Е.Ю. Садовской** (Казахстан) о современных миграционных процессах в Казахстане. В 2022 г. страна стала центром притяжения мигрантов из России, а также укрепила свой «статус» транзитного государства. Мигранты довольно легко проходят процесс адаптации, однако пока неясными остаются планируемые сроки их пребывания и планы относительно трудовой деятельности, реализации семейных обязанностей.

Во второй день конференции состоялось пять секций, посвященных заболеваемости и смертности, рождаемости, матримониальному поведению, гендерным вопросам. На секции «Пандемия COVID-19» были представлены результаты исследований, в которых предпринимались попытки оценить людские потери от избыточной смертности, выявить общественные эффекты распространения коронавируса, проанализировать динамику вакцинации в разных странах и регионах, определить региональные различия влияния пандемии на демографическое развитие территорий. Проблематика коронавирусной инфекции звучала и на других секциях. Так, на секции «Смертность и заболеваемость населения» было рассмотрено влияние пандемии COVID-19 на смертность от неинфекционных и хронических заболеваний. Кроме этого, были представлены доклады, посвященные детской смертности, смертности от разных видов причин, региональным особенностям оказания медико-профилактической помощи.

На секции «Рождаемость и репродуктивное поведение» начало пандемии COVID-19 рассматривалось как своеобразная разграничительная черта, вынуждающая изучать динамику рождаемости в разрезе «до» и «после». Также обсуждалось влияние экономических факторов на рождаемость в России, проанализированы региональные и страновые различия в рождаемости и репродуктивных установках населения. Интерес участников вызвал доклад **Н.Е. Русановой** (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) «"Мода на беременность", "родовые служанки", "комфортные роды" и репродуктивный выбор женщин» о новых моделях дородового консультирования и родовспоможения, а также о формировании новой неформальной профессиональной группы.

На секции «Брачность, формирование семьи» вопросы влияния пандемии на матримониальное поведение рассмотрела **С.Ю. Сивоплясова** (ИДИ ФНИСЦ РАН, МАИ), выявив регионы России, где негативные эффекты проявились ярче всего, – Чечня, Ингушетия, Карачаево-Черкессия. Кроме того, прозвучали доклады об изменениях брачной структуры Беларуси и рисках одинокой жизни. В рамках секции «Гендерные вопросы устойчивого развития» обсуждались доклады о роли отцов в жизнедеятельности семей и особенностях бюджетного финансирования социальных программ в Республике Казахстан с точки зрения их гендерных различий.

В третий день конференции состоялись четыре секции, которые были посвящены старению населения, социально-демографической политике, развитию стран в контексте устойчивого развития и взаимодействию населения с окружающей средой. На секции «Население, развитие и окружающая среда» **М.А. Клупт** (СПбГЭУ) представил доклад «Демографическая теория и кризисы: возвращение широкого подхода», по результатам которого развернулась дискуссия об обоснованности использования узкого и широкого подходов к трактовке взаимосвязей между демографической системой и внешней средой. **Т.Г. Нефедова** и **А.В. Шелудков** (оба – ИГ РАН) в докладе «Внутрирегиональное пространственное неравенство в России: социально-экономическая динамика» определили

центры притяжения в России и их периферию, очертили круг экономических, социальных и демографических процессов, динамика которых обусловлена таким пространственным неравенством. Также были представлены доклады о влиянии среды обитания на распространенность метаболического синдрома у взрослого населения России (**А.А. Зеленина**, НМИЦ ТГМ Минздрава России) и социальной уязвимости к наводнениям и адаптационной способности населения на юге России (**В.А. Липатов**, ФУ при Правительстве РФ) и **Н.Г. Мавлянова** (Ин-т геоэкологии им. Е.М. Сергеева).

На секции «Социально-демографическая и миграционная политика» **С.В. Королев** (УдГУ) «развенчал» мифы о влиянии горбачевской антиалкогольной кампании на динамику экономического развития страны во второй половине 1980-х гг., рассмотрел ее воздействие на демографические процессы. В частности, оказались преувеличены масштабы вырубки виноградников и плодово-ягодных садов, кустарного изготовления алкогольной продукции и отравлений, вызванных ее потреблением. Сложно определить и причины зафиксированного роста рождаемости в указанный период: в какой мере он был вызван антиалкогольной кампанией, а в какой – смещением тайминга рождений. Кроме того, на секции обсуждались вопросы эффективности демографической политики с точки зрения сбережения народонаселения и повышения рождаемости, миграционной политики в контексте адаптации трудовых мигрантов, а также особенности трансформации семейных ценностей в современном белорусском обществе.

Трансформация возрастной структуры населения регионов России, демографические дивиденды и возможности экономического роста страны, межпоколенные трансферты и их влияние на социально-экономическое положение населения в регионах – основные темы докладов на секции «Старение населения: вопросы социально-экономического развития, межпоколенные связи». Тенденции демографического развития государств ЕАЭС и Грузии, роль миграции, влияние пандемии на трансформацию рынка труда, угрозы демографической безопасности России под влиянием депопуляции обсуждались на секции «Демография стран и регионов в контексте устойчивого развития».

Очевидно, что в рамках одной конференции осветить все многообразие моделей демографического развития невозможно. Более того, современный мир стремительно меняется, а это значит, что будет продолжаться трансформация демографических процессов.

С.В. РЯЗАНЦЕВ, С.Ю. СИВОПЛЯСОВА

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, чл.-корр. РАН, директор Института; проф. Российского университета дружбы народов (riazan@mail.ru); СИВОПЛЯСОВА Светлана Юрьевна, к.э.н., доц., вед. науч. сотр.; доц. Московского авиационного института (НИУ) (svetlankamos84@rambler.ru). Оба – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

XI VALENTEY READINGS IN DEMOGRAPHY

DOI: 10.31857/S013216250023351-9

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute; Prof. at the RUDN University (riazan@mail.ru); Svetlana Yu. SIVOPLYASOVA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Leading Researcher; Assoc. Prof. at the Moscow Aviation Institute (NRU) (svetlankamos84@rambler.ru). Both – Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО, Г.В. ТАРТЫГАШЕВА

А ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИСХОДИТ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ?

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (zhantosch@mail.ru); ТАРТЫГАШЕВА Галина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (tarty@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Раскрываются значимость, актуальность, теоретическая и идеологическая востребованность монографии «На переломе веков: социодинамика российской культуры» в современных условиях геополитического выбора России. Оценивается предложенный авторами анализ состояния и тенденций развития культуры как социального феномена и социологической категории. Обращено внимание читателей на краткий, обстоятельный анализ становления российской социологии культуры начиная с XIX в. Отмечаются усилия авторов по уточнению понятийного аппарата этой области знаний в сопоставлении с мнениями и предложениями коллег-исследователей. Рассмотрена авторская интерпретация культурных трансформаций конца XX – начала XXI в., основанная на обобщении данных многолетних социологических исследований ведущих исследовательских центров страны и имеющая важное значение для обогащения теоретико-методологических оснований исследования культуры и для использования в культурной политике государства. Повышает интерес к данной книге и показ дискуссионных трактовок культуры, среди которых особое значение приобретают оценки путей и методов модернизации отечественной культуры. На основе представительных эмпирических исследований авторы выделяют общекультурные тренды, культурные предпочтения, проблемы художественного творчества. Вместе с тем они дают оценку негативным процессам, приводящим к деформации культурного пространства: влиянию либеральной идеологии, постмодернизму, коммерциализации, вестернизации, примитивизации и лжетворчеству.

Ключевые слова: культура • социология культуры • социодинамика российской культуры • культурные трансформации • коммерциализация • вестернизация и дегуманизация культуры

DOI: 10.31857/S013216250023175-5

Необходимость в подобной работе назрела давно. Как не может показаться странным, но внимание к культурной сфере жизни общества в общетеоретическом и методологическом плане было осуществлено всего несколькими авторами советского периода или первого этапа становления новой России [Ионин, 2000; Коган, 1992, 2009; Маршак, 2007; Шендрик, 2005].

Этот фундаментальный труд¹ – результат многолетних теоретических изысканий и прикладных социологических исследований авторов в «социокультурном поле» – имеет ключевое значение для осмысления путей развития отечественной социологии культуры как

¹ Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с. Далее по тексту ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках.

в теоретико-методологическом, так и в идеологическом отношении. Анализируются проблемы социодинамики российской культуры за последние 30 лет. В этом есть определенное преимущество книги, хотя рассмотрение темы в историко-социологическом плане не завершено.

Отметим две важные особенности монографии: авторы опирались на мощную теоретическую базу в лице отечественных философов – А.И. Арнольдова, В.Е. Давидовича, М.Т. Иовчука, В.А. Лекторского, В.М. Межуева, Э.С. Маркаряна и др., и уделили большое внимание исследованиям отдельных проблем культуры. Отметим некоторые из использованных работ: по истории культуры [Иконникова, 2001], социологии сельской культуры [Кудрина и др., 1992], социологии молодежи [Зубок, Чупров, 2020], социологии кино [Жабский, 2020], социологии литературы и искусства [Фохт-Бабушкин, 2001; Вахметса, Плотноков, 1968; Суций, 2021; Цукерман, 1972], социологии архитектуры [Глазычев, 2008; Вильковский, 2010] и чтения [Бутенко, 1997], и многие др. Такой подход несомненно обогатил теоретические и методологические установки авторов, показывая реальную жизнь различных социальных общностей и групп, различные формы и виды массовой и художественной культуры. Не претендуя на анализ всех поднятых проблем, остановимся на тех, которые, на наш взгляд, обязательно привлекут внимание читателя.

Авторы подробно и аргументированно остановились на ключевой проблеме места социологии в системе наук о культуре: систематизированы различные интерпретации культуры, дана эволюция идей и представлений о российской культуре конца XX – начала XXI в. (с. 37–64), обобщаются данные многолетних социологических исследований по теме. Подробно описаны основные поиски в становлении и развитии социологии культуры, представлены фактически все отечественные исследователи и многие зарубежные ученые, которые внесли значительный вклад в данную область научного знания. Большое внимание уделяется кардинальному переосмыслению роли и значения культуры в современном обществе. Авторы утверждают, что не политика и не экономика, а именно культура как «ценностная и смыслообразующая основа российского мироустройства» определяет лицо современного общества (с. 7).

Первый раздел монографии полностью посвящен анализу предметного поля социологии культуры. Очевидно, в рамках авторской позиции «культурой» называются не любые практики человеческого взаимодействия, а лишь те, что связаны с созиданием, развитием творчества, гуманизма. В этом кроется существенное различие между расширяющейся практикой использования так называемой культуральной социологии или культурсоциологии, которая наиболее полное выражение нашла в произведениях Дж. Алксандера и в известном смысле в работах Л.Г. Ионина. Суть этой интерпретации сводится к тому, что культура пронизывает все без исключения сферы общественной жизни. Однако при таком подходе практически исчезает различие между понятиями «общество» и «культура». Вместе с тем авторы не исключают, что нет непреодолимых границ между культурой и другими сферами жизни общества. Поэтому вполне логично, что в монографии осуществлено рассмотрение социально-экономических условий развития культуры, политические, социальные и идеологические факторы культурной динамики.

Размышляя над сложившейся ситуацией в сфере культуры, авторы называют нерешенные или слабо аргументированные выводы многих современных работ: «отсутствие четко обозначенного предмета исследования, сложившегося концептуального аппарата, отработанной методологии» (с. 68). Действительно, исследователи, ограничивающие предметное поле сферы культуры узкой трактовкой, «околдованы» сложностью объекта изучения и неоднозначностью полемики по поводу многих (самых важных) теоретических и методологических проблем социологии культуры. Эта дискуссия в той или иной мере продолжается, что можно только приветствовать, так как именно обмен и обобщение полученной информации на основе социологического подхода обогащают наши представления о роли и значимости духовно-культурных ценностей. Характеризуя предмет социологии культуры, авторы отмечают, что пока он представляет из себя «общесоциологические абстракции и голый эмпиризм» (с. 55), которые сложно объединить и согласовать.

Существует необходимость, и мы солидарны в этом с авторами, в дальнейшей легитимизации новых концепций научного познания и теоретико-методологических подходов, использующих недооцененные эвристические возможности данных конкретных исследований в объяснении современных трансформаций культуры, особенно междисциплинарных.

Монография своевременна еще и потому, что выполняет важную идеологическую миссию. Подробный анализ российской цивилизации как синтеза различных цивилизационных парадигм, специфики культурных архетипов, общинной социальности и индивидуализма, патерналистских тенденций и сакрализации государства превращает монографию в важный программный документ в рамках глобального дискурса «об особом пути России» как цивилизации и культуры. Возможно, именно сейчас нужны книги, смысл которых заключается в обосновании попыток России выстроить собственный путь развития.

Рассуждая о сущности и содержании культуры, авторы, по сути, реанимируют советский проект всеобщей доступности культуры, когда гуманизация творчества, природного таланта, аккумулированные культурные и социальные компетенции занимали центральное место в идеологии культуры. Особо отметим рассуждения о «высокой культуре». Ее состояние и проблемы весьма критически оцениваются авторами. Они практически соглашались с таким выводом: «Творец в советский период был лишен всяких наследуемых статусных атрибутов, обязательно присущих всем остальным. Подразумевалось, что талант как самородок распределяется хаотически, принадлежит некоей почве – “девственным” социальным массам, и легальные социальные институты призваны дать пути легитимации этого таланта» [Дамберг, Семенов, 1999: 172].

Рассуждая о природе предмета социологии культуры и особенностях ее развития, авторы обращают внимание на то, что она выполняет своего рода роль идеологической, мировоззренческой программы развития общества. Красной нитью проходит идея очеловечивания или расчеловечивания общества. Особую роль в этом процессе отводится, прежде всего, гуманистическому проекту, который наиболее полно воплощается в социологии культуры. Вместе с тем авторы отмечают, что идеологизированность и политизированность культурных процессов может привести к сужению горизонта научного познания, что присутствовало как во времена советской цензуры, так и в период наступившего господства либеральной трактовки назначения культуры.

Не менее значим и историко-социологический аспект темы. Безусловной ценностью монографии можно признать анализ процесса становления отечественной социологии культуры, начиная с русской интеллигенции, идей о культуре, заканчивая современными тенденциями в развитии социокультурных исследований. Рассматривая процесс развития социокультурных исследований в России, авторы упоминают многих мыслителей, начиная с П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского (с. 38–39), которые заложили основы обстоятельного анализа истории и общей динамики становления отечественной культуры. Дана краткая характеристика социологов дореволюционного, а затем советского периода 1920-х гг., когда на волне раскованной свободы зарождались новаторские свершения в литературе, в искусстве, архитектуре (русский авангард, конструктивизм и др.). Именно тогда происходил процесс приобщения советских людей к культуре через развитие сети учреждений (избы-читальни, красные уголки, дома творчества и культуры и др.), а также издание доступной литературы и пропаганды знания во всех аспектах. Хотелось бы пожелать авторам монографии в будущем вернуться к этой теме, более предметно и наглядно прояснить ход развития современной отечественной культуры.

Авторы монографии далеки от того, чтобы оценивать только позитивные черты культуры. В книге отражена критическая позиция по отношению к социокультурной модернизации и демократизации отечественной культуры. Авторы подводят некоторый итог модернизационным процессам в нашей стране в духе «либерального проекта», когда рыночная концепция культуры, идеи коммерциализации, а также максимизации прибыли и индивидуальной выгоды становятся программными и повсеместно декларируемыми, но, в принципе, так и не могут прижиться в России. По их мнению, в России либеральная идеология привела лишь к кризису

культуры. За процессами глобализации авторы видят попытки денационализации российской культуры, «изменения культурного кода россиян», за тотальностью массовой культуры – «духовную скудость и примитивное потребительство». В книге делается вывод, что, согласно результатам исследований, у большинства населения пока не произошло глубинной ценностной переориентации, сохранен социокультурный и нравственный фундамент (с. 175).

Анализируя данные социологических исследований последних лет, авторы характеризуют состояние отечественной культуры через противостояние двух духовно-мировоззренческих позиций в России и расслоение общественного сознания по сословно-классовому признаку. Представленные в монографии культурные предпочтения и литературные вкусы россиян демонстрируют неоднородность российского населения не только по уровню доходов, но и по образу жизни, ценностным и смысложизненным установкам, что может быть интерпретировано как угроза и как возможность ее преодоления для будущего отечественной культуры.

Авторы подробно анализируют теоретические и исторические уроки культурного и цивилизационного противостояния Запада и России. Значимая часть монографии посвящена толкованию российской культуры через призму внутренней противоречивости национального менталитета, включающего священность государства, коллективизм (общинность), «добро», «правду» и «красоту» ценностного ядра общественного сознания русского народа. Авторы противопоставляют меркантилизм как внутренний стержень западной цивилизации и «одухотворенность» русской национальной культуры. Обращают внимание на противоречие между гуманистической силой российской культуры как стратегией спасения человечества и ее коммерциализацией, деградацией и использованием в качестве инструмента западной культурной политики в капиталистической России. В авторских представлениях русская культура – гуманистична и в отличие от европейской рационалистической традиции самопознания определяет смысл бытия в очеловечивании бытия, прежде всего бытия самого человека.

Однако в этом анализе, на наш взгляд, недостаточно уделяется внимания деформационным процессам, отраженным в расширяющемся действии таких феноменов, как квазкультура, псевдокультура, паракультура и контркультура. Так, паракультура, которую представляют разного рода прорицатели, знахари, колдуны и пр., насчитывает в настоящее время, по утверждению некоторых экспертов, около 800 тыс. человек с годовым оборотом около 10 млрд долларов. А сколько мусора на театральных подмостках, на художественных выставках, который выдается как достижение, как творческие поиски и свобода выражения особого видения окружающего мира (см. подробнее: [Тощенко, 2011]).

Кроме того, вероятно, следовало бы хотя бы кратко охарактеризовать процессы так называемой культуры отмены, представляющей собой разрушение, отрицание или отказ от прошлого и даже игнорирование культуры других народов, а также о причинах этого распространяющегося явления, которое стало явлю в нынешнем противостоянии с западным миром.

Сужение авторами «горизонта познания» проявляется в односторонней интерпретации западной культуры через меркантилизм и рациональность, что может быть объяснено лишь настоящей ситуацией «столкновения цивилизаций», гибридной войной с Западом и претензией либералов на роль идеологического канона аутентичного варианта развития российской культуры. На наш взгляд, хотя коллективный Запад представляет реальную угрозу для российского альтернативного проекта развития, в целом его культура все же олицетворяет как подлинно гуманистическое развитие человечества, так и его поиски истины, которые не всегда можно трактовать однозначно.

Подводя итог, отметим, что работа имеет важное не только теоретическое, но общественно-политическое значение и подводит определенный итог социокультурного развития в России за последние три десятилетия. Монография богата многочисленными данными о разных сторонах развития культуры и, что привлекает внимание, анализом культурных ориентаций россиян, динамикой их изменений. Особую ценность имеет и библиографический список, поскольку представлены фактически все отечественные научные работы по социологии культуры, что крайне важно для исследователей культуры, преподавателей, аспирантов и студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX в.: социологические аспекты. М.: Наука, 1997.
- Вахметса А.Л., Плотноков С.П. Человек и искусство (Проблема конкретно-социологического исследования искусства). М.: Мысль, 1968.
- Вильковский М. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010.
- Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008.
- Дамберг С.В., Семенов В.Е. «Социология культуры» Леонида Ионина и современная идеология культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том. II. № 3 С. 169–175.
- Жабский М.И. Социология кино: истоки, предмет, перспективы. М.: Канон+, 2020.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020.
- Иконникова С.Н. История культурологических теорий. Идеи и судьбы: Учеб. пособ. СПб.: Питер, 2001.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Работы 1988–1997 гг. / Под ред. Ю.П. Вишневского. Екатеринбург: Маска, 2009.
- Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992.
- Кудрина Т.А., Шендрик А.И., Комиссаров С.Н. Культура села: проблемы возрождения. М., 1992.
- Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007.
- Суций С.Я. Русская литература советского периода // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 112–129.
- Тощенко Ж.Т. Кентавр-культура: современные лики // Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011. С. 225–243.
- Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей: Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб.: Алетейя, 2001.
- Цукерман В.С. Музыка и слушатели: Опыт социологического исследования. М.: Музыка, 1972.
- Шендрик А.И. Социология культуры: Учеб. пос. М.: Юнити, 2005.

WHAT IS REALLY GOING ON IN THE FIELD OF CULTURE?

TOSHCHENKO ZH.T.***, TARTYGASHEVA G.V.*

*Russian State University for the Humanities, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Scientific Supervisor of the Sociological Faculty of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (zhantosch@mail.ru); Galina V. TARTYGASHEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities (tarty@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The review reveals the significance, theoretical and ideological relevance of the monograph in the current conditions of civilizational development and Russia's geopolitical choice. The analysis proposed by the authors of the state and trends in the development of culture as a social phenomenon and as a sociological category is evaluated. The attention of readers is drawn to a brief but detailed analysis of the development of Russian sociology of culture since the 19th century, to the efforts of the authors to define the conceptual apparatus of this field of knowledge in comparison with the opinions and suggestions of fellow researchers. The author's interpretation of cultural transformations of the late 20th – early 21st centuries is considered, based on a generalization of data from many years of sociological research by the country's leading research centers, which are important both for enriching theoretical and methodological foundations for the study of culture and for use in the cultural policy of the state. This book displays debatable interpretations of culture, among which assessments of the ways and methods of modernizing domestic culture are of particular importance. On the basis of representative empirical studies, the authors identify general cultural trends, cultural preferences, and problems of artistic creativity. At the same time, the authors assess the negative processes that lead to the deformation of the cultural space: the influence of liberal ideology, postmodernism, commercialization, westernization, primitivization and pseudo-creativity.

Keywords: culture, sociology of culture, sociodynamics of Russian culture, cultural transformations, commercialization, westernization and dehumanization of culture.

REFERENCES

- Butenko I.A. (1997) *Readers and Reading at the End of the 20th Century: Sociological Aspects*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Foght-Babushkin Yu.U. (2001) *Art in People's Lives: Concrete Sociological Studies of Art in Russia in the Second Half of the Twentieth Century. History and modernity*. SPb.: Aleteya. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. (2022) *At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture*. Moscow: FNISts RAN. (In Russ.)
- Glazychiev V.L. (2008) *Urbanistics*. Moscow: Europe. (In Russ.)
- Damberg S.V., Semenov V.E. (1999) "Sociology of Culture" by Leonid Ionin and the Modern Ideology of Culture. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. II. No. 3: 169–175. (In Russ.)
- Ikonnikova S.N. (2001) *History of Cultural Theories. Ideas and Fates: Proc. Allowance*. SPb.: Piter. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2000) *Sociology of Culture: the path to the new millennium*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Kogan L.N. (1992) *Sociology of Culture*. Yekaterinburg: UrGU. (In Russ.)
- Kogan L.N. (2009) *Personality. Culture. Society. Works 1988–1997* / Ed. Yu.R. Vishnevsky. Yekaterinburg: Maska. (In Russ.)
- Kudrina T.A. et al. (1992) *Village Culture: Problems of Rebirth*. Moscow. (In Russ.)
- Marshak A.L. (2007) *Sociology of the Cultural and Spiritual Sphere*. Moscow: Iz-vo gumaniternoï literatury. (In Russ.)
- Shendrik A.I. (2005) *Sociology of culture: Proc. Settlement*. Moscow: Unit. (In Russ.)
- Sushchiy S.Ya. (2021) Russian literature of the Soviet period. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological research]. No. 2: 112–129. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2011) Centaurism of culture // Centaur-problem (experience of philosophical and sociological analysis). Moscow: Novyï Hronograf. (In Russ.)
- Tsukerman V.S. (1972) *Music and listeners: Experience sociological Research*. Moscow: Music. (In Russ.)
- Vakhmetsa A.L., Plotnikov S.P. (1968) *Man and art. Problems of concrete-sociological research of arts*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Vilkovsky M. (2010) *Sociology of architecture*. Moscow: Russkii Avangard. (In Russ.)
- Zhabsky M.I. (2020) *Sociology of Cinema: Origins, Subject, Perspectives*. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) *Youth in the Cultural Space: Self-regulation of Life and Activity*. Moscow: Norma. (In Russ.)

Шавель С.А. СОЦИОСФЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. Минск: Беларуская навука, 2022. 387 с.

В центре внимания новой книги белорусского ученого С.А. Шавеля попытка «расколдовать» современное общество, обосновать социосферную стратегию развития, прояснить наиболее актуальные проблемы современности. Основное внимание автор фокусирует на своем понимании развития современного белорусского общества, выдвигает авторскую концепцию социосферной стратегии. В контексте основной темы рассматриваются информационное взаимодействие сфер, кибернетический подход, мотивационная сфера личностной активности. Представлены методологические аспекты социологического исследования социокультурного кода, вопросы этногенеза белорусов в контексте исторической памяти и возможность консолидации белорусского народа. Свои размышления автор приводит на широком фоне историко-философского анализа.

Общество рассматривается в анализе С.А. Шавеля как чрезвычайно сложное и многомерное образование, как и социальные процессы, в нем происходящие. Изучая социальную реальность, С.А. Шавель выстраивает идеал современного общества, который меняется, как и вся наша жизнь, так как не может быть задан раз и навсегда. В каждом разделе автор пытается докопаться до сути изучаемого явления, уловить потаённые взаимосвязи, из которых впоследствии и вырастают точки роста нового. С.А. Шавель подтверждает прогнозные оценки В.С. Стёпина, который видел процесс возникновения нового идеала общества через постепенный переход к устойчивому развитию. Сергей Александрович подчеркивает, что идеал современного общества определяется уровнем социальной справедливости, стабильностью социального положения населения страны и устойчивого гарантированного будущего.

Также приводятся результаты социологических исследований по перспективам возрождения и развития пострадавших регионов после аварии на Чернобыльской АЭС и общественное мнение о развитии энергетической отрасли в динамике. Заключительная глава содержит различные статьи прошлых лет автора.

Новая монография С.А. Шавеля важна для понимания ключевых социальных процессов на постсоветском пространстве, осмысления теоретико-методологических практик современного общества, может стать основой дальнейших социологических исследований трансформационных процессов и изыскания ответов на новые вызовы времени, связанные с глобальной нестабильностью, выстраиванием новой социальной реальности в мире. Рекомендую всем, кто интересуется теоретико-методологическими вопросами развития современного общества, стремящимся разобраться и понять современный мир.

А.Н. ДАНИЛОВ, чл.-корр. НАН Беларуси

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: сборник статей / Отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 212 с.

Книга является продолжением серии работ, написанных в рамках выполнения государственного задания «Малые города в социальном пространстве России». В статьях сборника представлен анализ современных социокультурных условий жизнедеятельности населения малых городов России, показана их инфраструктура, выявлены возможности участия активных городских сообществ в самоуправлении, исследованы причины упадка и остановки социокультурного развития малых городов страны.

Представляет интерес как для научных сотрудников и специалистов в социологии и регионоведении, так и для руководителей и специалистов в области местного самоуправления, а также властей регионального и федерального уровней.

Гневашева В.А., Топилин А.В., Воробьева О.Д. ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. М.: Проспект, 2023. 200 с.

В монографии представлены результаты исследования современных процессов воспроизводства трудовых ресурсов России в единстве фаз формирования новой рабочей силы, ее распределения и использования. Выявлены демографические, социальные и экономические факторы воспроизводства трудовых ресурсов в период второй волны депопуляции, компенсирующая роль миграционных процессов. Рассмотрены особенности трансформации рынка труда в условиях кризиса и распространения пандемии COVID-19. Предложен управленческий механизм более эффективного использования трудового потенциала.

Для научных работников, практиков, преподавателей, студентов и аспирантов высших учебных заведений.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА / Отв. ред. А.В. Ярашева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 278 с.

Монография представляет собой результаты анализа активности населения в сфере образования и труда, а также трансформации социально-экономических условий, влияющих на принятие решений при выборе будущей профессии и последующего трудового пути человека. Экономическая активность человека рассматривается как способ достижения высокого уровня и качества жизни, влияющих на возможности самореализации и удовлетворения потребностей в соответствии с ценностными установками.

Предназначена для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов: всех, кто изучает проблемы экономического поведения населения, внешние аспекты и внутренние мотивы представителей различных слоев общества, решения которых формируют поведенческую модель при получении образования и осуществлении трудовой деятельности.

Ильичева Л.Е., Лапин А.В. ЦЕННОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДЕФОРМАЦИИ. М.: Проспект, 2022. 344 с.

В монографии представлены результаты исследования ряда российских регионов по проблемам формирования доверительных отношений между властью и обществом для обеспечения устойчивости существующей политической системы и, как следствие, повышения благополучия граждан. Решение стоящих перед регионами проблем авторы видят в создании эффективного механизма взаимодействия власти и граждан на базе нового общественного договора, предполагающего совместную гражданско-государственную ответственность за достижение надлежащего образа будущего региона. Для мониторинга динамики изменения уровня доверия населения к региональной власти предложена соответствующая методика его измерения.

Выявленная взаимосвязь состояния доверительных отношений в обществе и его внутренней консолидации дала возможность сформулировать предложения по созданию перспективной системы деполаризации населения, синхронизированной с общественными процессами, происходящими в региональном обществе. В целях измерения уровня социальной напряженности в обществе, определяющего степень его консолидации, была разработана соответствующая методика измерения, в основу которой заложен способ оценки базовых общественных ценностей.

Книга рассчитана на сотрудников исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, специалистов в области регионального политического управления и стратегического планирования, а также специалистов и студентов в области взаимоотношений власти, бизнеса и гражданского общества.

Давыдов Д. ПОСТКАПИТАЛИЗМ И РОЖДЕНИЕ ПЕРСОНАЛИАТА. М.: Рипол Классик, 2021. 336 с.

В последнее время идея посткапиталистического общества становится все более актуальной. На фоне системного кризиса капитализма и многих противоречий, которые обнажила пандемия COVID-19, все чаще наблюдаются попытки предложить альтернативное будущее, в котором роботы и искусственный интеллект даруют изобилие материальных благ, каждый обеспечен всем необходимым, а сами люди занимаются преимущественно свободной творческой деятельностью. Все эти утопические представления во многом вдохновлены классическими марксистскими взглядами на коммунизм как наиболее вероятную неантагонистическую форму посткапиталистического общества. В книге представлена попытка взглянуть на посткапиталистическую перспективу под радикально иным углом зрения. Многие факты и тенденции указывают на то, что мы движемся к новой антагонистической общественной формации, а вместо относительной общественной гармонии устанавливается господство нового возвышающегося класса – персоналиата.

Книга адресована политологам, философам, экономистам, социологам, историкам, а также всем интересующимся перспективами общественного развития.

Водолазов Г.Г. СОЦИАЛИЗМ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ. М.: РОССПЭН, 2022. 415 с.

«Социалистическая Россия – утопия или реальная возможность?» – это главный вопрос книги, на который автор не дает категоричного ответа. С одной стороны, то, о чем мечтали и что провозглашали идеологи Октябрьской революции, не осуществилось. С другой стороны, как стремится доказать автор, демократический социализм для России – это реальная историческая возможность, при воплощении которой будут преодолены экономические и политические тупики современного развития и построена общественная система социального равенства, гуманизма и народовластия. Демократическо-социалистическое мировоззрение развивалось и совершенствовалось, вбирая в себя опыт деятельности и борьбы предшествующих поколений его сторонников, корректируя свою теорию в соответствии с изменениями в мире, намечая новые для социализма пути и возможности. Автор прослеживает логику развития этой теории, начиная с идей эпохи Октября и первых лет послеоктябрьского развития, а затем показывает, как эти идеи продолжали и развивали демократические социалисты разных поколений, вплоть до современности.

Подготовила А. ГОВОРОВА

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает *только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде*. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются **в свободном доступе** на сайте журнала (<http://socis.isras.ru/>) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39, или по электронной почте: socis@isras.ru.

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 14 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html> согласно посылаемой авторам инструкции.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

- статьи – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);
- «Факты. Комментарии. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» – не более 0,5 а.л. (20 тыс. знаков);
- «Книжное обозрение» – не более 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков);
- «Научная жизнь» – до 0,3 а.л. (10–12 тыс. знаков).

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференций, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, для участников международных конференций – также страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В **рецензии** необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных

моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие темы рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2023 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2021–2022 гг.

По традиции журнал принимает *эссе* или *полемические заметки*, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Полемика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует *переводы* и *материалы для рубрики «Социологическое наследие»*. Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40 000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо прислать скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо автор, указанный первым в статье, выступает от имени всех соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Редакционные рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция **не вступает с авторами** в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается **в течение 2-х месяцев** со дня регистрации рукописи в Редакции. Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуются следующими критериями.

1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
3. Теоретическое обоснование избранной темы.
4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
5. Достоверность и убедительность данных.
6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в «СоцИсе», исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий.

7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются обществоведческим журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.

2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.

3. Превышение рекомендуемого объема и несоблюдение требований к оформлению рукописи.

4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, **авторы обязуются не публиковать ее ни в каком ином издании без письменного согласия редакции.**

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:

- специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
- непосредственно в тексте;
- в сноске;
- в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

1. Название организации, проводившей исследование.
2. Даты проведения исследования (полевых работ).
3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
4. Структура генеральной совокупности.

5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
6. Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о ремонте выборки. Ошибка выборки.
7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа – процент объясненной дисперсии.
8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полужакрытый и проч.).
10. Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нештатные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке, а также блок на английском языке).

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должности, контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация и список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы). Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – **п/ж строчные** – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – **п/ж строчные** (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – **п/ж строчные курсив**.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);

- авторская справка – Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все), академия, город, страна, e-mail в скобках;
- информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract – аннотация должна быть расширенной (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах – 200–250 слов);
- keywords (через запятую не более 10 слов);
- references – список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании.

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

К рассмотрению принимаются статьи только с монохромными (черно-бело-серыми) рисунками. **Цветные рисунки не принимаются.** После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате:

- Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе);
- *.tiff, *.png (предпочтительно) или *.jpg (нежелательно, но допустимо), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае **разрешение** изображения должно быть не менее 300 dpi; **размер** – не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана стр. из источника. При наличии у статьи DOI нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию.** Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «др.». В случае ссылки на литературу на иностранном языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.».

Авторам необходимо знать, что **нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога**. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.

2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.

3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «//».

4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий не нужна:

Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)

5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.

6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.12.2021).

(!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77. [Dubin B., Zorkaya N. (2009) Reading and Society in Russia in 2000s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 61–77. (In Russ.)]

Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ, 2010. [Mersyanova I.V., Yakobson L.I. (2010) *The Potential and the Development of Philanthropy in Russia*. Moscow: VShE. (In Russ.)]

Enders J., Kaulisch M. (2006) The Binding and Unbinding of Academic Careers. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars*. London: Portland Press.

Smith J. (2010) Forging Identities: the Experiences of Probationary Lecturers in the UK. *Studies in Higher Education*. Vol. 35. No. 5: 577–591.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://sosis.isras.ru/index.php?page_id=539.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 1

CONTENTS

3 TO THE READERS

IN MEMORY OF N.I. LAPIN

- 5 BELYAEVA L.A. Nikolai Lapin: Researcher and Science Promoter

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 16 SHMERLINA I.A. The Russian Subjective School as an Alternative Mode of Social Reflection

DEMOGRAPHY. MIGRATIONS

- 26 DENISENKO M.B., MUKOMEL V.I. Foreign Workers in Russia: Employers' Opinions
38 GRIGORICHEV K.V. The Features of Population Reproduction in the Suburbanized Zone
(the Case of the Irkutsk Agglomeration)
52 POGHOSYAN G.A., OSADCHAYA G.I. Armenian Diaspora in Russia: Integration vs Repatriation

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 62 BARKHATOVA L.A. From Virtual to Digital Research: Methodological Promises
and Limitations of Approaches

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 71 DOROSHENKO S.V., SANAEVA O.V. The Influence of the Population's Lending on the Level
of Suicide in the Russia Regions
82 BELOVA Y.Yu. Sober Lifeway: Motives, Roles and Practices

POLITICAL SOCIOLOGY

- 95 ILEUOVA G.T., SIMAKOVA O.A. Social Sentiment and Protest Moods of Kazakhstani People
on the Eve of the January 2022 Rallies
107 ABDIRAIYMOVA G.S., VEREVKIN A.V., LIFANOVA T.Y. Evaluation of Social Well-Being
of Kazakhstan's Students

SOCIOLOGICAL HERITAGE

- 114 GOLOVIN N.A. P.A. Sorokin and R. Thurnwald: Collaboration in the Journal "Sociologus":
Toward the Publication of Business Correspondence and Journal Reviews
124 Selected Business Correspondence of Sociologists P.A. Sorokin and R. Thurnwald (1928–1954)
130 SOROKIN P.A. Some of the New Works in the Field of "Philosophical" and "Empirical-Inductive"
Sociology: Consolidated Review
137 SOROKIN P.A. Otmar Spann. Crisis in Political Economy (Supplemented Report): a Review
140 SOROKIN P.A. Theodor Geiger. Images of Comradeship. Knowledge and Influence: a Review
143 SOROKIN P.A. Issues of General and Social Psychoneurology / Ed. A.I. Geimanovich; Labor and
the Nervous System / Ed. A.I. Geimanovich; Conditioned Reflexes / Ed. G.V. Vollbort:
A Consolidated Review
145 SOROKIN P.A. A Handbook for Sociology (Ed. by A. Fierkandt et al.): a Review

ACADEMIC EVENTS

- 147 ROMANOVSKY N.V., DEMIDENKO S.Yu. The New Social Reality (On the XXIV A. Kharchev' Readings)
- 151 AFANASYEV A.V. To the 100th Anniversary of Academician V.G. Afanasyev
- 154 KOLENNIKOVA N.D. Russian Society in the Period of Global Turbulence: Key Challenges and Opportunities
- 157 SMIRNOVA A.S. About the Problems of Digital Inequality During the Pandemic
- 158 RYAZANTSEV S.V., SIVOPLYASOVA S.Yu. XI Valentey Readings in Demography

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 161 TOSHCHENKO ZH.T., TARTYGASHEVA G.V. What is Really Going on in the Field of Culture?

BOOKS IN BRIEF

INFORMATION FOR AUTHORS

CONTENTS

BEST PUBLICATIONS 2022 (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)